

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

---

*О жизни и творчестве скульптора Джованни Лоренцо Бернини
читайте на странице 70.*

Неизвестное об известном	
<i>Юрий Осипов</i>	Путь к истине 4
<i>Алла Зубкова</i>	Конкистадор от науки 54
Эссе	
<i>Виктор Ом</i>	«Утевская Мадонна» 23
Зеленая панацея	
<i>Степан Кащеев</i>	Манжетка 35
Рассказ	
<i>Надежда Артемова</i>	Хозяйка цветочной лавки 38
Замечательные современники	
<i>Елена Воробьева</i>	Александрина Питиримова: «Для меня самое любимое — это играть в детских спектаклях 65
Судьба художника	
<i>Ирина Опимах</i>	Лоренцо Бернини и его Констанция 70
Судьбы	
<i>Денис Логинов</i>	Горестная Агриппина 82
Забытые имена	
<i>Александр Ралот</i>	Женщина, сотворившая бестселлер 97
Новые имена	
<i>Дарья Парчинская</i>	Дмитрий Соколов: «Я смотрю в будущее с оптимизмом» 100
Житейские истории	
<i>Иосиф Гольман</i>	Поездка к няне 105
Уголки России	
<i>Александр Обоимов</i>	Едей-я, или «Архипелаг летающих собак» 114
Это интересно	
<i>Дмитрий Зелов</i>	Тайны старинной мануфактуры 121
Поэзия	
<i>Валерий Митрохин</i>	Стихи 125
Детектив	
<i>Андрей Дышев</i>	Бухта Дьявола 130
Кроссворд. Эрудит	
	188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтюд
Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.07.2021

« Помните, в конце бессмертной пушкинской повести «Пиковая дама» Герман, сошедший с ума, бормочет: «Тройка, семерка, туз. Тройка, семерка, дама!..» Три карты, три карты, три карты... А самого великого поэта преследовали всю жизнь не три карты, а три дамы, одна из которых была роковой. Кто же эти дамы? Одна — Амалия Ризнич, вторая — графиня Елизавета Воронцова, и третья, роковая, — Каролина Собаньская, урожденная графиня Ржевуская. Она принесла много страданий поэту, но от этого его произведения не стали менее гениальными, несущими светлое чувство живительных родников прозы и поэзии.

Валерий **Ганский** «И снова вечный Пушкин...»

« Творчество Юрия Тынянова занимает в отечественной литературе особое место. Он соединил научные исследования и художественно-познавательную прозу. Его большое и разнообразное наследие продолжает жить в русской культуре и помогает нам лучше осмыслить прошлое. Тем более, когда речь идет о Пушкине и его окружении, о Гоголе и Достоевском... Человек скромный и сдержанный, Тынянов прожил неброскую, наполненную неустанным трудом жизнь, в которой не было суеты, однако было постоянное душевное напряжение. Его богатый архив, поражающий размахом замыслов и глубиной познаний, свидетельствует, что этот «штучный» писатель-ученый не потерял даром ни часа...

Юрий **Осипов** «Чудо появления нового»

« Своих далеких предков не знает практически никто из нас — не разглядишь их в сумраке веков. И все же кое-какие подробности из тех далеких времен до нас дошли. Например, какую одежду носили наши предки, какие песни пели, в каких домах жили, что ели и пили, какие продукты использовали, а какие нет, потому что еще не знали о них. Русские, и не только, историки уделяли этому вопросу немалое внимание, благодаря чему эти сведения дошли и до нас.

Владимир **Гриньков** «Что едали на Руси 500 лет назад»

« Имя Василия Татищева сейчас мало кому известно, к сожалению. А этот человек сделал для России не меньше, чем Ломоносов или Карамзин. За свою жизнь он успел побывать и придворным, и военным, и экономистом, и... узником Петропавловской крепости. Жил он непросто и беспокойно, вечно балансируя на грани опалы, хотя ни в каких политических интригах никогда не был замешан. Удивительная судьба и удивительное забвение. Увы, история порой бывает несправедлива к выдающимся людям.

Денис **Логинов** «Историк по зову сердца»

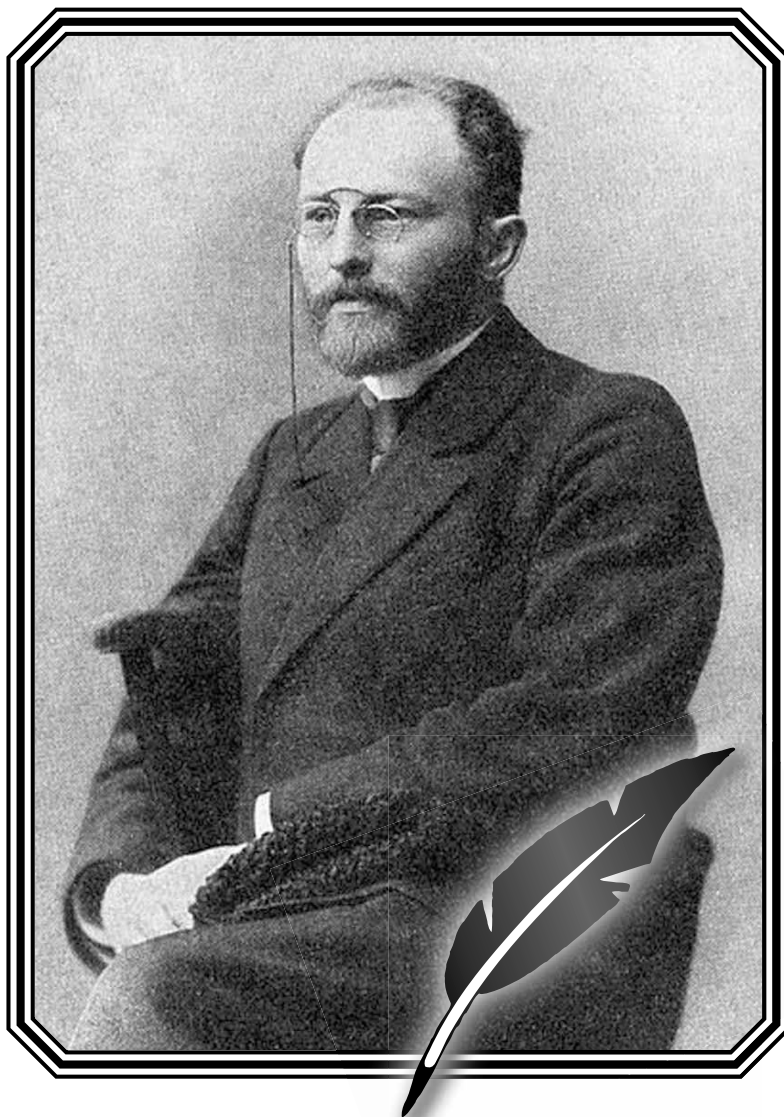
« Продолжение детектива Андрея **Дышева** «Бухта Дьявола»

О Викентии Вересаеве не много воспоминаний современников. Зато можно найти точные наблюдения о нем таких писателей, как Телешов, Скиталец, А.Н. Толстой. Но, конечно, лучше всего знакомиться с этим мастером слова по его книгам. Правда, и тогда возникают вопросы: кто он прежде всего — писатель, ученый, автор удивительной хроники «Пушкин в жизни», врач? Мнения исследователей разнятся, поэтому за ответами лучше всего обратиться к творчеству Вересаева, к судьбе этого разносторонне талантливого человека, который никогда не отступал от своих жизненных принципов и был всегда честен перед собственной совестью.

Что же касается вересаевских убеждений, то они в известной степени менялись со временем, но в главном, сокровенном оставались неизменными. Архаист и новатор, одно из связующих звеньев между литературой конца XIX и первой половины XX века, таким предстает Вересаев в глазах читателей разных поколений, которым он по-прежнему открывает мир добра и красоты.

Юрий Осипов

ПУТЬ К ИСТИНЕ

В лекции студентам Викентий Викентьевич сказал однажды примечательные слова: «Как бы писатель ни старался скрыть свое отношение к той или иной проблеме, все равно его скрытое отношение выльется на бумагу, поскольку человек и истинное искусство связаны между собой неразрывно. Художник должен быть самим собой, — другого пути к истине нет». Сам Вересаев всю жизнь стремился следовать этому завету.

Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) родился в январе 1867 года в Туле. Отец его, Викентий Витальевич Смидович, потомственный дворянин, был врачом, основателем тульской городской больницы и санитарной комиссии, одним из создателей Общества тульских врачей. Мать, Елизавета Павловна (урожденная Юницкая) организовала в своем доме первый в Туле детский сад. Словом, родители будущего писателя являлись настоящими подвижниками. Семья жила в собственном доме на Гоголевской улице, где теперь располагается Дом-музей В. Вересаева.

Окончив тульскую классическую гимназию с серебряной медалью, юноша поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1888 году, защитив кандидатскую диссертацию. И в том же году поступил на медицинский факультет Дерптского университета. Во время учебы на врача работал в лаборатории терапевтической клиники, напечатал две научные работы. Студентом ездил на холерную эпидемию в Екатеринославскую губернию, проявив немало врачебного мужества и самоотверженности.

Что повлияло на столь неожиданный выбор второй профессии? Настояние отца-медика? Возможно. Но, так или иначе, получив в 27 лет диплом врача, Вересаев утверждает свое имя в... литературе повестью «Без дороги» и рядом самобытных рассказов. В начале XX века

была популярна шутка, что в России больше всего писателей выпускают медицинские вузы. Викентий Вересаев еще одно тому подтверждение.

Его первые произведения различны по жанру и настроению. В них есть производственная тематика, нащупывается тема интеллигенции, описываются мечты о будущем молодых героев и их неудовлетворенность настоящим. Содержат эти ранние вещи также восторженные картины природы. Однако центральный мотив цикла — призыв к активному восприятию жизни, отказ оправдывать никчемность персонажей привычными ссылками неудачников на то, что, якобы, «среда заела», и что, мол, жизнь такая». «Нет и нет!» — восклицает автор. И прибавляет: «Важно — не где жить, важно — как жить».

С рассказом «Лизар» начинающему литератору крупно повезло. На него обратил внимание публицист В. Ильин (будущий вождь мирового пролетариата В.И. Ульянов-Ленин), который приводит этот рассказ в качестве художественного примера в работе «Развитие капитализма в России». Причем обе публикации появились в одном и том же 1899 году, и один молодой автор-экономист почему-то обратил внимание на небольшой рассказ другого молодого автора-писателя.

Вне зависимости от столь любопытного факта, «Лизар» зажил своей самостоятельной жизнью, отражая поиски Вересаевым смысла и основы человеческого существова-

ния. *«Была уже поздняя ночь, а все кругом жило, пело и любило... Жить широкой жизнью, не бояться ее. Не ломать и не отрицать себя, — в этом была та великая тайна, которую так радостно и властно открывала природа».*

А дальше из-под пера писателя стали выходить своеобразные «полуповести — полумемуары». В них давало себя знать образование ав-

тора: то он исследователь-ученый, то врач.

Повесть «Без дороги» (1895) была написана на злобу дня и в форме лирического дневника. В тот сложный период произошел явственный перелом сознания интеллигенции, разочаровавшейся в идеалах народничества и шархавшейся из стороны в сторону в поисках нового идеологического направления, новой

программы действий. Герой повести Чеканов по разным причинам теряет место постоянной работы и приезжает к родственникам в деревню, где наблюдает совсем иную жизнь и сводит знакомство с людьми, не похожими на тех, кто окружал его в городе. С надломленной душой уезжает он в грязное Заречье и оборудует там медицинскую службу по борьбе с эпидемией холеры. Но не понимают Чеканова даже представители того самого народа, ради которого он рисковал своим подорванным здоровьем. Мало того, они его еще и избивают...

Через два года Вересаев публикует повесть «Поветрие». Если в повести «Без дороги» рассказывалось о двух поколениях, которые потеряли «путеводную звезду» и не знают, куда двигаться дальше, то героиня повести «Поветрие» уже находит свой путь. Путь, ведущий в революцию. Повесть показалась современникам настолько радикальной, что несколько журналов, включая «Русское богатство» и «Мир божий», отказались ее печатать.

Тем временем Викентий Викентьевич благополучно женился на троюродной сестре Марии Смидович (что не нарушало тогдашних обычаев), а позднее, в конце 1901 года, по предписанию градоначальника был выслан за революционную деятельность на два года в Тулу без права выезда. Это предписание не помешало ему, однако, совершить вскоре длительные поездки в Италию, Германию, Швейцарию, Фран-

цию, а в следующем году — побывать в Петербурге, Москве, Крыму.

С супругой они прожили всю жизнь, как говорится, душа в душу, хотя детей у них не было. Свой счастливый брак Викентий Викентьевич ярко описал в рассказе «Эйтимия», что означает «радостнодушие».

Год ссылки ознаменовался для писателя новым творческим поворотом. Увидело свет произведение, которое принесло ему не только все-российскую, но и международную

плодной, он должен быть общественным деятелем в самом широком смысле слова». Поистине золотые слова! И Вересаев не раз подтверждал их собственным примером.

С началом Русско-японской войны писателя призвали военврачом и направили в Маньчжурию. Службу он нес в исключительно тяжелых условиях, не раз оперировал прямо на передовой. Военврачом во фронтовом госпитале Викентий Викентьевич служил и позднее, во время Первой мировой.

Нашумевшие «Записки врача» во многом способствовали тому, что Вересаев свел близкое знакомство со «звездами» литературы Серебряного века. Он не раз бывал на квартире Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, а главным центром притяжения для него стал литературный салон «Среда», собиравший весь цвет писательской среды тех лет: Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, А. Kupрин, В. Гиляровский и многие другие.

известность. Речь идет о буквально культовых «Записках врача». Книга Вересаева повествует о будничной практике молодого доктора, о его встрече с суровой реальностью, далекой от юношеских романтических мечтаний, о врачебной этике и даже об экспериментах на людях...

«Врач — если он врач, а не чиновник врачебного дела — должен, прежде всего, бороться за устранение тех условий, которые делают его деятельность бессмысленной и бес-

Нашумевшие «Записки врача» во многом способствовали тому, что Вересаев свел близкое знакомство со «звездами» литературы Серебряного века. Он не раз бывал на квартире Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, где сегодня находится ее музей. Главным же центром притяжения для него стал литературный салон «Среда», собиравший весь цвет писательской Москвы тех лет: Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин,

В. Гиляровский, А. Куприн, М. Горький и многие другие. Собрания кружка чаще всего проходили в квартирах его организатора Н. Телешова, на Земляном валу и Чистопрудном бульваре.

В книгоиздательском товариществе на паях большинства участников «Среды» отличавшийся безупречной порядочностью Вересаев долгое время занимал должность председателя правления и главного редактора, отстаивая позитивную идеологию «утверждения жизни», ее красоты и значимости. «Программа эта, — вспоминал позднее Викентий Викентьевич, — вызвала бурю возмущений, и я до сих пор удивляюсь, как мне удалось ее провести».

В литературном творчестве Вересаев тоже не искал легких путей. На гребне беллетристического успеха он неожиданно обратился к совершенно новому жанру — биографиям гениальных художников слова в форме монтажа воспоминаний о них, характеристик и мнений современников. В 1910 году писатель создал объемный труд о двух титанах уходящей эпохи — Толстом и Достоевском под названием «Живая жизнь». Книга до сих пор популярна не только у литературоведов и биографов, но и у массового читателя. Автор относил ее к числу своих самых значительных достижений.

Уже после революции Вересаев взялся за углубленное изучение литературного процесса и выпустил в 20-е–30-е годы замечательные исследовательские работы «Пуш-

кин в жизни», «Гоголь в жизни» и «Спутники Пушкина», перелопатив для их написания огромный фактологический материал. В этих книгах нет авторских оценок, трактовок и разъяснений, кроме предисловия и комментария. Только — исторические факты и свидетельства, «смонтированные» в хронологическом порядке. Чтение поистине захватывающее! Мы как будто шагаем рядом с героями от рождения к кончине, в мельчайших подробностях прослеживаем хронику прожитых ими лет, постигаем перипетии их волнующих судеб.

Тогда же, в советское время, писатель увлекся переводами и получил Пушкинскую премию за переводы древнегреческой поэзии. Спустя несколько лет взялся переводить Гомера, не отказываясь при этом от переводческих традиций его могучего эпоса, заложенных Гнедичем, Жуковским, Минским, но при этом стараясь изжить их недостатки. Такие, как, например, архаичный язык и перенасыщенность текста церковнославянской лексикой у Гнедича, или «вялый и прозаичный» слог Минского.

В 1929 году стареющий мастер выпустил собрание своих переводов, куда вошли «Труды и дни» и «Теогения» первого древнегреческого поэта Гесиода.

В постреволюционные годы писателя все больше беспокоил вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и народных масс. Этой теме посвящен выпущенный в 1922 году

*Дом-музей
В.В. Вересаева
в Туле*

роман с характерным названием «В тупике». В романе показано семейство Сартановых в преддверии революции 17-го года.

Отец, Иван Ильич, видный ученый, демократ по убеждениям. Его дочь Катя — меньшевичка, и пока не определилась с выбором жизненного пути. Другая дочь, Вера, и племянник Леонид — большевики, они по другую сторону баррикад. В семье происходят тяжелые переживания, сталкиваются разные мнения о том, в чем польза для народа, где место интеллигенции в будущем кардинальном переустройстве общественной жизни. В результате возникает гнетущая атмосфера, некоторые персонажи романа проявляют беспомощность и оказываются в идейном тупике. В 20-е годы этот роман неоднократно переиздавался, однако уже в 30-е был сочтен властью вредным и изъят из библиотечных фондов...

Все исследователи творчества Вересаева советского периода отмечают, что симпатии писателя бы-

ли целиком на стороне большевиков. Герои романа приходят к выводу, что «только у большевиков настоящая сила». Но, предостерегает автор, эта «настоящая сила» временна. Писатель оказался прозорлив, предупреждая устами умного рабочего Капралова: «Не выйдем у нас никакого социализма». Катя в романе идет работать к большевикам, не может примириться с хамством начальства и в результате попадает в тюрьму. Но и там остается сама собой, ее дух не сломлен. По мнению писателя, в тупик зашла та часть старой русской интеллигенции, которая в служении народу видела смысл жизни, однако Октября не приняла и не поняла. Эта интеллигенция была Вересаеву дорога, он сам считал себя ее частью.

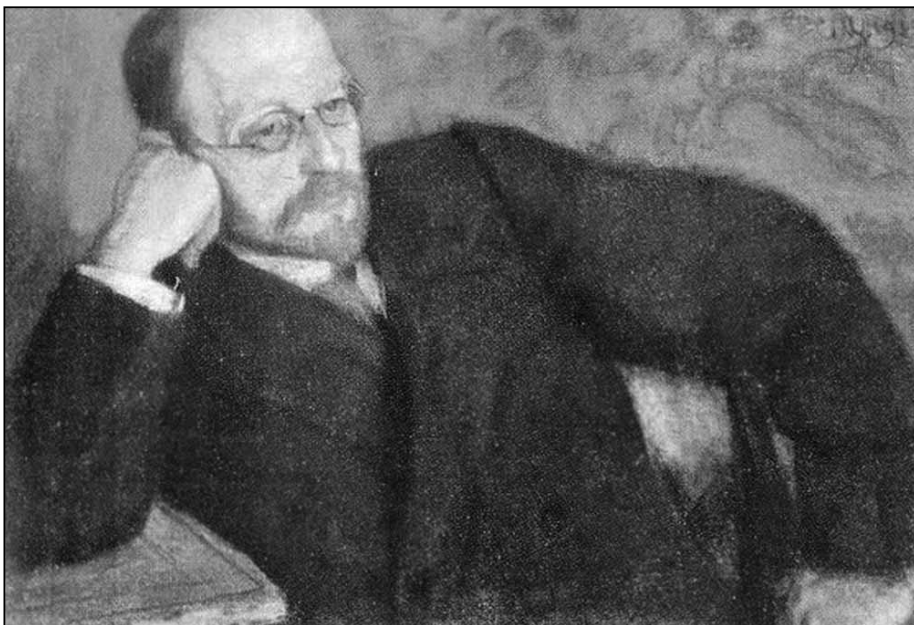
После выхода романа и, главным образом, после дерзкого прочтения автором отрывков из него перед партийным ареопагом на квартире Каменева в ночь на первое января 1923 года Вересаев получил от но-

вой власти кредит доверия. Велик был авторитет писателя также среди собратьев по перу, знавших честность и принципиальность Викентия Викентьевича.

В 20-е–30-е годы появились в центральной печати рассказы Вересаева «Состязание», «Собачья улыбка», «Инсанка». По манере письма их автор оставался убежденным реалистом. И, что особенно ценно в его художественном творчестве, подходил к правдивому изображе-

Вполне убедительными получились у автора образы рабочих в повести «Конец Андрея Ивановича», в очерке «На мертвой дороге» и в других произведениях. Пагубной власти денег над деревней посвящен еще ранний рассказ «Лизар». Острая сельская проблематика присутствует также во многих более поздних публицистических работах писателя.

Двенадцатитомное собрание сочинений и переводов, увидевшее свет в 1929 году, явилось своеобразным

*Сергей
Малютин.
Портрет
Викентия
Вересаева.
1919 год*

нию лиц и окружающей их среды с позиций любви и правды.

Люди труда, фабричные и заводские рабочие не прошли мимо обостренного внимания писателя. Как, впрочем, и крестьяне. Симпатия ко всем «мятежно ищущим разрешения «вечных вопросов» определила угол зрения Вересаева на своих героев: они показаны не столько в процессе труда и борьбы за новую жизнь, сколько в поисках жизненных путей.

итогом большого творческого пути Вересаева. И завершать его он не собирался. В стране за десятилетие советской власти произошли бурные перемены, которые не могли оставить пытливого правдолюбца равнодушным. И Вересаев взялся за продолжение романа «В тупике», политически ориентированных повестей. Так появился роман «Сестры» (1931).

Сестры Ратниковы — Люська и Нинка — выходцы из интеллигент-

ной семьи, порвавшие по идеологическим причинам отношения с родителями. Они, студентки престижных столичных вузов, работают комсомольскими пропагандистками, одна — на текстильной фабрике, другая — в детском доме. Девушки, подобно их сверстницам, мечтают о настоящей любви, но не перестают искать внутренний смысл жизни. Увы, именно в личном плане героини романа терпят фиаско.

Несмотря на широкий охват действительности и актуальность поднятых в нем тем, роман «Сестры» по-

Викентий Викентьевич рук не опустил, возрасту не поддавался и углубился в науку, к которой всегда был привержен. Так, вслед за «Пушкиным в жизни», «Спутники Пушкина» и вересаевские переводы древнегреческой поэзии.

Но от художественного творчества он полностью не отойдет, будет периодически публиковать лирические новеллы и «Невыдуманные рассказы о прошлом» (название одного из его сборников). А в 1935-м в качестве пушкиниста станет соавтором

В литературном творчестве Вересаев не искал легких путей. На гребне беллетристического успеха он неожиданно обратился к совершенно новому жанру — биографиям гениальных мастеров слова в форме монтажа воспоминаний о них, характеристик и мнений современников. В 1910 году писатель создал объемный труд о двух титанах уходящей эпохи — Толстом и Достоевском, под названием «Живая жизнь»

лучился весьма схематичным, умозрительным. Это, следует подчеркнуть, не умалило его социальный пафос, поскольку верный своему неизменному стремлению к правде Вересаев зорко подметил многие еще только зарождающиеся неприглядные тенденции тогдашней действительности. В результате тираж пользовавшегося большой популярностью романа был арестован и полностью исчез с книжных полок библиотек и магазинов вплоть до 90-х годов.

Михаила Булгакова по пьесе «Последние дни», посвященной трагической дуэльной истории Поэта.

Государство продолжает выказывать старому литератору почет и уважение. Он состоял с 1921 года председателем Всероссийского Союза писателей. В 34-м получил мандат на членство в президиуме учредительного съезда Союза советских писателей под председательством М. Горького, с правом решающего голоса. Государству был нужен его

высокий моральный авторитет в писательской среде и безупречная репутация. Другое дело, что ставить их на службу сталинскому режиму Вересаев не желал.

В январе 39-го «за выдающиеся успехи и достижения в развитии художественной литературы» Указом Президиума Верховного Совета СССР его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Реакция Викентия Викентьевича на это награждение неизвестна, но известно, что он всегда был против каких-либо наград за литературные произведения и даже отказался в свое время от звания почетного академика.

Между тем его громадный научный труд — переводы свыше 28 тысяч стихов «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, подоспевшие к осени 1941 года, вошли в научный оборот, ими и поныне пользуются исследователи литературы. Ну а тогда, в самый разгар Великой Отечественной войны, Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1942 год» Вересаеву была вручена Сталинская премия первой степени, 100 тысяч рублей, фантастическая по тем временам сумма.

Об этом событии его предупредили за 15 минут до объявления по радио. В дневнике он записал: *«Мучительно думал — за что? Какую на старости лет мог совершить подлость, за которую меня наградили Сталин?»* В те времена принято бы-

ло благодарить за полученную награду через газету. Вересаев молчал — «честно и смело», по словам Серафимовича.

Под своей жизнью и творчеством Викентий Вересаев подвел черту 3 июня 1945 года, успев узнать о великой Победе советского народа в битве с фашизмом. Узнать и порадоваться. Ушел он легко и тихо, чтобы встать бронзовым памятником, с записной книжкой и карандашом в руках, перед входом в городской парк своей родной Тулы. Задумчивый взгляд писателя обращен к расположенному в 500 метрах ниже по улице дому, в котором он родился и в котором ныне устроен его мемориальный музей.

Высокая стела темного, отполированного до глянца камня на могиле писателя в одной из аллей Новодевичьего кладбища буквально утопает летом в зелени цветника. На лицевой грани надгробия эпитафией высечена фраза из вересаевского рассказа «Легенда»: *«Да, в жизнь нужно входить не веселым гулякою, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный жизни и тайны»*. Слово «жизнь» было любимым в лексиконе писателя, и его духовное завещание призывает нас беречь этот бесценный дар.

Рядом с могилой простая деревянная скамья, напоминающая о природной скромности покойного писателя и словно приглашающая прохожего присесть и подумать о необратимости времени и быстротечности жизни...

EUTHYMIA

Насмешка судьбы соединила друг с другом самого счастливого человека с самым несчастным.

Леонид Александрович Ахмаров был талантливейший инженер-строитель, один из лучших советских архитекторов. Каждая его постройка вызывала шум и разговоры. Она была оригинальна, ни на что прежнее не похожа и покоряла красотой, жадной любовью к жизни и мужественностью духа. Начинала светиться душа, когда глядел человек на благородные линии его зданий, на серьезную, чисто эллинскую радость их, осложненную современной тонкостью и сложностью. Леонид Александрович много зарабатывал. Был красив, молод, здоров. Прекрасный теннисист и конькобежец. Во всем ему сопутствовала удача.

Жена его Люся была собранием множества болезней и множества несчастий. Восход ее жизни был ярок и многообещающ. Студенткой университета она была принята в студию Станиславского, там все носили ее на руках. Станиславский повсюду говорил торжествующе, что появилась в Советском Союзе первоклассная трагическая актриса с огромным темпераментом. И вдруг все оборвалось. У Люси открылся туберкулез кишечника. Рухнули надежды на артистическую дорогу. У нее много было и еще болезней. Прирожденное сужение аорты, рвущие мозг мигрени, доводившие почти до помешательства. Сколько она проглотила пирамидона, фенацетина, кофеина! И только незадолго до смерти выяснилось, что мигрени вызывались скрытой малярией, не разгаданной врачами. Все почти время Люся проводила в постели. А была при этом полна огромной энергии, не имевшей приложения. Изнывала от страстной жажды материнства, но врачи запретили иметь детей.

Оба они сильно и прочно любили друг друга.

Машина мягко неслась по гудронированному шоссе дачного поселка. Леонид Александрович возвращался из Москвы с дневного диспута в Политехническом музее об его последней постройке — Всесоюзном Дворце физкультуры. Нападали, защищали, но в том сходились все, что это будет одно из замечательнейших зданий Москвы, что оно, пожалуй, даже знаменует

нарождение в архитектуре нового, советского стиля. Потом был банкет. Голова кружилась от шампанского и восхвалений. Дубы и сосны просеки чернели высокою стеною, закрывая заходящее солнце. Как всегда после временного отсутствия, все вокруг было по-новому мило, неожиданно значительно.

Машина въехала в ворота дачи. В саду, около куста цветущей жимолости, лежала в гамаке Люся и смотрела на заходящее солнце. Лицо у ней было бледное и страдающее. Она медленно перевела глаза на входившего в сад мужа и встрепенулась:

— Ну, иди скорей, рассказывай!

Расспрашивала обо всех подробностях диспута, жадно глядя огромными черными глазами, расспрашивала серьезно и требовательно. Леонид Александрович сидел возле гамака на березовом пне, рассказывал, а в душе было горько: в какой он живет яркой, интересной жизни, а она тут вяло прозябает в одиночестве и непрерывных страданиях.

Кончил рассказывать, припал головою к ее плечу:

— У тебя очень страдающее лицо. Плохо тебе?

Она нетерпеливо повела плечами.

— Это совсем не важно! — И оживилась. — Знаешь, я сейчас лежала и смотрела вон туда. Березы стоят огромные, тихие-тихие. Зелень под солнцем такая яркая, зеленая до невероятности! И как будто все замерло в благоговении. Как хорошо! Какая красота! — повторяла она в упоении. — И воздух какой, вдохни всю грудь! Ой, Леня, как у нас тут хорошо!.. И... ой-ой! Смотри-ка, Анна Павловна идет гнать меня домой!

По дорожке шла, подергивая головою, худенькая старушка и лукаво улыбалась.

— Людмила Александровна, солнце садится, нужно домой.

— Да уж вижу, идете отравлять мне жизнь!.. Ох, Леня, какая это отравительница жизни, если бы ты только знал!.. Ну, что ж делать! Нужно идти.

Анна Павловна сконфуженно улыбалась, и кожа темени светилась сквозь седоватые, очень редкие волосы.

Пошли к дому. В цветнике к вечеру сильнее пахло левкоями и резедой. На застекленной террасе кипел самовар. Анна Павловна села к нему.

Леонид Александрович сказал нерешительно:

— В филармонии объявлен концерт. Пятая симфония Шостаковича. Взять и для тебя билет?

— Что за вопрос? Конечно!

— Люся, ведь после этого опять на несколько дней придут твои ужасные мигрени.

— И из-за этого отказываться от радости! Какая нелепость! Очень прошу тебя не опекать меня. Обязательно возьми.

Он пожал плечами и сказал покорно:

— Хорошо.

С разговором и смехом вошла на террасу молодежь: комсомолец-вузовец Борис, брат Леонида Александровича, и две племянницы Люси — сероглазая хохотунья Ира и чернобровая Валя с насмешливыми глазами. Все были в теннисных костюмах, с ракетками.

Перебивая друг друга, стали рассказывать: приезжал в гости к Куприянову чемпион по теннису, знаменитый Кидалов. Борька играл с ним сингль, конечно, проиграл, однако взял два гэма. Вот так Борька наш! Все-таки два на шесть!

Борис сказал брату:

— Кидалов много слышал про тебя и очень жалел, что не застал сегодня. В следующее воскресенье он будет здесь, и был бы рад сразиться с тобою.

— С удовольствием. Таким игроком интересно быть и побитым.

Леонид Александрович был очень рад. Он самозабвенно любил теннис — вольность и разнообразие движений в нем, красоту и удобство теннисных костюмов, упоение от удачно посланного или принятого мяча. А тут еще встреча с таким мастером, как Кидалов.

Всегда, когда у него была радость, Леониду Александровичу было стыдно перед Люсей, больно, что она в ней не может участвовать, и поднималась к ней особенная нежность.

Молодежь ушла гулять. У Люси глаза были очень бледны, она с трудом поднялась со стула: начинался скрытый припадок малярии. Леонид Александрович подал ей руку, чтоб отвести в ее комнату. Но Люся сурово сказала:

— Не надо. Я с Анной Павловной. Иди к себе работать.

В просторной спальне от открытых окон стояла сыроватая ночная свежесть. Анна Павловна грела постель, Люся причесывалась на ночь. Разделась, подошла к постели, сказала устало:

— Какая я счастливая! Уж не нужно раздеваться, не нужно причесываться, все позади. А постель какая мягкая, какая нагретая! — С наслаждением завернулась в одеяло. — Ой, как хорошо!.. Как тепло! — Притянула за руку Анну Павловну и шепнула: — Анна Павловна, милая! Я вам так благодарна за вашу всегдашнюю заботу обо мне! Я не представляю, что бы я без вас делала. Мне только перед вами не стыдно страдать.

Анна Павловна изумилась.

— Вы — благодарны мне! Я никогда не смогу отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали.

Люся засмеялась, махнула рукой и сказала:

— Ну, покойной ночи!

Знакомство их началось так.

Года два назад, в слякотный осенний день, Люся шла через Патриаршие пруды и увидела на скамеечке маленькую женщину с трясущеюся головою. Лицо женщины, мокрое от мелкого дождя, застыло в таком страдании и отчаянии, что Люся невольно повернулась к ней, села рядом и заговорила. Старушка отшатнулась. Но Люся была мягко настойчива, и постепенно старушка все рассказала. История была простая. У нее умерла от тифа единственная дочь восемнадцати лет, вузовка, в которой была вся ее жизнь. Люся с жадным участием расспрашивала, и старушка с радостью рассказывала, какая ее девочка была талантливая, красивая, добрая, как ее все любили. Люся просидела со старушкой под зонтиком два часа. Старушка плакала, а Люся ей говорила, говорила горячо и долго. Ни Анна Павловна, ни сама Люся не смогли бы передать, что именно говорила Люся. Дело было не в словах, не в мыслях, не в логике. Действовала спокойная мягкость голоса, несокрушимая вера в жизнь, ясно осязаемое, жаркое сочувствие. Как будто музыка звучала, серьезная и торжественная. Анна Павловна слушала и облегченно плакала.

После этого Анна Павловна несколько раз была у Люси. Эта больная, уже негодная для жизни женщина непонятным образом давала ей силу нести горе и опять привязала ее к жизни. Вышло как-то так, что Анна Павловна поселилась у Люси и стала в доме совершенно незаменимой: заведовала хозяйством, ухаживала за Люсей, чинила белье и платье. И решительно отказывалась от вознаграждения. Жила же тем, что шила на заказ. Люсю она любила сильною, благодарною любовью, окружала материнскою заботою, в нее вкладывала весь огромный запас любви, который оставался в ее душе неистраченным после смерти дочери.

И обеим было хорошо друг от друга.

Утром Леонид Александрович проснулся по-обычному в мрачном настроении. Еще отуманенный сном, он только ощущал владевшую душою мутную тоску, но не мог бы даже ответить, с чего она. Вечные дома болезни. Вообще всегда что-нибудь мешает полной радости. Ах да, вот что сейчас главное: Борис. Скоро из-за неуспешной учебы ему придется покинуть вуз. Куда, к чему его приспособить? Перед необходимостью всякого решительного действия Леонид Александрович терялся и становился беспомощным. С Люсей надо посоветоваться.

Комната ее была уже прибрана. Люся, одетая, лежала на кушетке и читала. В раскрытые окна сквозь листья ясеней рвались в комнату запахи сада, зеленый солнечный свет, стрекот и птичий гам. Люся рассеянно протянула мужу руку и, полная большой внутренней сосредоточенности, медленно стала читать из книжки:

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул;
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!
Все во мне — и я во всем...*

Леонид Александрович нежно поцеловал ее и спросил:

— Чье это?

— Тютчева.

В глазах Люси он прочел ту бурно кипящую радость, которая ею овладевала при художественных или умственных переживаниях.

Он нерешительно сказал:

— Мне хочется поговорить с тобою об одном деле, но, может быть, потом? Это не к спеху.

— Нет, отчего! Говори сейчас!

— О Борисе. Беда мне с ним. Мальчик он добрый, но какая умственная пустота и какое легкомыслие! Наукой не занимается, курса, наверно, не кончит. И думает только о теннисе. Говорить с ним совершенно безнадежно: он всю душою рад пойти мне навстречу, но что способен вместить этот низкий и отлогий лоб спортсмена, кроме дум о теннисе и футболе?

— Страшного тут ничего нет. Лобика ему не переделаешь. Нужно мириться с тем, что есть, — спокойно ответила Люся.

— Это довольно печально.

— В нынешнее время ничего не печально. Отчего ему не стать, например, инструктором по теннису? Чем это плохо? Пусть переведется в физкультурный институт. Что у тебя за склонность все видеть в мрачном свете и сейчас же падать духом! А, по-моему, как бы было хорошо, если бы взамен постылой термодинамики и дифференциального исчисления у него явилась работа, в которой бы он горел душою. Ведь это же красота! Как я буду рада за него!

Леонид Александрович все больше светлел. Он подсел к Люсе, прижал ее ладонь к своей щеке.

— Поговоришь с тобою — и сразу как-то становится на душе крепко. Подумаю. Это выход. — Встал и весело сказал: — Ну, пойду купаться!

Станный встречается народ среди художников. Публика читает юмориста и покатывается со смеху, а сам он угрюм и в жизни никогда не смеется. С самою искреннею ненавистью писатель громит мещанство, а сам не живет как мещанин только потому, что живет как владетельный принц.

Смеясь, умиляясь, любя, ненавидя, художник в творчестве своем искренне и сильно переживает соответственные чувства. А в жизни проявляет их очень мало. И в творчестве его нет никакой фальши! Этим он в корне отличается от художников неискренних, приноравливающих, чувствующих про себя одно, а выражающих другое. Таких художников читатель раскусывает скоро и не стоит перед их биографией в недоумении, как перед биографией, например, Некрасова, Достоевского или Гейне.

Творчество Леонида Александровича дышало мужеством и благоговейною, чисто религиозною любовью к жизни. Но сам он был к жизни мрачно равнодушен, она не зажигала его, в будущем он опасливо ждал от нее самого плохого. Был косен и неактивен. В углах губ его красивого лица всегда лежала угрюмая складка. И часто Люся говорила ему:

— Леня, Леня, почему у тебя всегда такое нерадостное лицо? Да оглянись вокруг, погляди, как жизнь хороша!.. Вот погоди! Вдруг какому-нибудь там верховному существу взбредет в голову мысль устроить суд над людьми. Тогда оно тебе скажет: «Тебе было дано в жизни так много, а как ты к этому относился? Ничего не замечал». И даст оно тебе подзатыльник, и ты кувырком полетишь в бездну скуки, ничтожества и равнодушия. И поделом тебе будет!

Сама несчастная, кругом обделенная жизнью, Люся была подлинною музою Леонида Александровича, вдохновлявшею его на бодрость и радость.

У Люси стали сильно разбалчиваться зубы. В начале августа она поехала в Москву к зубному врачу. На обратном пути полил дождь с холодным ветром. Она вышла из машины продрогшая, бледная. Леонид Александрович заботливо спросил:

— Ну что?

— Еще беда! И без того своих зубов почти уже нет, а тут: три зуба вырвать, две коронки, протез... Совсем хочет опустошить мой рот. И сам говорит: «Уж не знаю, на чем мне прикрепить протез». Господи, что же это!.. Ну, да ничего!

Но в потускневших глазах Леонид Александрович прочел отчаяние. Она прошла к себе, попросив прийти Анну Павловну. Начиналась жестокая мигрень.

Весь день она мучилась несказанно. Анна Павловна клала ей на голову горячие компрессы, поддерживала лоб при мучительных позывах на рвоту. К вечеру Люся заснула. К ночи позвала Леонида Александровича.

Лежала успокоенная, с ласковым, измученным лицом. Он тихо целовал ее худые руки.

— Трудно тебе, бедная моя!

— Ну, бедная! Сейчас ничего. Вот утром — да! Пала духом. Тогда стала бедная. А это — самое страшное преступление, какое только можно себе

представить, — пасть духом. Тогда убивается все, и право жить на свете остается только за счастливыми.

Он продолжал целовать ее пальцы, а сам думал: «Как может она жить в этих непрерывных бедах? Я бы уж давно покончил с собою».

Большие черные глаза Люси засветились. Она говорила мечтательно:

— Ты сказал: трудно. Мне недавно пришло в голову: трудно, когда человек думает о будущем или прошедшем. А без этого жить всегда можно. Как все живое, кроме человека, — не заглядывать в будущее, не вздыхать о прошедшем. Как это у Тютчева? Погоди...

*Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет;
И страх кончины неизбежной
Не светит с ветки ни листа.
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.*

Леонид Александрович думал: «Она настойчиво вырабатывает для себя особую, свою философию преодоления страдания».

Люся говорила:

— Вот я спрашиваю себя: ну, если не думать о прошедшем и будущем, чем мне сейчас плохо? Зубы не болят, голова прошла, на душе тихо, в спальне моей так уютно, в окно смотрит Юпитер... И ты возле меня... О моя дорогая рука!

Она гладила его руку, сиявшими любовью глазами смотрела на него и вдруг сказала:

— Ничего, что ты в жизни такой нытик. Ты все-таки будешь творцом советского архитектурного стиля, от которого радостно улыбнется весь мир... Да, да!

Веселым солнечным утром Люся рыхлила в цветнике землю вокруг тубероз и подвязывала к палочкам их вытянувшиеся, пышно зацветавшие головки. Вышел из дома Леонид Александрович.

— Я сейчас еду в Москву. Нужно тебе там что-нибудь?

— Ой, как хорошо! Нужно очень. Сейчас, когда я вот здесь смотрела с обрыва на заречные дали, мне вдруг вспомнилась одна наша факультетская лекция о Демокрите, греческом философе. Особенно одно его изумительное слово — *euthymia*. И захотелось хорошо познакомиться с ним. Пожалуйста, поищи его у вас в библиотеке или еще где-нибудь и привези сегодня же.

Леонид Александрович неохотно возразил:

— Как же его искать?

— Только не говори себе с самого начала, что это невозможно. Если не на русском, то, наверно, на немецком найдется перевод дошедших до нас его отрывков. Только чтобы в подлиннике, а не в пересказе ученого тупицы. В университетской фундаментальной библиотеке, наверно, найдется.

Необходимость всякого энергичного действия вызывала у Леонида Александровича тоску. Люся посмотрела на него и настойчиво сказала:

— Леня, преодолей себя. Мне очень нужно. Ну как при желании не найти, — и где? В Москве!

Он ответил с сомнением в голосе:

— Постараюсь.

Оказалось, найти было совсем нетрудно. Как раз только что вышло в русском переводе издание всех отрывков Демокрита, и Леонид Александрович с торжеством привез купленную книжку.

Люся с жадностью сейчас же принялась читать. Читала до вечера и сердилась, когда ее отрывали. К ужину она вышла с прочитанною уже книжкою. Люся обладала редкою способностью очень быстро читать и усваивать прочитанное.

Ужинали на застекленной террасе. Была половина сентября, но стояла такая теплынь, что все рамы были отодвинуты и теплые волны аромата тубероз плыли с цветника на террасу. Небо непрерывно дрожало тусклыми взблесками. Голубоватые зарницы перебегали с тучки на тучку, на миг выделяя их темные силуэты. Вся природа как будто была полна смутной нервной тревоги.

Огромные черные глаза Люси блестели, лицо было необычно оживлено. Как будто большим праздником была охвачена душа.

Она сказала:

— Ну, молодежь, слушайте и вы. Может быть, и вам будет интересно.

Дрожащими от волнения пальцами она перебирала по закладкам листы.

— Вот! Во-первых: огромный, всеобъемлющий гений. Путем почти одной интуиции он строит миропонимание, которое только через десятки веков было подтверждено наукой. Вы только послушайте! Все вещество состоит из атомов. Мир бесчисленное множество. Ничего не возникает из ничего. Люди явились на свет подобно червякам, без всякого творца и без всякого разумного основания. Борьба за существование научила людей всему. Ощущения и мысли — только изменения тела... Это все он говорил больше двух тысяч лет назад! — в восторге воскликнула Люся.

Леонид Александрович мягко положил руку на ее локоть.

— Люся, не так страстно! Разволнуешься — не будешь спать ночь.

Она сердито сверкнула глазами.

— Господи! Знаешь ли ты хоть какую-нибудь радость, из-за которой не побоялся бы бессонной ночи!

И продолжала говорить. Она горела, глаза светились жарким, как будто собственным светом. Вся она была в полном упоении от встречи с великим умом эллинской древности.

Леонид Александрович думал: да, радости такого размаха, какую сейчас переживает Люся, сам он, может быть, никогда в своей жизни не знал. Даже самый яркий подъем вдохновения мутнел у него от мысли: «Не одолею, ничего не выйдет!» И удивительно, как из всего вокруг она умеет извлекать радость — из большого и малого. Симфония Бетховена и писк зверюшки в ночном болоте, великий человеческий подвиг и земляника со сливками, — ото всего она в восторге, обо всем: «Ой, как хорошо!» Люся продолжала:

— В этой же книжке приведено: Сенека называл Демокрита «самым тонким из древних». А кто его у нас сейчас знает? Никто. Теперь вот! Самое главное. Слушайте. В чем высшее благо? Важно только одно: «euthymia». «Eu» по-гречески значит «хорошо», «thymos» — «дух». Переводчик в этой книжке переводит: «хорошее расположение духа». Хорошее расположение духа!.. Человек вкусно пообедал, закурил сигару, прихлебывает кофе — вот хорошее расположение духа. Но как перевести? «Прекраснодушие», «благодущие»... Это все у нас уже с совершенно определенным значением. Нужно какое-то особенное слово. По-моему, вот какое: «радостнодушие». Слушайте же!

Леонид Александрович обеспокоенно переглядывался с Анной Павловной. Подъем даже для Люси был совершенно необычный, внутреннее пламя как будто сжигало ее. Но останавливать ее было бесполезно — только сердить.

Люся читала по книге:

— «Цель — радостнодушие. Оно не тождественно с удовольствием, как некоторые по непонятливости своей истолковали, но такое состояние, при котором душа живет бодро и без забот, не возмущаемая никакими страхами, ни боязнью демонов, ни каким-либо другим страданием». Демокрит называет такое состояние также бесстрашием и счастьем... Вот! Правда, замечательно?

— Замечательно! — отозвался Леонид Александрович. Анна Павловна сочувственно кивнула головой. Молодежь неопределенно промычала. Она осталась глубоко равнодушной. Миропонимание Демокрита было для них банальнейшими аксиомами, а «радостнодушия» у них самих было столько, что проповедание его казалось странным. Они с недоумением смотрели на восторженное оживление Люси. Поговорили, сколько требовала вежливость. Ира переглянулась с Борисом и Валей.

— Какая ночь замечательная! Пойдемте, ребята, пройдемся к реке!

— Пошли!

Шумно разговаривая, они скрылись в сверкавшей зарницами тьме.

Люся с любовною улыбкою перелистывала книгу. Она сказала усталым голосом:

— Ясность духа, бесстрашие перед жизнью и перед страданиями — вот счастье! Леня, дорогой мой, как бы я хотела, чтобы ты почувствовал, сколько в этом счастья! А ты все измысливаешь себе каких-то «демонов»! Ой, как я боюсь: вдруг эти демоны прокрадутся и в твоё творчество!..

Вдруг она замолчала. Глаза взглянули растерянно. Ещё более побледневшее лицо склонилось на плечо. Книга упала. И Люся всем телом заскользила с кресла на пол.

Борис мчался в машине Леонида Александровича в Москву за профессором Багадуровым, всегда лечившим Люсю.

Догоравший костер вспыхнул последним ярким светом и теперь чуть тлел, угасая.

Люся быстро приближалась к смерти. Она стала малоразговорчива. Все силы её были устремлены на преодоление темных волн, набегавших на душу, на смотрение поверх этих волн, в широкую даль, где она хотела видеть блеск и свет. Однажды она сказала мужу:

— А знаешь, Леня, в смерти определено есть какая-то скрытая радость. И умирать, оказывается, очень интересно. Вдруг настолько становишься выше жизни! Я никак ничего этого не ожидала. Ой, как хорошо!

Леонид Александрович хотел переехать с нею в Москву. Но она упорно отказывалась.

— Довольно лечений. Ничего мне уж не поможет, а я хочу видеть желтеющие березы, сверкающие в воздухе паутинки, трепеты воробьиной ночи.

С каждым днем она все больше худела и слабела. Малокровие быстро усиливалось. В ушах стоял непрерывный, очень тягостный звон.

Леонид Александрович, низко опустив голову, сидел возле её постели. Дождь хлестал в окна, небо было серое, ветки ясеня бились под ветром, бросая желтые листья в воздух, полный брызг. Люся лежала вытянувшись, с закрытыми глазами, и тихим голосом говорила, как будто сама с собою:

— Какой странный звон в ушах! Как будто тысяча кузнечиков стрекочет кругом. Вспоминается детство, наше Опасово, залитый июльским солнцем большой наш сад.

*А там вдали сверкает воздух жгучий,
Колебяся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон!..*

А потом вечер. От нагретого за день каменного крыльца дышит теплом. Падает роса. И задумчиво трещат сверчки... Как хорошо! ▣

«Утевская Мадонна»

Во все, что приготовила судьба этому человеку, просто невозможно поверить. Очень похоже на «байки» сельских говорунов с известной завалинки, не имеющих отношения к многотрудным реалиям деревенского бытия. Но именно так все и было в жизни русского художника из далекой глубинки Григория Николаевича Журавлева.

Григорий
Николаевич
Журавлев

ШОК ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ОДНОСЕЛЬЧАН...

Он (по-домашнему — Гришаня) явился в этот мир безруким и безногим...

Несчастливая мать, взглянув на свое «дитяtko», истошно заголосила на всю округу и мигом решила — покончить... И с собой, и — с... этим урод-

ливым калекой-сыном! Еще бы... Вынашивай девять месяцев, лелей нежнейшую сакральную радость под самым сердцем, и — вдруг... такое!

Горе обрушилось на семью Трайкиных, и это была жестокая реальность. Один из родственников вспоминал: «Очень убивалась вся семья, когда на свет появился этот уродец. Особенно мать. Она голосила на всю деревню и рвала на себе волосы»... Мать, как никто другой, понимала — в их крестьянской «жизни на земле» нужно постоянно трудиться, а без рук и ног, этих «человеческих орудий труда» — погибель! И еще понимала страшное, жуткое — родила «лишний рот»... А это — приговор!

Но кто в этом прозаическом, суетливом мире может прозреть «шокирующий замысел» удивительной судьбы? Никто!!! Так что оставалось одно — растерянно взирать на свершенное «небесами»...

*Иконы,
написанные
Григорием
Журавлевым*

Тягостную ситуацию разрешил дед новорожденного, Петр Васильевич Трайкин, человек основательных правил жизни. Много поживший и много повидавший...

Как и полагается главе семейства, усадил всех за большой стол в главной горнице избы, сам присел под образами и спокойно, твердо заявил, что самолично берется за воспитание народившегося, и здесь же немедленно дал внуку имя — Григорий!

Напряжение, несуразный хаос мыслей и эмоций, где перемешались испуг и крайнее изумление, быстро иссякли. Ведь по деревне уже раз-

неслось, что за «великие грехи» выродился у Трайкиных такой уродец...

Бурлящие чувства быстро улеглись в каждодневные заботы обыденного уклада крестьянской семьи, а дед принялся исполнять взятые на себя обязательства.

Зимой на саночках возил быстро подрастающего внука в школу — летом на повозке. Но век деда, увы, подходил к концу, остались у старого несколько последних лет. После смерти Петра Васильевича обучение мальчика разом прервалось. Самому Григорию показалось — навсегда...

Но!.. Тут уже вмешалась сама «Госпожа судьба», и земский учитель Троицкий, успевший заметить редкий дар мальчика, стал приходить домой к способному ученику, чтобы продолжить его обучение. Конечно, бесплатно...

Не раз внимательный наставник, таясь в тенишке пышно-зеленого клена за покосившимся заборчиком, наблюдал за малышом, который барахтался прямо в пыли среди большого хозяйственного двора...

Необычайную восприимчивость окружающего мира близкие малыша Гришани заметили давно. Его очень чуткое и пронзительно-внимательное восприятие мира и упрямое неугомонное любопытство касалось всего. Он буквально «засыпал вопросами» учителя, который все чаще смущался остроте и многозначности вопросов, которые воздвигал перед ним не-

стерпимо жаждущий знаний его необыкновенный ученик.

Учитель был человек богобоязненный, поэтому относился к своей судьбоносной обязанности с рвением человека честного и благородного. Для него Гришаня стал не просто очередным учеником — бесплатником, он относился к его обучению, как к делу божественному.

Когда другие ребята играли во дворе, Гришаня сидел под деревом и длинной палочкой, которую держал в зубах, выводил на пыли узнаваемые контуры кур, собаки и маленьких котят, барахтавшихся в молоденькой весенней травке... Кто подсказал мальчику заниматься рисованием, никто сказать не мог. Скорее он сам «открыл»

эти возможности и теперь увлеченно занимался этим.

Малыш быстро подрос и оказался на поверку редкостно обаятельным, добродушным и ... веселым мальчуганом! Именно озорной и добрый его нрав и привлекал к нему всю соседскую ребятню. Его любили все и очень охотно помогали ему, охотно с ним играли.

То, как и что он говорил, порой вводило в ступор даже взрослых. Гришаня был не похож на обыкновенного ребенка, и этим страшил даже умудренных жизнью стариков. В детском возрасте он особенно не ощущал свою ущербность. Но, к сожалению, это настигло его с годами... Когда он серьезно увлекся рисовани-

ем, то в полной мере осознал свою физическую неполноценность, отсутствие рук и ног и теперь понимал, что очень много просто не имеет возможности сделать... Но это придет позже, а пока под его «палочкой — карандашом» появлялись узнаваемые пейзажи их улицы с очень похожими домами и сараями...

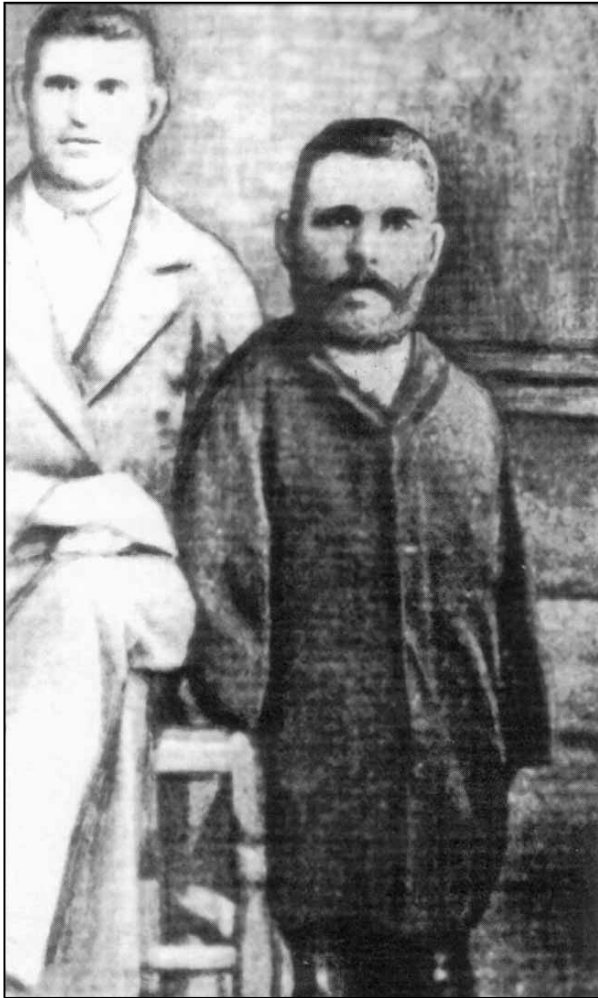
К этому фанатичному увлечению рисованием прибавилась и другая страсть — страсть к чтению. Григорий много читал, благо у них дома была довольно большая библиотека. Это в основном были книги покойного деда, которые теперь достались внуку, так как никто из многочисленной родни больше не интересовался книгами. А ему книги очень помогли в продвижении по

Слева:
*Храм Святой
Троицы
в селе Утевка*

его профессиональной стезе иконописца. По книгам он изучил законы перспективы и пластическую анатомию, которую необходимо знать каждому художнику. Другие дети в семье никакого интереса к ним не проявляли, Григорий же мог целыми днями читать и читать... Он никак не мог утолить жажду чего-то совершенно нового и прекрасного, чувствовал, что ему необходимо дело,

которое он мог бы обозначить для себя главным в жизни. И желание это вскоре явственно обозначилось. Григорий жил в среде верующих людей и в каждой соседской избе видел иконы, образы святых. Как произошло, что из всего многообразия окружавшей его жизни он душой и сердцем навсегда пристрастился к этим ликам, — тайна, которую не разгадать... Но произошло!

Он захотел САМ писать Святые образа! Его смущенным родственникам оставалось только изумляться да многозначительно отмалчиваться в ответ на крикливые заявления мальчика. Ведь у него не было ног! Но самое убийственное — рук!! «Какие могут быть живописания? Какие образа, мальчонка?» — прямо вопил в душе каждый доброжелательный и сострадательный родственник. — У тебя же нет рук, малец! Бедолажный ты, видать, даже недопонял еще по младости лет, что с тобой стряслось...»

Но Григорий будто не слышал и не понимал таких неопровержимых

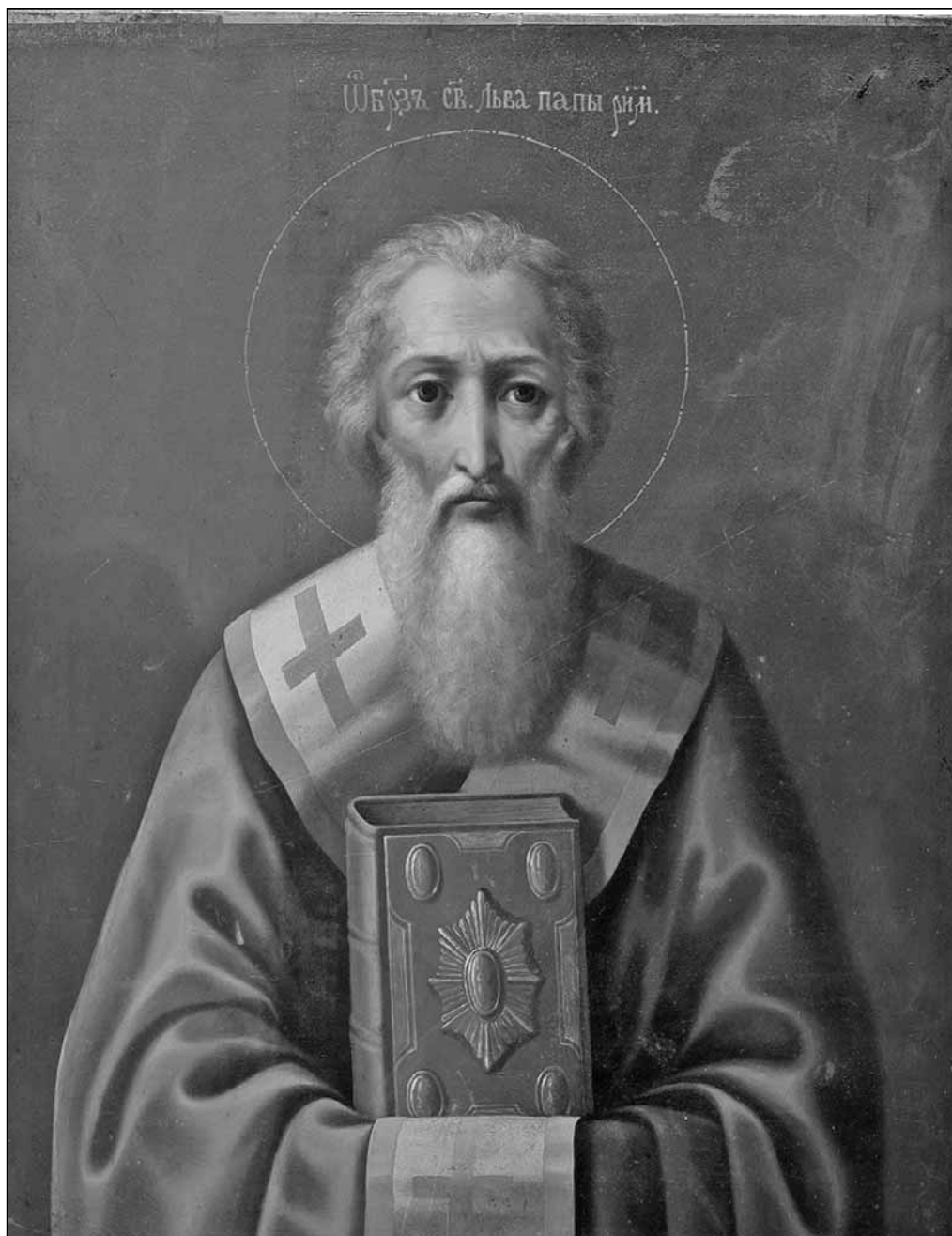
доводов, он опять громко заявлял о своих планах, будто все это уже давно и бесповоротно решено. А чаще и не говорил, только убедительно вещал: «Я стану, я буду иконником!!!» Перечить калеке в его запальчивых устремлениях и детских фантазиях не решались — из-за чувства сострадания.

И здесь, самое время помянуть добрым словом барина мальчишки. Отставной генерал князь Тучков и в самом деле неожиданно для всех сделал невероятное, так и оставшееся загадочным: вдруг самолично поехал в Самару, встретился с губернатором и начальником мужской гимназии и договорился с ними о своем подопечном крестьянине Григории Николаевиче Журавлеве. Оплатил из своих средств юноше учебу в лучшем из учебных заведений города, Самарской губернии. А еще снял для Григория, его брата и сестры жилье в Самаре...

УРОКИ НАСТОЯЩЕГО МАСТЕРА

В самый ближайший день Григорий с братом Афанасием поехали к художнику-иконописцу Травкину. Григорий очень хотел поступить к нему на работу в подмастерья. Ему казалось, что лучше всего можно научиться, работая рядом с мастером...

Травкин был поражен визитом мальчишки, его упорством и неумной жаждой научиться писать образа! Он немедля предложил Григо-

Слева:

*Григорий
Журавлев
с братом*

рию поселиться прямо в его квартире, где сразу приступил к урокам живописи маслом под натиском нетерпимого ученика.

Григорий мог только смотреть, даже пробную работу не мог сделать при учителе. Все, что мог — это смотреть и запоминать.

А его ангельски добрый учитель и наставник оказался на удивление

очень терпеливым, неторопливым и последовательным в передаче юному ученику всех азов многогранной технологии создания настоящей иконы.

Эти судьбоносные драгоценные занятия с мастером продлились всего несколько дней. Юноша подробно записал все рекомендации и правила, которые открыл ему ма-

стер. Они еще день провели вместе, чтобы все повторить и прояснить нюансы и тонкости предстоящей творческой самостоятельной деятельности начинающего художника, и распрощались.

Григорий с братом и сестрой каждый день после занятий в гимназии приходили в Кафедральный собор Самары на богослужения. Но было еще одно место, которое юноша боготворил, — иконописная мастерская Алексея Ивановича Сексяева. Этот большой профессионал и большой христианской души человек тоже принял самое деятельное участие в необычной судьбе Григория Журавлева. А Григорию уже хотелось самому начать писать настоящую икону. Он был твердо уверен, что все рассказанное и показан-

ное ему иконником он понял, усвоил и готов сию минуту тут же приступить к работе самостоятельно! Даже то, что писать приходилось не рукой, а кистью в зубах, ничуть не остужало творческий пыл и азарт начинающего живописца. Он только повторял как молитву слова, вычитанные как-то у одного восточного мудреца: «Если ты думаешь, что можешь — значит, ты можешь!» И, слегка усмехаясь, шептал при этом: «А я, я не просто думаю так — я железно уверен. Я смогу! Я буду писать иконы!!!»

Факты биографий ярких личностей, каким был и Григорий Журавлев, всегда обрастают домыслами, догадками, будоражат сознание и вызывают беспокойные кривотолки. Похоже, имен-

но так появилась история с цыганским табором, который на поверку оказался просто бродячим цирком. И наплелось множество рассказов о том, что Григорий Журавлев якобы оказался в этом актерском вертепе и прожил там едва ли не полгода. Его удерживали там, чтобы заработать на нем: циркачи показывали его в своих представлениях как диковинку.

Было или не было — это неважно. Может, и было... ну и что из того? Ведь на судьбу будущего знаменитого иконописца эпизод этот никак не повлиял: цирк поехал в одну сторону — Григорий в другую, к своей скорой известности и громкой славе!

Вернувшись в свою родную деревеньку Утевку, Григорий с нестерпимой жадностью набросился на работу. Казалось, он больше от жизни уже ничего не хочет кроме одного — писать и писать!

И вот вскоре в каждой избе Утевки висели писанные Григорием иконы, без них не проходил ни один праздник, ни одна деревенская свадьба. Кстати, Григорий очень любил бывать на этих красочных и веселых гульбищах. Там он жадно наблюдал саму жизнь в ее непредсказуемом течении, в невероятии сочетаний красок, непосредственных житейских композициях, в обилии и потрясающем разнообразии фигур, лиц, одеяний! Да и в каждой избе Утевки уже висели писанные им иконы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ... СРАЗУ — В ВЕЧНОСТЬ!

Так в непрерывных трудах и творческих заботах пришел 1885 год. В родной деревне было принято решение о постройке нового каменного храма — «Живоначальной Троицы». Главное руководство было доверено и поручено Григорию Николаевичу Журавлеву, талантливому, уже хорошо известному в губернии художнику. И не спроста... Дело в том, что он обладал и другим необычайным даром — архитектурным талантом.

Журавлев выполнил макет храма, сам проделал огромную работу по разработке и изготовлению чертежей для исполнителей, а также принял физически посильное участие в росписях стен. Давалась эта крайне трудоемкая и сложная работа Григорию Николаевичу очень и очень непросто — порой просто невыносимо!

Остались сведения, что сам Микеланджело очень неблагоприятно к этой навязанной Папой Римским работе в Сикстинской капелле. Даже посмел отказываться, аргументируя тем, что он больше скульптор, а не живописец, но тот не внял отговоркам и просьбам художника и поручил ему роспись потолка Сикстинской капеллы. Пришлось писать на этом ненавистном потолке.

Специалисты вначале думали, что Микеланджело работал, лежа на спине, но позднее многое прояснилось о методах и приемах великого

творца. Он, оказывается, разработал специальные леса и писал, стоя на подмостках и то запрокидывая голову вверх, то опуская вниз. Конечно, физически это было мучительно и требовало постоянного напряжения... В итоге, после четырех лет невыносимо трудной работы позвонки шеи окончательно искривились, и он стал выглядеть уродливым. Таковы были издержки его титанического труда.

Это известный факт из истории искусства. Но!.. Сравнить его с утевским иконописцем и его росписью в утевском храме просто невозможно, и вот почему. Великому итальянцу во время той работы было 33 года, это был крепкий, здоровый, нормальный мужчина. А Григорий расписывал купольные стены кистью, которую держал в зубах! Да и вообще, он являл собой лишь горсть беспокойной плоти — без рук, без ног...

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ГУБЕРНАТОРА СВЕРБЕЕВА

В 1884 году состоялось знакомство Григория с губернатором Самарской губернии Свербеевым. И этот интеллигентный, ответственный человек тоже много сделал для поддержки юного таланта.

Воспользовавшись добрым знакомством, Григорий попросил содействия Свербеева: через его руки — подданого царя — передать свою работу в дар цесаревичу Николаю. Много сил и трудов вложил он в

икону Святого Николая Чудотворца, которую писал специально для цесаревича. К тому времени это была лучшая из его работ...

К написанной иконе Григорий приложил письмо:

«Ваше Императорское Высочество! Покорнейше прошу Вас, допустить препровождаемую сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, Который допустил меня на Свет Божий. И даровал мне дар. Потом открылось движение моего рта, которым я управляю свое мастерство по велению Божию».

«УТЕВСКАЯ МАДОННА»

Никому так пока и не удалось сосчитать — сколько же всего было написано икон безруким художником? Но все соотечественники, жившие в одно время с Григорием Журавлевым, знали, что у него была среди всех одна, которая изумляла, шокировала и абсолютно всех заставляла молчать...

— Се творение божьего человека! — шептали друг другу его односельчане.

Икона не каноническая, выполнена без прорисей — это вольное творение, а быть может — «лебединая песнь» души художника!

На иконе изображена реальная землячка Григория. Даже сквозь хаотичные порывы переменчивых времен удалось сохранить ее настоящее имя и фамилию — Екатерина Грачева. Остались свидетельства селян, что Григорий Николае-

*«Утевская
Мадонна»*

вич испытывал к ней огромную, но, к сожалению, безответную любовь. Но ему удалось увековечить обожаемую девушку в образе Богоматери с ее маленьким сынишкой. Говорили, Григорий писал эту работу более восьми лет. Писал тайно... Прячась от посторонних глаз. Это

было сакральное чадо его духа! Исповедь сердца! И в проникновенной живописной стихии отразились самые высокие помыслы и неопишное выстраданное чувство влюбленности художника. Все это Григорий выплеснул красками в свое творение.

Когда счел работу завершённой — подарил её возлюбленной Екатерине.

Вот тогда изумленные сельчане и назвали эту необычайную икону «Утевской Мадонной»

Но дальнейшая судьба иконы оказалась печальной. После революции она уцелела и хранилась у одной жительницы деревни. А вот когда женщина скончалась, родственники, племянницы и иные, отвезли икону в Самару, где и изловчились очень выгодно продать...

На этом и весь сказ — пропала и, похоже, навсегда эта изумительная сердечная исповедь замечательного художника и необычайного человека Григория Николаевича Журавлева. Развеваясь на вселенских ветрах вечности «Утевская Мадонна»...

РУССКИЙ ОБРАЗ ИЗ ДАЛЕКОЙ СЕРБИИ

Это факт теперь общеизвестный. И неведомо никому, как бы сложилась судьба работ, оставшихся после иконописца. Очень даже порусски могло все оказаться в полном забвении, а если и знали о них, то только те его соотечественники, которые жили с ним в Самарской губернии. Но и это не устраивало строгую и справедливую «Госпожу судьбу», и она — вмешалась... А произошло совсем уж невероятное...

Уже в двадцатом веке, в 1963 году сербский искусствовед Здравко

Кайманович неожиданно обнаружил, где содержались упоминания о безруком и безногом авторе. Произошло это в селении Пурачиц. Икона была написана масляными красками на доске. Так мир узнал о русском провинциальном художнике — самоучке. На иконе были написаны словенские просветители Кирилл и Мефодий, держащие в руках свитки.

ПОСЛЕ УХОДА ХУДОЖНИКА

Григорий Николаевич Журавлев ушел из жизни в 1916 году. Он еще был относительно здоровым и деятельным, но по Поволжью пронеслась очередная смертоносная болезнь (коих в те годы случалось — не счесть) — скоротечная чахотка. И она не пощадила нашего гения. Всего год не дожил он до Октябрьской революции. Могила его была утеряна, но ее чудом удалось восстановить. Нашлась одна из утевских жительниц, которая абсолютно точно указала место захоронения известного земляка. Тогда ликовала вся деревня...

P.S. В апреле месяце этого года в московском музее Андрея Рублева открылась выставка икон Григория Журавлева. Отрадно было узнать, что инициаторами этой необычной выставки стали депутат Государственной Думы от Самарской области Александр Хинштейн и губернатор края. Побольше бы таких просветительских, очень необходимых народу мероприятий! □

Манжетка

С названием вроде бы все понятно — формой своих листьев это растение действительно невероятно похоже на некогда популярные в одежде манжеты. Да и встретить манжетку в России кроме Крайнего Севера можно почти повсеместно. И лишь немногие догадываются, а избранные знают о ее подлинном, магическом предназначении.

Манжетка обыкновенная.
Ботаническая иллюстрация из книги
К. А. М. Линдмана Bilder ur Nordens
Flora, 1917—1926

Среди безбрежного мира флоры, которым нас одарила матушка-природа, есть растения, не блещущие внешней, парадной красотой. Они не расцветают пышным цветом и совершенно не годятся для обычных букетов. Но при этом именно они являются необыкновенно любимыми и почитаемыми в народе. И лучшим доказательством тому служат многочисленные древние на-

звания этой травы, встречающиеся у самых разных народов, населяющих Европу.

Манжетка — многолетнее травянистое стелющееся растение семейства розовых. Манжеток существует великое множество видов, и поэтому в ботанике их выделили в отдельный род, который так и называется — манжетка (лат. *Alchemilla*). В дореволюционной ботанике было

принято название альхемилля, которое является дословной калькой с латыни. Впрочем, уже в самом его названии слышится связь с алхимией. И она есть, да еще какая! Но прежде обратимся к народным названиям манжетки, которых великое множество.

Вот лишь некоторые из них: грудная трава, недужная, грудница, медвежья лапа, борка, лесная бухарка, горлянка сердечная, баранник, Богда слезка, аксютина трава, гарник, горлянка, копитник, запольник, звездочная трава, львиное копыто, гусиная лапка, лягушник малый, межперстница, поползуха, приворотень, росник обыкновенный, росничка, заячья капуста. В популярном в Российской империи словаре Боркгауза и Ефрона, в статье про манжетку приводятся два народных названия альхимелли: приворот и росятник. Так и есть, на своих листьях-манжетках растение собирает капельки росы, и оно невероятно популярно в магических ритуалах и заговорах.

Впрочем, как не называется манжетка, у нее есть одно замечательное свойство. И связано оно напрямую со строением листовой пластинки — его воронкообразной формой и мягким опушением листьев. Ранним утром или после дождя в центре листа собираются капельки живительной небесной влаги. Невероятно красивое сочетание пронзительной зелени и блеска шариков воды производит неизгладимое впечатление. Недаром же одно из уже упомянутых названий манжетки — «Богдова слез-

ка», а другое — росничка... Считается, что эти капельки на листьях могут образовываться и при отсутствии осадков и росы. В ботанике такое выделение частями растений капелек воды получило название гуттации, то есть образования слез.

Старинные легенды донесли до нас предания о том, что капельки влаги, скапливающиеся в листьях манжетки, алхимики пытались использовать для получения заветного «философского камня» и эликсира жизни. Именно поэтому на латыни она до сих пор и называется альхемилля. Капельки росы или воды с листьев манжетки в магии и оккультизме и поныне считаются обладающими особой силой. Трава и роса с манжетки использовалась и используется в рецептах, возвращающих женскую красоту и молодость. Отвар надземной части растения или корней манжетки дает различные оттенки желтого, зеленого, черного цвета, поэтому в стародавние времена манжетка являлась отличным натуральным красителем.

Активно используется манжетка и в народной медицине. Среди ее неоспоримых заслуг и кровоостанавливающее, и вяжущее, и противовоспалительное, и ранозаживляющее действия. Принимают манжетку и при проблемах с желудком, а ее отвар или настой на виноградном вине принимают также при болях в сердце и заболеваниях органов дыхания. В относительно недавнем прошлом манжетку применяли даже при лечении такого бича

XIX столетия как чахотка (туберкулез) — в качестве средства, эффективно улучшающего обмен веществ и способствующего заживлению каверн в легких. А вот народная медицина Германии предлагает использовать манжетку еще и при малокровии, малярии, артериосклерозе, диабете, водянке и ревматизме.

При порезах и ранах для их скорейшего заживления невероятно эффективны измельченные листья манжетки. В России за последнее десятилетие налажено промышленное производство чайного напитка «Манжетка» — встретить упакованные в фирменные коробочки сухие сборы этой целебной травы можно в экомагазинах и в специализированных аптеках. Напиток «Манжетка» рекомендуется применять внутрь при остром и хроническом бронхите, малокровии, ларингите, хроническом гастрите с секреторной недостаточностью, хроническом колите, функциональной диарее, цистите, а также при различных внутренних кровотечениях, гипокалактии и прочих женских недугах. Напиток используют при катаральной ангине, стоматитах, угрях, ранах, язвах, ожогах, мокнущих экземах, воспалениях глаз.

Для приготовления отвара из манжетки столовую ложку измельченного сырья необходимо залить стаканом кипятка, настоять 4 часа и затем процедить. Принимают настой по 1/3–1/2 стакана 3–4 раза в день. Можно использовать также и для полоскания горла и полоскания рта.

Кстати, малоизвестно, но факт: молодые, еще не до конца развернувшиеся листочки и побеги манжетки съедобны. И невероятно питательны! Ранней весной из них можно варить супы и готовить салаты. Сведующие хозяйки заготавливают их впрок как приправу для первых и вторых блюд. Листья манжетки можно квасить так же, как капусту, вместе с другими овощами и травами. Из манжетки можно сделать пюре, икру, запеканку, салаты. Ну а при правильной сушке (при температуре до 60°) витамины и действующие вещества у манжетки сохраняются, и ее листья можно использовать как приправу. В общем, если увидите манжетку — то не проходите мимо! Это невзрачное на первый взгляд растение вам обязательно пригодится. □

Надежда Артемова

ХОЗЯЙКА

ЦВЕТОЧНОЙ ЛАВКИ

Она была красивее меня. Объективно. Талия тоньше, грудь больше, кожа нежнее. Она была моложе лет на восемь, наверное, может быть, на девять. Он ее не любил. Он ею хвастался. Хвастался ее идеальным молодым телом, длинными мягкими волосами, высокими скулами, тонкими пальцами.

Я помню, как он рассказывал, что долго искал для нее кольцо по размеру, уж слишком она была тонка и изящна. Она была современной. Модной, юной.

Когда я ее увидела впервые, она показалась мне легкой, ветреной, немного игривой, что ли. Она была окутана влюбленностью. А мне было смешно и, по большому счету, все равно. Все мы там были. И все знаем, где окажемся в итоге. Только она не знала. Она горела, а я уже тлела. Она, наверное, любила его, а я нет. И она бы отлюбила. Отгорела. Успокоилась. И пополнела, может быть. И ребенка бы родила. И волосы, наверное, состригла бы. И научилась бы улыбаться ухмылкой, одним уголком губ, но...

Как все это случилось? Как мы ее убили?

— У нас уже закрыто! — выкрикнула я из подсобки, услышав, как хлопнула входная дверь. Тишина. Второй раз дверь не хлопнула, значит, не ушли. Я чертыхнулась про себя, выбралась из-под завалов обрезанной и опавшей

лиштва, вышла к прилавку и пробурчала, поднимая взгляд на непонятливого покупателя:

— Ну, говорю же, закрыто.

— Девушка, милая, спасите, ради бога! — Лукавый мальчишка, умоляюще улыбаясь, сложил руки в просящем жесте. — Вы — моя последняя надежда. У меня свидание в баре через дорогу. Первое. Девушка с минуты на минуту тут будет, а я, лопух безграмотный, совсем забыл про цветы.

«Вот же черт тебя принес!» — пронеслось в моей голове. И я не ошиблась.

— Не могу, мужчина. Кассу уже закрыла, букет собрать не успею, очень спешу!

Из подсобки высунулась белобрысая Юлькина голова.

— Мама! Папа злится! Пойдем уже!

— Бегу, доча, бегу.

Я зло посмотрела на мальчишку в дверях:

— Нет, не могу, карту точно принять не смогу, да и нал куда я сейчас дену?! И букет не смогу собрать.

— А мне и не нужен букет! — не собирался уступать надоедливый кареглазый паренек. — Я вот белые розы заберу! Двадцать одну штуку! Они самые дорогие, девушка, хозяин завтра вас похвалит и думать забудет про кассу.

— Я и есть хозяин, — сдалась я. — Шесть триста с вас. И без сдачи! И подрезать я их не буду!

— Спасибо, волшебница! Видишь, как хорошо получилось? — обрадовался незванный гость.

— Мы на «ты» не переходили, — буркнула я, отбирая розы, и протянула мальчику огромный прекрасный букет. Сама очень люблю цветы без оберток. Обертка опошляет, что ли, крадет красоту бутонов. А про себя подумала: «Счастливая девчонка, та, что будет с минуты на минуту в баре напротив».

Парень принял цветы и быстрым шагом двинулся к двери. Я пошла в противоположную сторону к черному выходу и принялась быстро снимать с себя фартук. Черт меня дернул обернуться — приоткрыв дверь, он пристально смотрел на меня. Поймав мой взгляд, широко улыбнулся:

— А ты на самом деле волшебница. Глазища зеленые так и горят.

— Это со злости! — крикнула я ему вслед, но он уже мчался к своему первому свиданию.

Костя курил около машины на заднем дворе.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он, увидев меня.

— Да поехали уже! Юлю к маме закинуть надо. В кино опоздали из-за всяких долбануток, хоть поужинаем где-нибудь. Только машину давай у ма-

мы оставим? Оттуда такси возьмем. Или на метро доедем. Выпить хочу вместе с тобой. Годовщина, как-никак.

— Хорошо, — улыбнулся Костя.

Через пару часов нам уже открывали бутылку вина в тихом местечке в центре города.

Годовщина. Семь лет супружеской жизни. Юльке уже пять. Я сделала глоток вина. Боже, как хорошо. Как спокойно. Все сделали, все успели. Квартира, пусть не в центре, но в черте города, и к метро близко. Машина. Не бизнес-класса, но и не старье. Дочка — красавица. Маленький бизнес у меня, неплохая должность у Кости. Когда мы все сделали? Вроде и не на износ работали, и не скажу, что кровью и потом все досталось. Как-то своим чередом шло. Тихо-тихо. Спокойно-спокойно.

— Костя, я люблю тебя, — прервала я молчание.

Муж тепло улыбнулся и сжал мою руку. Я знаю, что он тоже меня любит, пусть и редко об этом говорит. Можно и без слов все понимать.

— Вера, поехали домой? Давно мы с тобой вдвоем не оставались...

— Тук-тук! Хозяйка!

Я вздрогнула, выдернутая из своих уютных мыслей о вчерашнем вечере. Обернулась. Мальчишка. Кареглазый.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я и добавила: — Если пришли за букетом, чтобы сделать девушке приятно наутро после продлившегося свидания, то предлагаю что-то полегче, чем розы. Ромашки будут впору.

— О, вы меня вспомнили! — лукаво улыбнулся парень. — Это радует. Но у меня несколько иная ситуация. Со свиданием как-то не задалось вчера, то ли я в облаках витал, то ли она не интересная какая-то. А цветы мне нужны для другой женщины. Красивой. Мягкой такой. Но вот незадача, я не то, что предпочтений, я даже имени ее не знаю, представляете? Только знаю, что глаза у нее зеленые и локоны пшеничные. Волшебная такая женщина.

Я почувствовала, как щеки мои запылали — то ли от возмущения, то ли от смущения.

— Послушайте, мужчина, — начала я, опустив глаза в пол и нервно перебирая пальцами завязки на своем фартуке, — давайте вы и букет, и женщину свою волшебную в другом месте поищете? Договорились?

— Как вас зовут?

— Вера, — произвольно вырвалось у меня.

— А меня — Никита. Будем знакомы.

Я взяла себя в руки — мне такие игры не нужны.

— Не будем, Никита. Уходите, пожалуйста.

Он снова улыбнулся. Ну откуда ж ты взялся на мою голову!

— Вы правы, Вера. У вас здесь нет тех цветов, которые могли бы вам подойти. Но я еще вернусь. С чем-то, что подойдет именно вам. До свидания, цветочная фея!

Он ушел. А я осталась за своим прилавком. Лишь бы не приходил больше. Лишь бы.

Утро. Солнечное, кофейно-блинное. Костя встал раньше меня, завтрак приготовил.

— Вера! Пора вставать, жена! — донеслось из кухни.

— Мама! В сад опоздаем!

Немного побаливала голова, но таблетка аспирина все исправит. Душ, немного румян, прозрачная помада, влажные волосы в пучок, джинсы, кеды, длинный вязаный кардиган, мой любимый. Завтрак. Рюкзачок Юле на плечи, сумку на плечо себе. Легкий поцелуй в небритую щеку мужа. Остановка у детского сада. Остановка у кофейного ларька. И вот я на месте.

У меня сегодня несколько собеседований, пришла пора искать работнице напарника. Дела идут неплохо, незачем больше самой торговать. Я зашла в подсобку, кинула сумку, открыла ноутбук и погрузилась в работу.

— Вера, к вам пришли! — крикнула продавщица из зала.

Я посмотрела на часы. Пара часов пролетела незаметно, уже почти полдень, но первое собеседование только в два. Неужели он? Сколько же можно! Может, сбежать через заднюю дверь? Но девочка за прилавком уже сказала, что я на месте, так что пришлось выйти.

Он. Еще и с подарочной коробкой в руках. Я попросила девочку пойти на склад и пересчитать чайные розы, а сама повернулась к Никите и обессилено проговорила:

— Никита, ну, в самом деле...

— Вера, пожалуйста, — не дал он мне договорить. — Просто примите подарок. Если не угадал, я больше никогда вас не побеспокою, обещаю.

— Послушайте, это нехорошо, неприлично, я замужняя женщина, какие подарки от незнакомцев? Не ставьте в неловкое положение!

— Вера, клянусь, я уйду, оставлю вас в покое навсегда, если не угадал, что может вас обрадовать. Только примите подарок, посмотрите, что там.

И я сдалась.

— Давайте уже сюда свою коробку.

Он обошел меня, встал сзади и, улыбаясь, сказал:

— Берите коробку, но сразу не открывайте.

Я взяла в руки подарок. Он одной рукой прикрыл мне глаза, а другой открыл крышку коробки и тихонько шепнул: «Тряхните немного». Я встряхнула коробку, и он тут же убрал руку от моих глаз. О, боже! По всей лавке

разлетелось огромное количество прекрасных бабочек. Большие и маленькие, красные и зеленые, разноцветные и однотонные, — огромное количество чудесных летающих пятнышек. Они летали, садились на цветы, на мои руки и плечи. Я вертелась вокруг и никак не могла прийти в себя от восторга, от происходящего волшебства, от настоящей красоты, как она есть. А мальчик стоял и тихо улыбался. Я взглянула на него и все поняла. Я пропала. Он тоже все понял и молча ушел. С хитрой, счастливой улыбкой. А бабочки так и продолжали кружиться вокруг меня, унося мое сердце в бездну беды и сумасшествия.

Второе собеседование я отменила. Взяла сразу после первого девушку, попросила остаться на обучение и сразу выходить на работу. Быстро собрала нужные бумаги, ноутбук, предупредила, что ближайшую неделю я тут не появлюсь, и сбежала.

— Вера, ты не приболела? — участливо спросил муж, накладывая в тарелки ароматное запеченное мясо. — Вина не пьешь, Юле сказку читать на ночь не стала.

— Да, Кость, голова что-то болит, — вынырнула я из своего омута, где шла ожесточенная борьба с чертями. — И, пожалуйста, отвези и забери завтра Юлю сам, я побуду дома несколько дней, мне действительно нехорошо.

И я заболела. Хандра или грипп, кто их разберет. В любом случае, в обеих ситуациях спасает горячее вино. И я пила его. Два дня. Одна. Переехала с ноутбуком на кухню и никого туда не пускала, прикрываясь болезнью. В кровать приходила только далеко за полночь, когда муж уже спал.

Никита пришел на третий день. Он просто позвонил в дверь где-то около полудня.

— Как?! Боже, как ты меня нашел? — открыв дверь, воскликнула я.

— Я просто однажды проводил тебя до дома. Ты просто не заметила.

— Никита, я болею. Я не в форме. Я не хочу разговаривать. Особенно с тобой.

Мы стояли на пороге. Я в чем-то бесформенном, с красными глазами и несколько дней не мытыми волосами. И он. Высокий. Сильный. Кареглазый. Мальчишка.

А потом мы целовались. Долго. Через его улыбку и мои слезы. В дом я его не позвала, и он ушел. А я заболела еще сильнее. Что может быть глупее?

— Вера, не пора ли к врачу? — озадаченно произнес Костя, сидя у меня в ногах. Я лежала на небольшом кухонном диванчике, поджав ноги и завернувшись в плед.

— Нет. Я завтра встану. И поеду в лавку.

— С ума сошла? Выглядишь ужасно!

— Я поеду.

И утром я действительно встала. Свежая и бодрая. Видимо, черти внутри меня приняли решение и успокоились, только вот решения их я не знала. И смирилась.

Мы сидели на кухне, уставившись в окно, и рассматривали прохожих, спешащих с обеденного перерыва по своим рабочим местам. Девушка на пешеходном переходе нервно что-то искала в своей сумке, а потом мельком обернулась в сторону дома, где я отбывала самой себе назначенное наказание. Такое пожирающее своей чернотой наказание за минуты слабости и, как мне показалось сначала, счастья. Сейчас мне было холодно. Противно. Виновато.

— Вера, — потянулся ко мне Никита, но я молча встала и ушла в комнату. Собрать свое белье, свою одежду, себя. — Вера, пожалуйста!

— Что «пожалуйста», Никит? — Мне не до него. Голову бы не разорвало.

— Я люблю тебя, Вера.

Смешной мальчик с карими глазами, о чем ты?

— Нет, ради бога, не сейчас. А еще лучше — никогда!

— Вер, я серьезно.

— Никита, сколько тебе лет?

— Двадцать девять.

— А мне тридцать пять. И я замужем. И у меня ребенок. И я только что натворила таких дел, которые мне еще огромную кучу времени разгрести. В самой себе разгрести.

Я уже накидывала пальто в прихожей. Он направился ко мне.

— Не подходи! — Мне не хотелось кричать, но так получилось.

«Вера!» — услышала я, уже сбегая со ступенек и вырываясь из подъезда на улицу. Я не вернусь. Я смогу. Это просто наваждение. Я забуду.

Я даже себе врать не умею.

— Слушай, давайте, может, Турцию? Или Тай? — Костя просматривал страницы сайтов турагентств.

— Кость, туда дорого, наверное.

— Мы сто лет уже нигде не были, Юлю к солнцу вывезти надо, самим дух перевести.

— Костя, хочешь действительно сделать мне подарок?

Я говорила медленно, смотря в одну точку. Не на мужа. Если посмотрю на него, то эта внезапно вспыхнувшая искра пока только желания свободы сразу погаснет, и меня снова поглотит чувство долга.

— Заинтригован.

— Поезжайте отдохните с Юлей и твоими родителями. Я останусь дома.

— Вера, это странно. Мы так никогда не делали.

Я подошла к нему. Присела у его ног и обняла за колени.

— А в этот раз сделаем. Мне. Просто. Нужно. Побывать. Одной.

Через десять дней я проводила свою семью в аэропорт. Костя до последнего был обескуражен моим желанием. Юля особо ничего не поняла. А я... Что я? Я закрыла двери на все замки. Я слушала музыку. Я пила шампанское. Я танцевала. Я часами сидела в ванной. Я даже немного работала. А еще первый раз в жизни испекла торт. Потом позвонила Никите и сказала, что приду.

Он выглядел плохо. Открыл мне дверь в огромном халате на голое тело. Небритый. Волосы взъерошены. Только проснулся. Он был мне рад, но отвернулся, чтобы я этого не видела.

— Боже ты мой, что за ужас?!

Квартира была завалена пустыми бутылками, пепельницы переполнены, цветы в горшках засохли, грязное белье на полу вперемешку с какими-то банками и коробками от пиццы.

— Я звонил тебе.

— Ты в черном списке.

— Я писал тебе.

— В социальных сетях ты тоже в черном списке.

— Я ходил к тебе. Тебя постоянно не было на месте.

— Слава богу, домой не пришел. Дай мусорные пакеты.

— Чего? — не понял Никита.

Головная боль его съедала. Я достала таблетку аспирина и протянула ему. А он притянул меня к себе, и я засмеялась. Сразу стало как-то легко.

И его отпустило. И меня отпустило. Мы собирали мусор, смеялись, мыли посуду, чистили ванну, болтали, целовались, заказывали еду.

— Ты два с половиной месяца, что ли, пил? — спросила я.

— Нет, с перерывами. Сначала звонил, потом пил, потом снова звонил, потом проект дали по работе. Интересный проект. Решил — все, хватит, забуду все, приведу себя в порядок. В зал абонемент купил. Работал днями и ночами. Проект вместо двух месяцев за две недели сдал. Денег хорошо поднял. Потом снова пил. А потом вот ты пришла.

— Я ненадолго пришла.

— Да хоть так.

— Через несколько дней уйду.

— Для меня это целая вечность, учитывая, что я уже и не ждал. Только промелькнет эта вечность за секунду.

Мы обнялись, потом долго целовались.

У страсти нет предела глупости и слепоты. Это не мудрая терпеливая любовь, берущая любые вершины своим спокойствием и всепрощением. Это бестолковая, жадная до чужого, ненасытная, воспаленная страсть, которая из одного взгляда делает целую историю, из нечаянного прикосновения разыгрывает роман, из простого секса выдумывает рай на земле.

— Никит, я же вообще тебя не знаю, — размышляла я, лежа на его плече в чистой свежей постели.

— А я тебя знаю. На уровне ощущений, что ли.

— Глупости, мальчик, — засмеялась я. — Я давным-давно в такое не верю.

Так и жили. Он верил, а я нет. Он думал, что любит, а я знала, что любовью там и не пахнет. Восторженный мальчишка готовил мне яйца всмятку по утрам, а вечером звал в кино. Я отказывалась. Потому что знала, зачем пришла. Потому что знала, что времени у нас мало.

Говорили мало, пили много. Занимались любовью. Я же пришла, чтобы на всю жизнь вперед налюбить, нагрешить. Он этого не понимал. Главное, что я поняла и приняла. Перестала себя корить, съедать изнутри.

А понедельник неумолимо приближался. Вечером, мирно поедая за столом ужин, я посмотрела на Никиту и тихо сказала:

— Завтра утром я уйду.

— Вера, тебе плохо со мной?

— Хорошо. Очень хорошо.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Я уже замужем, — невольно рассмеялась я, и он прикрыл глаза, словно от боли.

— Законом не запрещено развестись!

— Я не обещала ничего. А особенно разводиться.

— Мы же любим друг друга. Разве нет?

— Разве нет, Никит. Мы просто круто провели время.

И он заплакал. Тихо.

— Зачем тогда ты приходила?

— Прости. Я не разведусь.

— Тогда я женюсь. На первой встречной.

...Я долго просила прощения. Всю ночь. Мы не уснули ни на минуту. Я извинялась снова и снова. Губами, руками, ресницами, волосами, бедрами. А около шести утра вызвала такси.

Никита лежал, отвернувшись к стене. Не спал. Уже накинув пальто, я присела рядом и тронула его за плечо. Не обернулся. Только зло процедил сквозь зубы:

— Не приходи больше. Никогда!

Мы пообещали друг другу, что больше не увидимся. Никогда. Но и у «никогда» есть свои сроки.

Я стояла у окна нашей с мужем спальни и высматривала в темноте улицы такси. Дочка и муж уже где-то рядом, едут из аэропорта. А мне легко, уютно и спокойно. Есть дом, есть семья, есть хлеб и вино на столе, вкусный ужин. Сегодня мы снова будем вместе. Я счастлива. Так ненавязчиво мягко довольна, словно решила давно надоевшую проблему.

— Мама!

— О господи! Как же я вас просмотрела!

Я вышла в коридор и приняла Юлю в свои объятия. Загоревший Костя, такой до боли родной, показался свежим, помолодевшим. Я по-настоящему соскучилась.

После всего случившегося во мне неожиданно проснулось желание творить. Сумасшедшие, прекрасные, смелые композиции из цветов, коры, веток, фруктов, ягод и всего, что под руку попадет, быстро набрали популярность в городе. Мы вышли на новый уровень торговли, открыли интернет-магазин. Огромные букеты размером с половину автомобиля, малюсенькие бутоньерки, помещающиеся в дамскую сумку, произведения в виде животных, композиции в корзинах и на подставках, разнообразные материалы и фактуры, съедобные и несъедобные элементы, металл и мох, цветы и ткани — моя фантазия не имела границ.

Я работала. Любила. Опекала свою семью. Готовила. Гладила мужу рубашки. Водила автомобиль. Делала задания и поделки для сада с Юлей. Навещала маму. И была счастлива. Абсолютно.

В тот день я увлеченно «ваяла» за прилавком новый шедевр из пионов, клубники, воздушной гипсофилы, ромашек и чего-то еще. В букет нужно было как-то красиво вписать элегантную коробочку с кольцом, заказчик собирался делать предложение своей невесте. Это был знак.

Я даже не заметила, как они вошли. Девушка легко впорхнула в лавку. Я мельком взглянула на нее, отметила мимолетом красоту, молодость, грациозность походки. А, переводя взгляд, увидела его. Такой же кареглазый. Аккуратный, возмужавший, что ли, но все такой же мальчишка. Пока девушка любовалась цветами, он подошел ко мне и тихо произнес:

— Здравствуй, Вера.

— Здравствуй, Никита.

А что еще я могла сказать? Признаться, что на меня небеса обрушились? Что воздух в легких закончился? Что дрожь сковала меня, словно студентку при виде самого красивого старшекурсника?

— Очень красиво, — кивнул он на букет у меня в руках.

— Он еще не готов.

— Я видел, какую красоту ты теперь делаешь. Хотел заказать в Интернете что-то особенное для своей помолвки, но решил приехать лично, поздороваться. Я бы хотел двадцать одну розу. Белую.

Я не глупая, прекрасно все понимаю. Приехал показать, что обещание свое исполнил. Женится. На первой ли встречной, на второй ли, или на сто третьей — уже не суть важно. Главное, что женится.

— Розы? Не так уж и оригинально. А может, бабочек? — усмехнулась я.

— Нет, — серьезно ответил Никита, — бабочки были единственный раз в моей жизни.

Подошла его спутница. Улыбнулась. Взяла Никиту под руку и прильнула к его плечу.

— Это Полина, — обратился он ко мне. — А это — Вера, моя давняя подруга.

— Здравствуйте, Вера! — Милая девочка лучезарно улыбалась. Мальчик и девочка. Принц и принцесса. Все как надо. Мне в этой сказке места нет.

— Привет, Полина. Очень приятно.

— Мне тоже. Никита очень много о вас рассказывал!

Я удивленно приподняла бровь.

— Ах, да, — улыбнулся он. — Просто рассказывал, как ты выручила меня с букетом на нашем с Полиной первом свидании. Ну а потом мы с тобой подружились и иногда пили кофе вместе.

— Да, Вера, представляете, как странно и глупо вышло, — улыбнулась девочка. — Познакомились, шампанского попили, а потом как-то пропали. И вот пару месяцев назад Никита снова пригласил на свидание, а сегодня уже помолвку празднуем! — Она с восторгом продемонстрировала золотое колечко на тонком пальчике.

— Поздравляю, — вымученно выдавила я, глядя на Никиту.

Он беззастенчиво улыбался с видом победителя. Ну что ж. Не зря я сразу ему определение дала — мальчишка.

— Слушай, Вер, что-то мы давно не виделись. У меня день рождения завтра, празднуем в субботу. Скромно. Я, Поля, друг мой и еще одна пара. Может, заглянешь?

Я оторопела от такой наглости. Честно старалась не подавать виду, но, наверное, получалось плохо.

— Ну-у-у...

Вообще-то отговорок у меня куча. Работа, семейный выходной, срочный заказ, но...

— Хорошо, заеду.

— И отлично! — обрадовалась Полина.

— Тогда в субботу у меня в восемь вечера. По рукам?

— Да, Никит, супер! До встречи!

И они ушли. А я осталась стоять за своим прилавком. До субботы еще три дня. Три дня, чтобы не дать себе сделать глупость.

Остаток дня я провела в попытках втиснуть дурацкое кольцо в еще более дурацкий букет из дурацкой клубники. Букет не клеился. Пришлось попросить помощницу доделать.

В дверь я позвонила в 20.40. Нет, я не попала в пробку, не ждала долго такси, не красилась впопыхах. Я намеренно опаздывала. Хотела посмотреть, проверить, ждет ли. И он ждал. Войдя в прихожую, я не сразу заметила, что в квартире тихо, голосов не слышно, не играет музыка.

— Привет! Я уж думал, что ты не приедешь. Не стоило, — улыбнулся Никита, принимая из моих рук оригинальную композицию из бутылки дорогого алкоголя, еловых веток, коры, сыра и чего-то еще.

Я прошла в комнату — никого. Заглянула в кухню — та же история. Волнение начинало перекрывать удивление. Мы одни. Какого черта?

Никита увидел мое замешательство и развел руками:

— Прости. Я сначала хотел предупредить, но не стал. Ты бы не приехала.

— Это розыгрыш? — начала я злиться.

— Нет, у меня реально был день рождения. Вот только с вечеринкой небольшие изменения. Поля заболела, она дома. А остальных я попросил не приходить.

— В смысле, Полина дома? А ее дом разве не здесь?

— Нет, мы не живем вместе.

Я ходила по кухне, открывала шкафы, зашла в единственную комнату, осмотрелась. Здесь ничего не изменилось. Будто я только вчера уехала. Аккуратно расставленные мной по размеру тарелки в сушилке, винные бокалы, которые я заказывала на какой-то интернет-распродаже, орхидея в горшке, которую я притащила из ближайшего магазина, когда ходила покупать набор продуктов для глинтвейна.

— Так почему не живете-то вместе? — прервала я молчание.

— Ей не нравится эта квартира. Она с родителями живет в огромном доме за городом. Мы сейчас вложились в жилье, но ключи будут через пару месяцев. Переедем впритык к свадьбе.

— А если не уживетесь? — улыбнулась я, наливая вино в бокалы.

— Если бы да кабы... Разберемся.

— Почему ты мне не дал знать, что праздник отменяется? Зачем мы здесь?

— Я хотел побыть с тобой вдвоем, — прошептал Никита и обнял меня.

— Слушай, мне кажется, не стоит, — отстранилась я.

— Я знаю, — кивнул он и обнял меня еще сильнее.

Согласилась ли я? А меня никто не спрашивал. Как урезонить стихию? Как воздухом погасить огонь? Как прийти в себя, когда и себя-то уже нет. Есть только шепот. Руки. Запах на вдохе, стон на выдохе. Кожа, покрытая мурашками. Знакомая постель. Метание душ. Прикрытые глаза. Невыносимая легкость...

После не было желания что-то обсуждать, спорить, разговаривать, и я, встав с кровати, быстро оделась. Он окликнул меня уже в дверях:

— Вера, помнишь, ты как-то сказала мне, что, если я соглашусь на что-то меньшее, чем ты, то я — дурак.

— Конечно, помню.

— Так вот, я дурак, Вера.

Полина появилась через несколько дней. Она зашла ко мне в лавку, искрясь, сверкая, как, впрочем, и всегда. Я, конечно, рассматривала ее профиль во всех соцсетях. У молодых девчонок удивительная способность выглядеть в Интернете лучше, красивее и интереснее, чем в жизни. Но это не про нее. Она такая есть. Красивая, молодая, влюбленная в себя, в жизнь, в жениха. Все напоказ, но правдиво. Все пафосно, но ей идет. Все с улыбкой, но не только для фото.

— Вера, привет!

— Привет, — улыбнулась я. Ей невозможно было не улыбаться.

— Слушай, ты прости, что так с днем рождения вышло. Я заболела, и Никита все отменил. Он тебя предупредил, я надеюсь?

Мне стало неловко.

— Да, конечно, не переживай.

— У нас с ним к тебе предложение! — Столько восторга в голосе, будто сейчас осчастливит меня чем-то. — Мы предлагаем тебе стать нашим свадебным флористом!

— Да без проблем, — пожала я плечами.

Я уже не мучаю себя вопросом, зачем мне это надо. Я уже приняла тот факт, что пока он сам меня не отпустит, никуда я не денусь. Слабость воли это, лицемерие, желание приключений, страсть на грани фолы, любовь или просто игра — мне все равно. Я не хочу это определять каким-то понятием. Это есть. Это — я.

— Отлично! Свадьба через два с лишним месяца, но я готовлюсь заранее. Мне важно, чтобы все было идеально! Чтобы цветочки свежие, лепесток к лепестку. Но и оригинальных композиций не только из цветов, которые ты делаешь, я тоже очень хочу!

— Хорошо, Полин. Ты напиши мне на почту подробно цветовую гамму торжества, все пожелания, картинки в нете поищи, пришли, что примерно хочешь, — протянула я ей визитку.

— Ок, все сделаю. Вера, какая же я счастливая! Платье идеальное, коттедж — мечта! Будет выездная регистрация, нас повезут к месту регистрации на карете, запряженной лошадьми. Все будет, как в сказке!

— Не сомневаюсь, — ответила я, и мы наконец-то попрощались.

И все началось заново. Как в первый раз. Мы с Никитой встречались урывками, впопыхах. Пересекались в хостелах за час до того, как мне нужно забирать дочь из детского сада, а ему не опоздать на обсуждение торжественного меню. В его квартире, когда он точно знал, что Полина уехала в коттедж, где будет проходить свадьба, чтобы проконтролировать обстановку. Да что там, даже в машине, как студенты, предупреждая своих половинок, что задерживаемся к ужину буквально на полчаса.

Игра ли это была? Может быть. Но мы все никак не могли наиграться друг в друга. И решить ничего не могли. Даже не говорили об этом. Даже не обсуждали, что может быть как-то по-другому. Не затрагивали тему, когда это все закончится. Может, после его свадьбы? Или после смерти кого-то из нас? Не то любовь, не то война.

Все имеет свойство заканчиваться.

Это случилось за месяц до планируемой свадьбы, в начале августа. Летний ливень с грозой, сильный ураган, вырывающий деревья с корнями. Дворники моего автомобиля никак не справлялись с потоками воды. Я ехала к Никите на пару часов в обед. Счастливая невеста еще вчера уехала за город к родителям и в такую погоду не планировала садиться за руль.

— Вера, я хочу поговорить, — сказал он, открыв дверь и беря меня за руку. Вид у него был серьезный и какой-то серый.

— А я не хочу, вот серьезно. Что нам обсуждать?

— Я не могу без тебя. Я не хочу без тебя, понимаешь?! — с отчаянием выкрикнул он.

Я не испугалась. Не разозлилась. Я понимала. Я тоже, видимо, не могла. Вот только сама до сих пор не решила, без чего не могу: без него, без игры или без войны.

— Никита, ради бога, хотя бы не сегодня. Я не готова. Я тупо не знаю, что тебе предложить. Я тупо не знаю, что между нами!

— Любовь, Вера, любовь! Что еще это может быть?! Секс у меня есть! Есть женщина! Только чувств к ней нет.

— Так поищи другую! — перешла я на крик. — На мне свет клином не сошелся! Что ты на первую-то после меня кинулся?! Ждать нужно уметь, мальчик! — Я никогда так его напрямую не называла.

— Кого мне надо было ждать?! Я слетел с катушек, когда ты исчезла и в первый раз, и во второй!

Я обняла его и заплакала:

— Прости меня. Я правда не знаю, что нам делать.

— И ты меня прости...

Мы начали раздевать друг друга. Как десятки раз до этого. Как планировали делать это сотни раз после этого. Оба прекрасно знали, что, сколько ни говори, сколько ни кричи, сколько ни проси, мы ничего поменять не можем.

И тут в замке повернулся ключ. Мокрая от дождя Полина стояла в дверях комнаты и смотрела на нас. На обнаженных нас.

— Я... — С ее волос стекали струи воды, яркое салатное платье намокло и прилипло к телу, глаза были широко раскрыты, руки протянуты в сторону Никиты. — Я с мамой повздорила, папа ключи от машины спрятал, а я к тебе на автобусе приехала. Вот.

Она упала на колени и разрыдалась. Никита быстро натянул джинсы и подскочил к ней.

— Поля, Поля, пожалуйста! Мы сейчас все обсудим!

У нее началась истерика. Я никак не могла найти в себе силы пошевелиться. Только смотрела на них во все глаза и натягивала на себя одеяло.

Полина с силой оттолкнула Никиту и кинулась к выходу. Он побежал за ней. Босиком. В одних джинсах. Я, оставшись одна, быстро натянула свою одежду и уже хотела как-то незаметно добежать до своей машины, но остановилась у окна.

Дом Никиты стоял около шоссе, движение было интенсивным даже в такую погоду. Полина бежала, ничего не видя перед собой, бежала на красный свет. Тормоза... Хлопок... Она взлетела в воздух, красивое яркое платье закружилось над крышей автомобиля, и тело рухнуло на дорогу. Никита упал на колени, обнял ее. Наверное, рыдал, но я этого уже не видела. Я не подошла к ним. Просто вышла, оставив дверь квартиры открытой, села в свою машину и уехала. Другим путем. Чтобы не проезжать мимо них.

Только вечером в ленте новостей я узнала точно, что Полина погибла.

До конца лета я не выходила из дома. Мне было страшно. Страшно и тоскливо. Днем я могла позволить себе плакать, выть, сидеть часами, уставив-

шись в одну точку, ненавидеть его и себя. А по вечерам имитировала простуду перед семьей. Муж все порывался отвести меня к врачу, но я уверяла, что скоро все закончится.

Никите я не позвонила ни разу. Решила, если он захочет, наберет меня сам. Он молчал. И я молчала. А что мы могли друг другу сказать? Все было кончено, это и дураку ясно. Стыд не давал покоя, а разговор сделал бы ситуацию еще хуже.

Я справлялась, как могла, а могла я, только отвлекаясь. Поэтому вышла на работу.

Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. Месяцы тишины. Месяцы внутренней паники. Мне нужно было держаться, никто ничего не должен был знать. Я уверена, он никому не открыл истинной причины трагедии. Придумал что-нибудь. Ну, поссорились, девочка занервничала, с кем не бывает.

В конце ноября мужчина лет сорока на вид купил в моей лавке две белые розы. Он был в длинном черном пальто, с проседью и густой бородой. Его карие глаза казались слепыми, настолько они были тусклы и затуманены. Сутулая спина, опущенные плечи, мешки под глазами — все говорило о горе, большом количестве алкоголя и глубокой, как колодец, тоске. Все же что-то знакомое в нем промелькнуло, и я, не выдержав, прошептала, пытаясь разглядеть в этом человеке кареглазого счастливого мальчишку:

— Никита?

— Да, я, — усмехнулся мужчина. — Не очень, правда?

— Боже, Никит, я... — Не зная, что сказать, я коснулась его щеки, но он отстранился. — Я могу тебе помочь как-то?

— У всех наших поступков есть итог, Вера, — глухо произнес он. — Это мы ее убили.

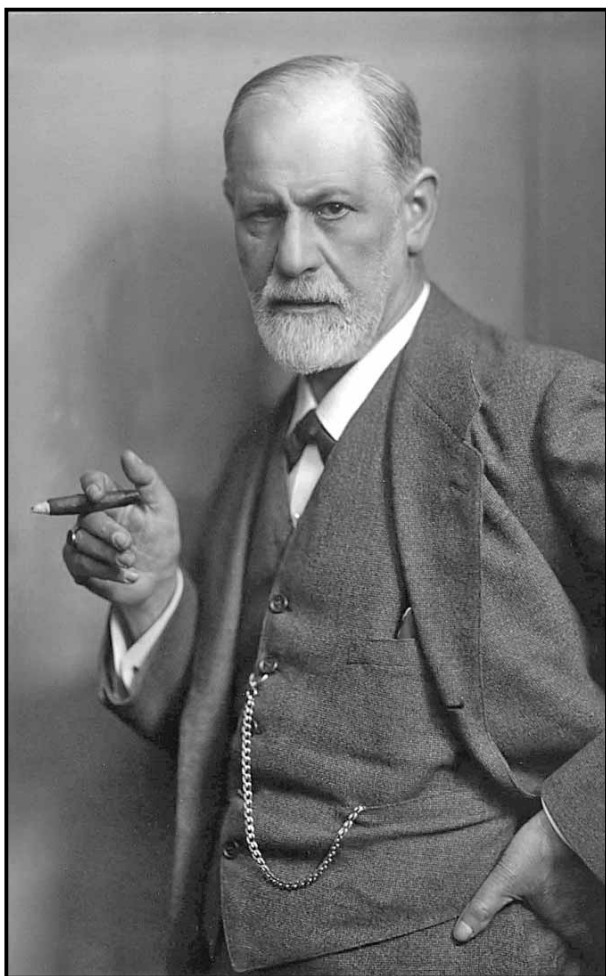
— Ты меня ненавидишь?

— Ненавижу я себя. К тебе я наконец-то равнодушен.

Он забрал две белых розы и ушел, хлопнув дверью. Я долго смотрела в стеклянную витрину, пытаясь найти его среди прохожих, но не смогла. Тогда я подошла к прилавку, вытащила плакат, который уже давно там лежал, и сделала то, о чем думала последние несколько месяцев: повесила на дверь большой постер со словами «Продается».

Я не хочу больше белых роз. Особенно, если их покупают по две штуки. □

КОНКИСТАДОР ОТ НАУКИ

Он так и не получил Нобелевскую премию, о которой мечтал, однако, его теория психоанализа революционизировала не только медицину. Сегодня едва ли существует какой-нибудь аспект человеческого существования, в котором, благодаря Зигмунду Фрейду, не произошли бы радикальные изменения. Люди, которые не читали ни единой строки Фрейда, тем не менее, знают о нем. Сам себя он называл «конкистадором от науки». И в самом деле, Фрейд впервые построил единую, внутренне взаимосвязанную картину психики, как Ньютон построил картину физического мира.

А. Эйнштейн считал его одним из выдающихся умов своего

Зигмунд Фрейд появился на свет 6 мая 1856 года в Фрейбурге (ныне Пршибер) в Моравии, которая сегодня принадлежит Чехии, но в те времена являлась частью Австро-Венгерской империи. Его отцу Якобу

в то время уже перевалило за сорок, и для него брак на матери будущего основателя психоанализа, двадцатилетней Амалии Натансон, был вторым по счету. Роды маленького Зигмунда были трудными: ребенок, по-

времени. Им восхищались Герберт Уэллс, Стефан Цвейг, Сомерсет Моэм. Он оказал огромное влияние на творчество П. Пикассо и М. Шагала. Сальвадор Дали мечтал перенести учение Фрейда на полотно.

Великий ученый обладал немалым мужеством. Страдая последние шестнадцать лет своей жизни от рака, он перенес, ни много ни мало, 33 операции!..

явившийся на свет с гривой черных волос, тяжело дался молодой матери. Кстати, при рождении мальчик получил имя Сигизмунд. Зигмундом он стал называть себя, когда уже учился в университете. Пока же мать обращалась к нему не иначе, как «Сиги, мое сокровище». Она явно отдавала ему предпочтение перед семью другими детьми, которые появились в семье позднее. Увы, дела главы семейства, торговавшего шерстью, шли все хуже и хуже. Фрейдам пришлось покинуть Фрейбург. Обосновались они в Вене. К этому времени Зигмунду исполнилось три с половиной года. О его дошкольном воспитании заботилась не только мать, но и отец, регулярно выводивший мальчика на прогулки, беседуя с ним на самые разные темы, замечая явное пробуждение его любознательности и вкуса к учению. Уже в детстве мальчик владел немецким, чешским, знал древнееврейский и идиш и начатки латыни. В шесть лет он прочитал Библию.

Зигмунд поступил в гимназию в возрасте девяти лет, на год раньше положенного. С самого начала он завоевал репутацию блестящего ученика, и все шесть последних лет учебы оставался первым в классе. Родители старались создать ему наиболее благоприятные условия: если другие дети учили уроки при свечах, то Зигмунду выделили масляную лампу, чтобы братья и сестры ему не мешали, им не разрешали при нем музицировать.

Будучи очень способным к языкам, Зигмунд быстро выучился читать по-английски и по-французски. Затем стал изучать греческий, а также итальянский и испанский. Не менее впечатляющи были его успехи и в естествознании. В семнадцать лет он с отличием окончил гимназию, и перед ним встал вопрос о дальнейшей карьере. Над влечениями юноши реяла тень великого Дарвина, но главную роль в его решении посвятить жизнь чисто научной деятельности, а именно — естествознанию

и медицине, сыграло знаменитое эссе Гете «Природа». Фрейд поступил на медицинский факультет Венского университета. Ему повезло с учителями. Его профессорами были ученые высочайшей квалификации, которые в решающие моменты поддерживали юношу. У одного из них, выдающегося немецкого физиолога Эрнста Брюкке, он занимался изучением нервных клеток, почти вплотную подойдя к открытию нейрона. Зигмунд настолько увлекся задачей изучения нервной системы на микроскопическом уровне, что на два года отсрочил сдачу экзаменов, необходимых для получения диплома врача. Однако вскоре он отчетливо осознал, что академическая карьера для него вряд ли возможна. Одним из главных барьеров на этом пути было его еврейское происхождение, к тому же в академических кругах Вены, проникнутых духом сословности, возможность продвижения была очень мала. Кроме того, эта работа не очень хорошо оплачивалась, а Зигмунд понимал, что отец не сможет его материально поддерживать.

В апреле 1882 года он познакомился с Мартой Бернейс. Девушка была на пять лет моложе Фрейда и происходила из семьи с богатыми культурными традициями. Ее дед был старшим раввином в Гамбурге, приходился родственником Генриху Гейне, и его имя часто упоминалось в письмах великого поэта. Марта была хрупкой, бледной девушкой, довольно избалованной. Ее грациозные манеры привлекали к ней мужчин, так

что в поклонниках и обожателях у нее недостатка не было. Она была хорошо образована и покорила Фрейда после первой же их встречи. Ответное чувство девушки было столь же сильным. Однако после их помолвки прошло долгих четыре года, прежде чем они смогли соединиться. За это время Фрейд отправил любимой 900 писем. У них вошло в привычку ежедневно писать друг другу, а случайный перерыв в два-три дня являлся таким событием, которое требовало подробного объяснения. В то же время случались дни, когда Фрейд писал по два или даже по три письма. Собранные вместе, они представляют один из самых прекрасных эпистолярных романов XIX века. Со страниц этих писем перед нами предстает человек, остро переживающий все радости и муки своей сильной пылкой страсти, восторги и отчаяние, нетерпение и ревность. Он готов положить к ногам любимой весь мир, ибо любовь к ней значит для него больше всего остального — даже больше желания славы и благодарности ждущего его открытий человечества.

Впрочем, желание обессмертить свое имя его не оставляло, но пути достижения цели изменились. Он, по его собственным словам, совершил «крутой поворот» — от изучения строения нервной системы к исследованию ее функций. Зигмунд поступил в главный госпиталь Вены, стал ассистентом, а затем получил звание приват-доцента. Он понимал, что может рассчитывать добиться

согласия родителей Марты на их брак только в том случае, если обеспечит себе определенный материальный статус. Получив стипендию в 600 флоринов, Фрейд использовал ее для поездки в Париж и стажировки у знаменитого невропатолога, директора психиатрической больницы Сальпетриер Ж.М. Шарко. Марте он отправил пронизанное эйфорией письмо: «Я поеду в Париж, стану великим ученым и вернусь в Вену, окруженный великой славой. Мы сразу поженимся, и я вылечу всех неизлечимых нервнобольных». В этом же письме он упоминал о своих способностях в некоторых случаях и у некоторых людей излечивать невроз навязчивых состояний. Шутки ради он заочно поставил диагноз подобного невроза у Николая II и утверждал, что «мог бы вылечить царя за один год». Были ли у Фрейда в то время основания делать заявления подобного рода, неизвестно, но неоспоримым является тот факт, что позднее у «отца психоанализа» проходили курс лечения многие представители королевских домов Европы.

Пока же 1882 — 1884 годы стали для Фрейда периодом становления в качестве профессионального врача. Он не просто проводил время у постели больных, стараясь облегчить их страдания, но использовал свои наблюдения для написания статей и рассылки их в различные медицинские журналы для того, чтобы на него обратили внимание.

Зигмунд по-прежнему очень нуждался в средствах. Он всегда с боль-

З. Фрейд с матерью

шим вниманием относился к своему внешнему виду, однако каждую обновку приходилось тщательно обдумывать, прикидывая свои финансовые возможности. Были времена, когда он не мог выйти на улицу из-за того, что ему нечего было надеть. Однажды он собрался навестить respectable друга, но дырки на его пальто были слишком большими, и ему пришлось занять пальто у коллеги.

В 1884 году в профессиональной жизни Фрейда произошло важное событие: он увлекся работой с малоизвестным в то время алкалоидом — кокаином, пытаясь изучить его физиологическое воздействие на организм человека. В то время он находился под впечатлением тя-

желой болезни своего близкого друга Эрнста фон Флейшль-Максоу. Во время одного из вскрытий Флейшль занес в палец инфекцию. Палец ампутировали, но инфекция продолжала распространяться, рана гноилась и вызывала сильнейшие боли. Стараюсь успокоить их, Флейшль начал принимать морфий во все возрастающих дозах. Чтобы побороть пристрастие друга к наркотику, Фрейд предложил ему принимать кокаин, который считал противоядием от морфия и алкоголизма. Он уже поставил эксперимент на себе самом, и полученный эффект вызвал у него огромный энтузиазм. Мощное антидепрессивное действие кокаина, по его утверждению, выражалось в «чувстве легкости», «состоянии эй-

фории», мгновенном облегчении. Кокаин, уверял он читателей в своих статьях, не вызывает привыкания и пристрастия. Увы, уже к началу 1885 года Фрейду стало ясно, как глубоко он заблуждался. Флейшль стал законченным кокаиноманом и уже не мог обходиться без этого наркотика (позднее он покончил жизнь самоубийством). Фрейд отказался от своих взглядов, но сделал это крайне осторожно, стараясь не нанести вред своей репутации.

В сентябре 1886 года исполнилась заветная мечта Зигмунда Фрейда: он женился на Марте Бернейс в ратуше города Вандебека. Была выполнена и религиозная церемония, необходимая, чтобы узаконить гражданское бракосочетание.

Супружеская жизнь Зигмунда и Марты складывалась достаточно удачно. Между 1887 и 1895 годами Марта подарила мужу шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей. Супруги нежно любили друг друга. Разумеется, их супружеская жизнь не была столь уж безмятежна. Со временем она претерпевала существенные внутренние изменения, взлеты и падения. Но кто знает, совершила ли бы свой головокружительный взлет мысль Фрейда, если бы ее надежно не уравновешивало присутствие и любовь его Марты.

В 1887–1892 годы доктор Зигмунд Фрейд продолжал принимать больных неврастенией. Он уже перестал лечить своих пациентов принятыми в то время средствами физиотерапии — теплом, водой, электриче-

ским током и тому подобным, считая это малоэффективным, и начал применять другие методы, в частности, гипноз. Фрейд просил своих пациентов рассказывать о событиях, которые некогда спровоцировали появление симптомов болезни. Выяснилось, что когда больным удавалось

самый глубинный слой, определяющий поведение человека, а среди бессознательных психических сил он выделял желания, стремления, страсти, аффекты. Главной из этих сил он считал либидо. Первоначально Фрейд определял либидо как психическую энергию сексуаль-

---

Будучи способным к языкам, Зигмунд быстро выучился читать по-английски и по-французски, затем стал изучать греческий, итальянский и испанский. Не менее впечатляющими были его успехи и в естествознании. Над влечениями юноши витала тень великого Дарвина, но главную роль в его решении посвятить себя естествознанию и медицине сыграло знаменитое эссе Гете «Природа», и Фрейд поступил на медицинский факультет Венского университета

вспомнить об этом и «выговориться», симптомы, хотя бы на время, исчезали. Такой эффект получил название «катарсис» — «очищение». Вскоре, однако, Фрейд отказался от гипноза, предложив свой новый метод «свободных ассоциаций», согласно которому, прежний диалог врача и пациента становился монологом больного. Пациент, находясь в полном сознании, рассказывал доктору все, что ему приходило в голову, не скрывая ни единой мысли. Именно этот метод положил начало психоанализу. Одновременно Фрейд разработал свое учение о человеческой «психике», которая, по его мнению, образуется из трех слоев: бессознательного, подсознательного и сознания. Бессознательное — это

ного влечения. Со временем это понимание расширилось, включив в себя любовь к родителям и детям, любовь к себе, человеколюбие и так далее. Тем не менее, он все больше утверждался в мысли, что определяющим началом является именно сексуальная жизнь человека. Нарушение ее нормального течения, неудовлетворенность ею являются основной причиной как неврозов, так и, возможно, многих других заболеваний.

В 1899 году вышла в свет книга Фрейда «Толкование сновидений», ставшая важным этапом в развитии психоанализа и открывшая новую неизведанную область в антропологических исследованиях. Предложенные Фрейдом принципы толко-

вания тайного смысла сновидений, идея «эдипова комплекса» носили поистине революционный характер. Ученый пришел к исключительно важному заключению о том, что воспоминания о детстве играют огромную роль при лечении психических заболеваний, а сновидения являются частью духовной жизни, и их можно использовать с терапевтической целью.

Через два года увидела свет новая работа Фрейда — «Психология обыденной жизни». В этой книге Зигмунд Фрейд пытается доказать, что в поведении человека нет ничего случайного. Выпадение из памяти каких-то имен и понятий, обмолвки, оговорки — все это игры бессознательного, прорывающегося время от времени в сознание человека, чтобы сказать ему о нем самом ту правду, которую он пытается от себя скрыть. По большому счету, именно эта работа и принесла Фрейду всемирную славу. И если сегодня мы говорим «оговорка по Фрейду», то почти автоматически апеллируем к идеям «Психологии обыденной жизни».

Фрейд, однако, понимал, что его теории еще очень далеко до признания публикой и научным сообществом. Для этого ему важно было утвердить собственный социальный статус в глазах окружающих. Но все его попытки получить звание профессора наткнулись на сопротивление высших академических кругов и чиновников от науки. Лишь с помощью одной из своих бывших пациенток, влиятельной светской дамы, это,

наконец, удалось сделать. В марте 1902 года Фрейду было присвоено звание экстраординарного профессора, равного званию профессора-ассистента. Фрейд, разумеется, понимал унижительность такого способа получения давно заслуженного им звания, но он также отдавал себе отчет в том, что иного пути добиться желаемого у него не было. Титула действительного профессора ученый так никогда и не получил.

Между тем Фрейд продолжал расширять и углублять положения своей теории. В 1905 году вышла его книга «Три очерка по теории сексуальности». В ней Фрейд развил основные положения своей теории: аутоэротизм, садизм, мазохизм и другие. Тем самым он покусился на важнейшие табу общества, преследуемого страхами перед сексуальными вопросами. Поднявшийся вал возмущения трудно описать. Говорилось о непристойности, порнографии, покушении на мораль.

В то же время именно тогда, в первое десятилетие нового XX века вокруг Фрейда начали собираться единомышленники и последователи. В 1902 году в его доме по средам собирался психоаналитический кружок, который в 1908 году преобразовался в Венское психоаналитическое общество.

Фрейд всегда видел себя создателем принципиально нового учения, вобравшего в себя и психиатрию, и психологию, и философию. Довольно скоро у его учения появились многие признаки, характерные для ре-

С женой Мартой

лигиозного течения. Один из его учеников позднее писал: «В комнате, где мы собирались, царила атмосфера зарождения новой религии». Сам Фрейд претендовал на роль если и не бога, то, по крайней мере, пророка. Когда дело касалось теории психоанализа, присущие ему деликатность, доброжелательность и чувство юмора уступали место нетерпимости по отношению к любому, кто позволял себе усомниться в истинности его идей. Такие люди сразу же попадали в разряд «невежд», а то и «параноиков». Однажды один из близких друзей Фрейда позволил себе усомниться в правильности каких-то его мыслей. Это вызвало у ученого вспышку ярости такой силы, что он набросился на приятеля с кулаками.

Представляет интерес вопрос: в самом ли деле Фрейд был так уж

всемогущ, как практикующий врач, который по его утверждению, излечивал подавляющее большинство своих пациентов. Многочисленные свидетельства позволяют усомниться на этот счет. Скорее всего, для отца психоанализа главным было не исцеление пациентов, а наблюдение за ними, позволявшее ему расширять и углублять свою теорию. Кроме того, частная врачебная практика являлась для него главным источником дохода. И немало, ведь сеанс психоанализа стоил недешево, а длилось лечение в среднем от полугода до трех лет. На эти деньги Фрейд мог достойно содержать семью и не отказывать себе в удовлетворении личных потребностей. Он обожал путешествия и отдых за границей. Его коллекция античных предметов искусства вызывала восхищение специалистов. Немногое

свободное время он посвящал чтению. Кроме литературы по истории и археологии с удовольствием читал английские романы, а одним из его самых любимых писателей был Федор Достоевский.

Шли годы. Теория психоанализа становилась все более популярной, число ее восторженных почитателей быстро возрастало. К концу двадцатых годов он уже был всемирно знаменит. Его произведения переводились почти на все европейские языки, а также на китайский и японский.

Увы, эти же годы расцвета славы ученого совпали с тяжелым испытанием, выпавшим на его долю. Ему исполнилось 67 лет, когда врачи обнаружили у него злокачественную опухоль в полости рта. И хотя ее удалили,

специалисты понимали, что это не сможет воспрепятствовать распространению рака. Это была лишь первая операция из числа тридцати трех, которые ему предстояло перенести. Фрейду удалили часть верхней и нижней челюсти, слизистой щек и языка. С того времени жизнь его стала сплошной мукой. После многих попыток был изготовлен протез из золота, который он сам называл «чудо-вищем» и который до конца его жизни был источником адских болей.

И все-таки Фрейд нашел в себе мужество вернуться к работе. Ежедневно он принимал по 6 пациентов. У него изменился голос и артикуляция, и пациенты не очень хорошо понимали его. Но он продолжал трудиться, невзирая на все свои немо-

щи и страдания, публиковал новые свои работы.

Однако болезнь оказалась не единственным ударом, который судьба нанесла ученому в последние годы его жизни. В 1933 году пришедшие

спустя несколько лет тысячи людей будут уничтожены в печах крематориев, и среди них четыре его сестры, не сумевшие вовремя покинуть Вену.

Весной 1938 года в Австрию вошли немецкие войска. Как-то в квар-

---

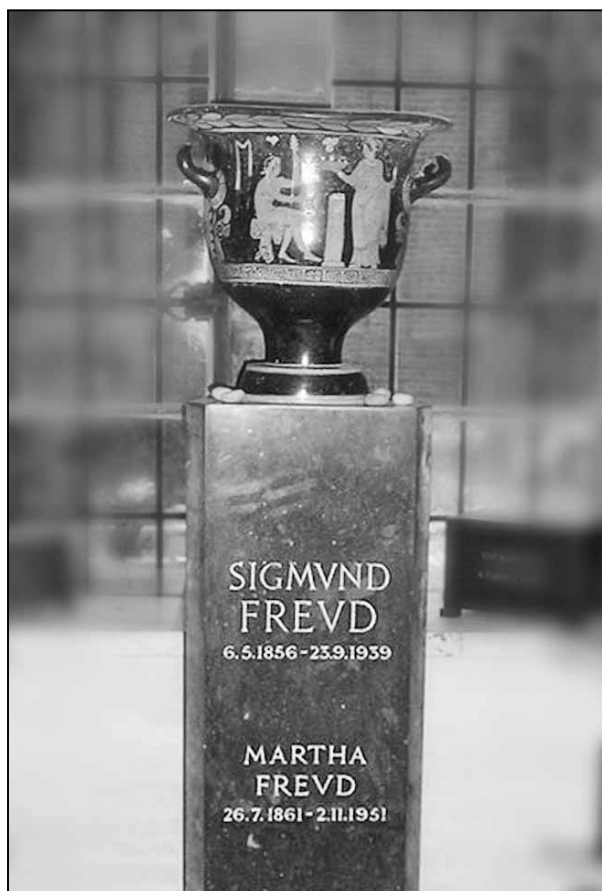
В 1899 году вышла в свет книга Фрейда «Толкование сновидений», ставшая важным этапом в развитии психоанализа и открывшая новую неизведанную область в антропологических исследованиях. Предложенные им принципы толкования тайного смысла сновидений носили поистине революционный характер. Ученый пришел к важному заключению о том, что воспоминания о детстве играют огромную роль при лечении психических заболеваний, а сновидения являются частью духовной жизни, и их можно использовать с терапевтической целью

к власти в Германии нацисты устроили в Берлине грандиозное аутодафе, во время которого в пламени костра были сожжены книги еврейских авторов и писателей антинацистов. Распорядившийся «церемонией» Геббельс, перед тем как в огонь полетели тома Фрейда, торжественно провозгласил: «Против преувеличенной оценки души и половой жизни, я предаю пламени писания Зигмунда Фрейда».

«Какого прогресса мы достигли! — с горькой иронией воскликнул Фрейд, узнав о происшедшем. — В средние века они сожгли бы меня самого, а теперь удовлетворились сожжением моих книг!»

Увы, он не в состоянии был предвидеть будущее и не мог знать, что

тиру Фрейда ворвались люди из службы безопасности. Они перерыли весь дом в поисках ценностей и ретировались, захватив из сейфа изрядную сумму денег. Через несколько дней после этого с обыском нагрянули гестаповцы, которые увели с собой младшую дочь Фрейда, Анну, но вечером она, к счастью, вернулась домой. Семью Фрейда, безусловно, ждала бы участь многих австрийских евреев, однако президент США Франклин Рузвельт дал личное указание своему поверенному в Вене обеспечить защиту доктору. Большую роль в защите Фрейда и его семьи сыграла его бывшая пациентка, а позднее преданная ученица, принцесса Мария Бонапарт, правнучка Наполеона. (Кстати, о ее дружбе с Фрейдом в начале двухтысячных годов был снят фильм, с Катрин Денев в главной роли).

В конце концов Фрейду, его семье, личному врачу, прислуге и некоторым ученикам было дано разрешение на выезд из Австрии. Правда, ему пришлось уплатить более 30 тысяч рейхсмарок и подписать документ, в котором он заявлял, что гестапо обращалось с ним вежливо и любезно, и никаких причин для жалоб у него нет. Ставя свою подпись, Фрейд иронически поинтересовался, может ли он в таком случае прибавить, что «готов рекомендовать гестапо каждому».

Сделав краткую остановку в Париже у Марии Бонапарт, Фрейд с семьей отправился в Лондон. Там его ждал чрезвычайно радушный

прием. Встречи с ним искали многие известные деятели науки, литературы и искусства. Однако страшная болезнь неумолимо прогрессировала. В Лондоне Зигмунд перенес самую сложную за все пятнадцать лет операцию. После нее он прожил еще год. Состояние его все ухудшалось, опухоль была уже неоперабельной, раковые ткани разрастались с неумолимой быстротой. И тогда Фрейд напомнил своему преданному лечащему врачу Макс Шур давний разговор с ним. Тогда Шур обещал больному, что в случае, если надежды ни исцеление не останется никакой, а мучения будут нестерпимыми, он поможет ему уйти из жизни.

Шур выполнил данное Фрейду обещание. Сообщив Анне о желании отца и получив ее согласие, он сделал Фрейду инъекцию морфия, а через некоторое время повторил ее. Великий ученый впал в состояние комы, из которой уже не вышел. Скончался он в три часа ночи 23 сентября 1939 года.

За несколько лет до этого Мария Бонапарт подарила ему греческую вазу изумительной красоты. Любуясь ею, Фрейд заметил: «Как жаль, что ее нельзя будет взять с собой в могилу». 26 сентября тело его было кремировано, а прах помещен в эту самую вазу. В ней покоится также и прах умершей в ноябре 1951 года его жены Марты. Ныне эта погребальная урна хранится в крематории Голдерс Грин в Лондоне. □

Александрина Питиримова — молодая, талантливая и яркая актриса Губернского театра под руководством Сергея Безрукова, где она служит с 2016 года. Этот театр славится своими постановками и замечательной творческой труппой. Александрина занята во многих спектаклях театра: «Аленький цветочек», «Цветы запоздалые», «Вишневый сад», «Серебряное зеркало», «Рождество. Мистерия. Бал», «Нашла кося на камень» и других.

Фото из личного архива

«Для меня самое любимое — это играть в детских спектаклях»

— Александрина, кто повлиял на ваш выбор профессии?

— Моя мама в молодости работала стюардессой и мечтала стать актрисой, но, увы, в силу жизненных обстоятельств этого не случилось. Я благодарна маме, что она правильно направила меня. Когда я

училась в Минске на менеджера и была уже на третьем курсе института, она как-то спросила — хочу ли я всю жизнь заниматься именно этим, и рассказала мне о своей несбывшейся мечте. Я была так впечатлена ее рассказом, что всерьез подумала, а почему бы мне не по-

пробовать поступить в театральный вуз? Нашла по объявлению педагога, чтобы он подготовил меня, это был бывший актер белорусского молодежного театра Степанов Игорь Александрович, который и стал моим первым учителем в профессии. Потом рискнула приехать в Москву и, неожиданно для многих, в том числе и для Игоря Александровича, поступила в ГИТИС-РАТИ на курс к мэтру российского театра и кинематографа Леониду Ефимовичу Хейфецу.

— Московский Губернский театр был создан в 2013 году, пу-

тем слияния Московского областного драматического театра имени Н.А. Островского и Московского областного государственного Камерного театра. А вы как попали в этот театр, которым руководит народный артист РФ Сергей Безруков?

— Учась на четвертом курсе, я попросила своего будущего мужа, Никиту Кологривого, тогда он был студентом второго курса, помочь мне: прийти со мной в Губернский театр и почитать отрывок. И надо такому случиться, что во время показа Никита забыл текст. Я тогда растеря-

лась и даже разрыдалась. А Сергей Витальевич Безруков рассмеялся и попросил меня что-нибудь спеть. Я в слезах запела песню «Поздно мне любить тебя, поздно» Микаэля Таривердиева ... уже не надеясь ни на что. Но... произошло чудо — я была принята в труппу театра.

— Вы много играете в постановках для детей. Сложно ли покорить такую непосредственную аудиторию?

— Для меня самое любимое — это играть в детских спектаклях.

Ты не имеешь права выйти на сцену не заряженным, не подготовленным. Для меня дети — самый преданный зритель.

Их внимание сложно удержать, если ты пустой, не отдаешься полностью, не доигрываешь — они сразу чувствуют это и отстраняются. В

нашем театре идут спектакли «Маугли», «Аленький цветочек», «Остров сокровищ». А перед началом проводится интермедия, артисты выходят в фойе к детям и помогают им подготовиться к просмотру, погрузиться в атмосферу предстоящего представления.

Я очень люблю играть в «Аленьком цветочке», недавно играла даже на седьмом месяце беременности.

— Скажите, а Сергей Витальевич Безруков строгий руководитель?

— Сергей Витальевич — замечательный человек и руководитель.

Я постоянно черпаю от него как актриса — у него можно многому научиться. Он очень точно разбирает материал, текст, всегда интересуется актерами и каждому уделяет внимание, что ценно для артиста.

Мне повезло с коллективом, наша труппа очень дружная, и все это благодаря Сергею Витальевичу. Многие коллеги из других театров нам завидуют в этом смысле.

— Что хотелось бы сыграть в кино?

— В кино я пока себя не нашла. Хотелось бы сняться в фантастическом фильме в образе женщины — супергероини.

— Назовите, пожалуйста, фильм, который особенно впечатлил вас...

— «Холодная война» режиссера Павла Павликовского — драматическая, пронзительная история. Два человека — он и она — всю жизнь любят друг друга и не могут быть вместе... Мое сердце разрывается, когда я смотрю этот фильм. Прекрасная актерская игра, красивая музыка...

Картина взяла приз за лучшую режиссуру в Каннах, на фестивале 2018 года, и была отмечена тремя номинациями «Оскара».

— Какие качества вы цените в людях?

— Очень люблю позитивных и сильных людей. Неравнодушных. Мне нравятся люди, которые любят животных.

Мы живем в сложное время. По мере возможности стараемся помогать друзьям, я занимаюсь детским домом — помогаю детям. Очень хочется, чтобы все люди жили в достатке, достойно, ни в чем не нуждались.

— А у вас есть питомцы?

— Двое: кота замечательного мы подобрали, а собаку я принесла домой из театра — взяла у реквизитора Елены Машинской. Мы их очень любим.

— Что пожелаете читателям «Смены»?

— Надо слушать себя. Надо искать, не успокаиваться, идти вперед.

Читайте, развивайтесь, узнавайте что-то новое, общайтесь с интересными людьми. □

Беседовала
Елена Воробьева

Лоренцо Бернини

*Джованни Лоренцо
Бернини.
Автопортрет*

музеи, и один из них — музей Барджелло.

Дворец Барджелло был построен в 1256 году. Поначалу тут размещалась ратуша, позже — резиденция подесты, главы администрации города. В 1574 году герцоги Медичи упразднили институт подесты, и Барджелло стал тюрьмой. Когда же 1786 году герцог Пер Леопольд запретил смертную казнь, в замке расположилась полиция. Но прошло чуть меньше века, времена изменились, и в 1865 году было решено, что в здании будет музей итальянской скульптуры. С тех пор здесь можно увидеть шедевры великих итальянских скульпторов, к примеру, четыре скульптуры Микеланджело, а еще работы Донателло, Верроккьо, Сансовино и Челлини. Есть от чего потерять голову! Но при этом очень многие посетители музея пропускают один удивительный экспонат — работу Джованни Лоренцо Бернини, бюст Констанции

Флоренция — удивительный город. Колыбель Возрождения... Тут творили Леонардо и Микеланджело, тут каждый храм — потрясающее собрание шедевров. Флоренция по праву гордится одним из самых известных музеев мира — галереей Уффици, собранием великих творений старых мастеров. Но есть в этом городе и менее известные, но не менее интересные

и его Констанция

---

*Бюст
Констанции
Буонарелли*

Буонарелли. Полуоткрытый рот, пухлые губы, слегка прикрытая, но такая соблазнительная грудь, большие глаза и чистый лоб. Она была очень хороша, эта женщина! И явно с характером! Совсем небольшой, этот бюст был создан великим мастером в 1636–1637 годах и, несомненно, несет на себе печать очень личного отношения к модели...

Бернини с ранних лет знал, что он — талант. Он слышал это от самых разных людей уже в раннем детстве. Когда ему было восемь лет, его отец, флорентинец Пьетро Бернини, привез сына в Рим. На приеме у папы Павла V мальчик за считанные минуты набросал его портрет, причем так уверенно и тонко, что папа воскликнул: «Да перед нами второй Микеланджело!» А потом вручил Лоренцо

двенадцать серебряных монет, которые еле-еле поместились в маленькой ручке мальчика. Восхищенный папа назначил кардинала Маффео Барберини его наставником — кардинал должен был следить за образованием и развитием юного таланта. Надо сказать, что в те времена папы очень поддерживали таланты.

А этот Бернини не переставал удивлять — в 15 лет он создал «Му-

ченичество святого Лаврентия». Лаврентий, святой эпохи раннего христианства, хранил имущество церкви и заботился о бедных христианах. За его веру, за отказ поклоняться языческим богам, Лаврентия подвергли страшным пыткам — заживо зажарили на раскаленной сковороде. И совсем еще юный Бернини, дабы передать в мраморе страшные страдания Лаврентия, прислонился ногой к горячей жаровне и при этом смотрел в зеркало на себя, запе-

в Риме кардинал — Сципион Боргезе. В результате со временем он получил от Бернини потрясающие скульптуры, украсившие коллекцию Боргезе, — «Похищение Прозерпины», «Аполлон и Дафна», «Давид» и бюст самого кардинала Боргезе. В руках этого чудо-скульптора мрамор становился мягким, как пластилин, и казалось, что в мраморных телах его творений течет горячая алая кровь...

Прошло совсем немного лет, и Бернини завоевал титул лучшего

«Мученичество святого Лаврентия»

чатлевая на бумаге свои страдания, свою боль. Делал эскиз для скульптуры... Барберини был, понятное дело, в восторге от работы своего подопечного.

Талантливого скульптора заметил и другой весьма влиятельный

скульптора Европы. И если Микеланджело творил богочеловека, то герои Бернини — просто люди, полные страстей, испытывающие любовь или ненависть, экстаз или — правда, очень редко — покой. Они получались у него очень живые, его

мраморные герои. Недаром один французский кардинал заявил как-то, что ни за что бы не поставил скульптуру Бернини у себя дома — столь прекрасные и, как правило, обнаженные тела никому не дадут покоя. А когда одна из скульптур мастера «Аполлон и Дафна» была закончена и установлена на вилле Боргезе, весь Рим устремился туда полюбоваться работой Бернини, словно это было какое-то чудо. Молодого скульптора стали узнавать на улицах — он обрел настоящую славу.

В 1623 году покровитель Бернини кардинал Маффео Барберини стал папой Урбаном VIII. Обладавший глубокими познаниями в самых разных областях, блестящий ум и выдающийся политик, папа задумал обновить облик Рима, и, конечно же, работы по строительству и реконструкции зданий, возведение новых храмов и устройство фонтанов должен был возглавить его любимчик Бернини. В 1629 году, когда Бернини было всего 31 год, он стал главным архитектором собора Святого Павла, главного храма Ватикана и всей Католической Церкви! Человек

«Аполлон и Дафна»

мал обновить облик Рима, и, конечно же, работы по строительству и реконструкции зданий, возведение новых храмов и устройство фонтанов должен был возглавить его любимчик Бернини. В 1629 году, когда Бернини было всего 31 год, он стал главным архитектором собора Святого Павла, главного храма Ватикана и всей Католической Церкви! Человек

разносторонне одаренный, Бернини оказался не только блестящим скульптором, но и выдающимся архитектором. К тому же он любил театр, а потому многое делал в Риме и как театральный художник, сценограф.

Лоренцо уже хорошо знали в Европе, его пытался переманить во Францию кардинал Мазарини, суля жалованье в 12 000 крон в год, но Урбан VIII дипломатично заявил, что «Бернини создан для Рима, а Рим —

и не под силу одному человеку, а потому у него были помощники. Один из них — Матео Буонарелли. Этот способный мастер хоть и не мог похвастаться аристократическим происхождением, зато умел работать и был неплохим если не художником, то ремесленником. Он приехал в Рим из Лукки. В мастерской Бернини ему поручались различные второстепенные детали скульптур. А дома его, простолюдина, ждала жена Констанция, происходившая из знатного ро-

Колоннада собора Святого Петра

для Бернини». И он был прав — Рим во многом обязан сегодняшним обликом именно Бернини.

Скульптор всего себя отдавал творчеству — он говорил, что внутри него горит огонь, и этот огонь заставляет его работать усерднее других. Масштаб стоявших перед ним задач был поистине грандиозен

да Пикколомини. Очаровательная, живая, чувственная, она, видимо, была не особенно строгих правил и не отличалась супружеской верностью. А тут ей встретился великолепный Бернини! И Лоренцо пал жертвой ее красоты и женского обаяния. Конечно, у него и раньше были романтические увлечения —

он был хорош собой, темпераментен, интересен, с живым умом, талантлив, а уж чего только он не делал при дворе папы — и устраивал театральные представления, и сам в них играл, и писал картины, и возводил прекрасные здания, и был совсем не беден. Ну, как тут устоишь! Многие римлянки готовы были скрасить его одиночество. Но ни одна из них надолго не западала в его душу. А тут все было иначе. Он влюбился — страстно, глубоко.

ности... Этот бюст, свидетельство его любви, Бернини хранил у себя дома.

Он не сомневался в верности своей возлюбленной. Но однажды некий доброжелатель намекнул ему, что Констанция дарит свою благосклонность не только Лоренцо, но и его младшему брату Луиджи! Получивший прекрасное образование благодаря отцу и ставший, как и брат, скульптором (не таким талантливым, как Лоренцо, но тоже непло-

Киворий собора Святого Петра

И доказательство тому — бюст Констанции, созданный им в 1637 году, в тот год, когда их отношения достигли своего апогея. Это была настоящая революция в искусстве. Густые волосы собраны в узел, огромные, широко открытые глаза, кофточка приоткрывает одну грудь... Столько любви, страсти, чувствен-

хим), а еще архитектором, математиком и инженером, Луиджи был самым близким человеком. Он не мог его обманывать!

Но чтобы в этом удостовериться, Лоренцо объявил, что уезжает из Рима по делам, а сам утром на следующий день пришел к дому Констанции и увидел, как Луиджи выхо-

дит из дверей, а Констанция, полуодетая, провожает его! Возбешенный двойным предательством — его предала и любимая женщина, и любимый брат, — Лоренцо бросился на Луиджи и чуть не убил его, сломав ему два ребра. Драка продолжалась, и Луиджи пришлось спрятаться в церкви Санта Мария Маджоре, откуда он слышал, как брат пытается выломать дверь храма. И только заступничество матери спасло его от неминуемой смерти.

Однако Лоренцо не успокоился — он жаждал покарать за измену и Констанцию. В тот же день он отправил к бывшей возлюбленной своего слугу, и тот изрезал бритвой лицо несчастной женщины.

Весь Рим говорил об этой драме. И конечно, все ее действующие лица были наказаны папой Урбаном VIII. Слугу Бернини арестовали и отправили в тюрьму. Констанция тоже бы-

«Похищение Прозерпины»

ла приговорена к тюремному заключению — за прелюбодеяние и блуд. (Освободившись, она стала торговать предметами искусства и вполне преуспела, так как была не только красивой, но и весьма практичной дамой). Луиджи выслали в Болонью — для его же безопасности, чтобы он смог избежать тяжелой руки брата. А вот самого Лоренцо папа Урбан, по сути, простил — на него наложили толь-

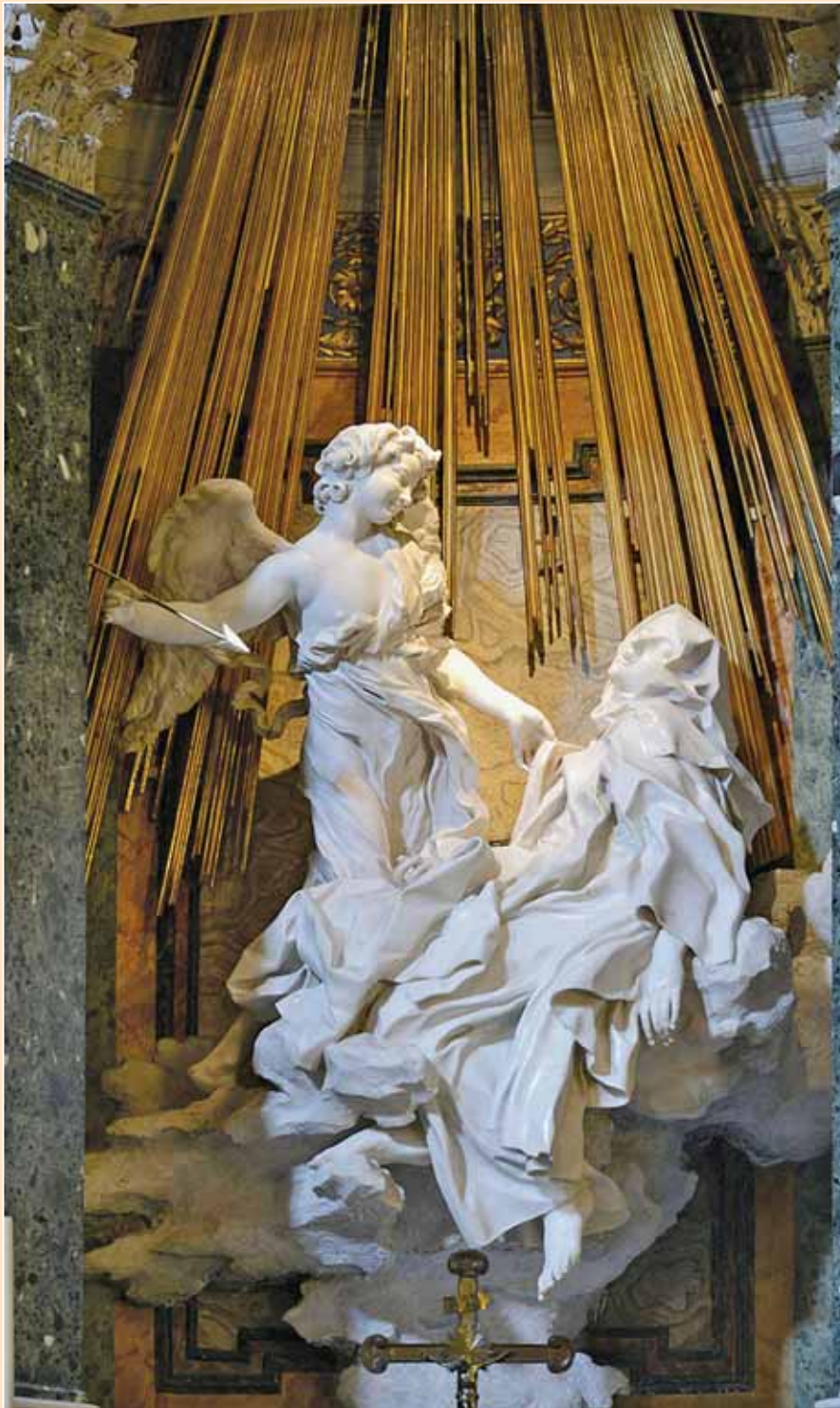
бою этот мир. А вскоре папа отменил и это весьма мягкое наказание — правда, потребовал от Бернини жениться, дабы избежать подобных ситуаций в будущем. Более того, сам нашел невесту для своего любимчика — ею стала первая красавица Рима, восемнадцатилетняя Катерина Тезио, дочь римского адвоката, секретаря Сообщества святейшей Аннунциаты Паоло Тезио. И Бернини вполне оправдал доверие папы — биографы

пишут, что Лоренцо никогда (по крайней мере, по известным сведениям) не изменял своей жене, а та родила ему 11 детей.

Бюст кардинала Сципиона Боргезе

ко штраф, 3 тысячи скудо — сумма, которую он получал за создание небольшого бюста. Ведь Бернини, заявил папа, — человек редкостный, высочайший гений, рожденный по соизволению божественного промысла и во славу Рима, как свет, которому суждено озарить со-

Когда-то, когда роман Бернини и Констанции только разгорался, он написал их двойной портрет. Придя домой в тот трагический день, когда он узнал об ее измене, Лоренцо вырезал шпагой, которой хотел заколоть Луиджи, ее фигуру из картины. А вот бюст уничтожить не захотел. Не смог. Но Катерина не пожелала терпеть в своем доме эту ужасную женщину, и он

продал скульптуру некому флорентинцу, который увез его во Флоренцию. (Спустя многие годы бюст коварной изменщицы оказался в музее Барджелло, среди других шедевров великих итальянских мастеров.)

Впереди у Бернини были еще великие работы и одна большая неудача.

Неудачей стали колокольни, которыми Лоренцо решил увенчать фасад собора Святого Павла. Его предшественник Карло Мадерна спроектировал одно ярусные колокольни, но Бернини был уверен, что один ярус — это мало для столь величественного храма, а потому придумал три яруса, и возвышаться колокольни должны на 60 метров над основанием. Почва под собором была болоти-

стая, мягкая, да к тому же Лоренцо торопился со строительством, а потому через два месяца после возведения первой колокольни в стене ее образовалась трещина. Поползли слухи, что любимчик папы, этот Бернини, просчитался, и огромный вес башни, которая вот-вот рухнет, разрушит весь фасад собора.

Папа велел приостановить работы, а Бернини попал в опалу.

В 1644 году папа Урбан VIII умер. Его сменил Иннокентий X, подвергший серьезной ревизии все траты

своего предшественника. Задуманные им проекты были тщательно пересмотрены. А уж колокольни Бернини теперь подавались как вопиющее безрассудство и излишество. Тем более что трещины пошли уже и по фасаду, к концу 1645 года их было уже три! В результате было принято решение разобрать несчастную колокольню. Репутация Бернини как архитектора была окончательно испорчена.

Он очень переживал — говорили, что впал в прострацию, перестал общаться с людьми, но... Он был

Слева:

«Экстаз святой Терезы». Скульптурная композиция в церкви Санта-Мария-делла-Виттория

**Фонтан
Четырех
рек**

сильным человеком, этот Лоренцо Бернини, а потому сначала написал едкую сатирическую пьесу, в которой высмеивал Иннокентия X, а потом вернулся к скульптуре. В Риме хорошо знали, что Лоренцо — великий скульптор. И в этот тяжелый момент его жизни к нему пришел кардинал Федерико Корнаро с большим заказом — создать в церкви Санта Мария делла Виттория

семейную капеллу, посвященную святой Терезе Авильской. Бернини вдохновил и тот факт, что кардинал намеревался потратить на капеллу огромную сумму, 12 тысяч скудо — больше, чем стоило строительство всей церкви. Капелла Корнаро стала невероятной удачей мастера, а изваянный им «Экстаз святой Терезы» — одной из самых выдающихся скульптурных композиций в истории мирового искусства. Бернини удалось показать драму, в которой в едином движении соединились телесные и душевные страдания, страсть физическая и духовная.

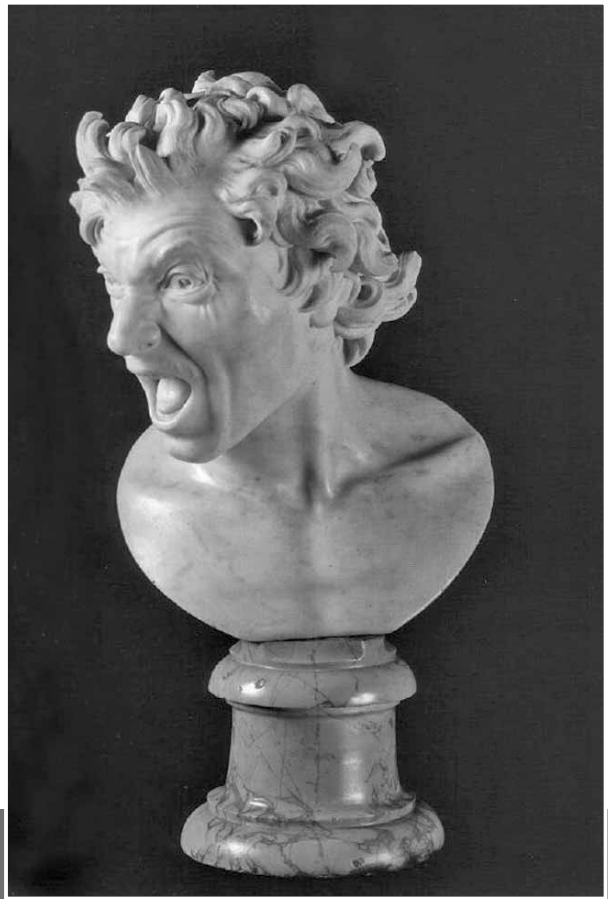
А ведь были еще и великолепные фонтаны на площади Навона, фонтан Четырех рек... И монархи Европы (в частности, король Франции Людовик XIV и шведская королева Кристина) гордились, что их бюсты изваял величайший скульптор.

В конце жизни Бернини никто уже не со-

«Давид»

«Блаженная душа»

«Проклятая душа»

мневался в том, что он — лучший скульптор в мире после Микеланджело. Никто не сомневался и в его христианских добродетелях (он был истовым католиком и не пропускал ни одной службы), и в том, что он — прекрасный отец своих 11 детей и верный муж для своей очаровательной жены. Его авторитет в мире искусства был на высочайшем уровне.

Умер Лоренцо Бернини в 1680 году, снова обласканный властью и окруженный любящими и близкими людьми. А потом он был забыт. В последующие столетия его искусство считалось излишне эмоциональным и эклектичным. Но в XX веке его наследие снова стало воспри-

ниматься как творения настоящего гения. Ведь именно благодаря ему возникли колоннада площади св. Петра и грандиозный балдахин внутри главного храма Ватикана, а еще знаменитые римские фонтаны и множество поистине живых скульптур, скульптур, запечатлевших не человека даже, а человеческую душу — мятежную, переживающую, страдающую, порой прекрасную и очень редко — счастливую. И среди этих удивительных созданий — скромный, небольшой бюст очаровательной Констанции, той, которая сумела когда-то заставить великого мастера Лоренцо Бернини страстно любить и страдать. □

А Горестная Агриппина

Денис Логинов

Имя Агриппины Яковлевны Вагановой известно, пожалуй, только истинным знатокам и любителям балета. Она не была ни примой, ни звездой театральных подмостков, ее не осыпали цветами, не устраивали оваций. Но без нее советского балета, того, который одно время «был впереди планеты всей», просто не состоялось бы.

Она недолго была балериной, довольно скоро поняв, что состязаться с более одаренными соперницами просто не может. Зато стала знаменитым балетмейстером и педагогом, основоположницей теории русского классического балета.

Родилась Ваганова в Санкт-Петербурге в 1879 году в семье капельдинера Мариинского театра, бывшего унтер-офицера Якова Ваганова в крохотной полуподвальной квартирке, принадлежавшей театру. Акоп (Яков Тимофеевич) Ваганов перебрался в Петербург из

Астрахани, где со времен Ивана Грозного существовала армянская община, и сам он был из персидских армян.

Сбережений у главы семьи не было, жалование капельдинера было совсем небольшим (чуть больше двухсот рублей), а в семье — три

«Школа Вагановой» — это было достаточной рекомендацией для успешной жизни на балетной сцене.

Но в самом начале творческого пути Агриппины Яковлевны никто и предположить не мог, что ее имя будет постоянно упоминаться рядом с именами прославленных артистов балета. И не просто упоминаться — прославляться. Впрочем, обо всем по порядку.

дочери, да еще ежегодные затопления и без того ветхого жилища.

Как вспоминала впоследствии сама Агриппина Яковлевна, «перебивались с хлеба на квас».

Повезло только в 1890 году — младшую Ваганову приняли в Императорское театральное училище. Приняли не без колебаний: внешние данные Агриппины были далеко не идеальными: слишком худые руки, слишком полные ноги, крупные черты лица. Зато хорошо развитые мышцы обещали неутомимость и виртуозность.

Плюс — отменное здоровье. И «толстая армянка» была зачислена в младший класс с испытательным сроком.

Жизнь в балетной школе мало чем отличалась от монастырской. Воспитанницы жили на казенном содержании в интернате. Очень немногие, например, Матильда Кшесинская, имели возможность жить дома, приезжая в школу только на занятия. Остальные спали в огромных, холодных дортуарах, строем ходили на скудные трапезы, строем — на занятия. Редкие прогулки в особо хорошую погоду тоже проходили по об-

разцу строевой подготовки: быстрый шаг в общей веренице под строгим присмотром воспитательниц.

Общение учениц с внешним миром было ограничено. Более того, запрещалось общение вне занятий с мальчиками — учащимися, которые жили на другом этаже. К лестнице, ведущей туда, девочкам подходить было строго воспрещено под страхом отчисления из училища. И уж, конечно, уроки дуэтного танца всегда проводились под бдительным оком классных дам.

Ваганова позже вспоминала (с дрожью, так и не прошедшей с годами), что утро в училище начиналось с обливания ледяной водой из медного бака. Потом был не слишком сытный невкусный завтрак, который нужно было закончить как можно быстрее. И — сразу же — занятия: сначала в классе у станка, потом в классных комнатах общеобразовательными дисциплинами. На последнее, правда, смотрели сквозь пальцы и не слишком следили за успеваемостью, за исключением французского языка и музыки. Главное у балерины — ноги, голова, точнее, ее наполнение, никого не волно-

вало. Так что в классных комнатах скорее отдыхали от изнурительных упражнений, чем учились.

Каждый день воспитанницы становились к тянувшейся вдоль стены палке, поверхность которой была до блеска отполирована многими поколениями юных будущих балерин. И начинался изматывающий, монотонный урок, который выдерживали далеко не все — «ломались». Оставались лишь самые выносливые и упрямые.

Но только эти ежедневные упражнения, едкий пот и стертые до крови

Ваганова очень рано поняла важность и закономерную последовательность упражнений. Вряд ли бы она впоследствии состоялась как педагог и теоретик, если бы постигала азы балетного мастерства механически. Да и как балерина достигла бы немногого.

Наконец учеба осталась позади. К удивлению и восторгу Агриппины, ее зачислили в балетную труппу Мариинского театра. Это произошло в 1897 году. Юной балерине исполнилось восемнадцать лет.

К

огда изнурительная учеба осталась позади, к удивлению и восторгу Агриппины, ее зачислили в балетную труппу Мариинского театра. Ей на то время было 18 лет.

Не красавица, не «чаровница», как часто называли Матильду Кшесинскую, но запоминающаяся с первого взгляда брюнетка с огненными черными глазами...

пальцы в классе и могли впоследствии обеспечить легкость, изящество и грацию балерины на сцене. Экзерсиз имеет свои законы — определенная серия упражнений на развитие той или иной группы мышц выполняется сначала у палки, а затем повторяется на середине зала, после чего следует прыжковая часть. Судите сами, сколько сил и старания все это требовало от юных учениц.

Большинство выполняли упражнения бездумно, мечтая только о завершении мучений. Но Агриппина

Не красавица, не «чаровница», как часто называли ее коллегу Кшесинскую, но запоминающаяся с первого взгляда брюнетка с огненными черными глазами. Правда, для сцены это имело мало значения, но все же...

Но все же в душе она надеялась на успех и блестящую карьеру. Мечтала о славе, овациях, поклонниках. А как иначе?

Перед открытием сезона в театре, как обычно, собралась вся труппа. Настроение было праздничным. Ваганова все лето совещалась со своей близ-

кой подругой Репиной, в чем же прийти на первый сбор. Заказали самые лучшие платья, которые только могли себе позволить. Но, вступив в зал, поняли, что выглядят почти убого.

По залу прохаживались разодетые в пух и прах их будущие коллеги. разгуливали расфуфыренные актеры и актрисы. В прическах, элегантных платьях, на руках балерин переливались бриллианты. Даже артистки кордебалета блистали богатейшими уборами. На юных дебютанток никто и внимания не обратил. Какие-то замарашки.

Удар по самолюбию был болезненным. Но Агриппина поклялась себе, что очень скоро и она будет одета, как принцесса. Каким образом? Пока неизвестно. Но она знала, что будет стараться изо всех сил.

Откуда ей было знать, что бриллианты и роскошные туалеты были не результатом успехов на сцене, а щедрыми дарами богатых покровителей-любовников? В училище об этой стороне жизни театра ничего не знали. А может быть, кто-то и знал, но предпочитал помалкивать.

Начались балетные будни. Каждое утро Ваганова приходила в актерский класс на репетицию и с трепетом ожидала, что вот-вот ее старания заметят и поручат какую-нибудь сольную партию. Но ее надежды скоро рухнули. Ей поручили роль, но... неприметной пятьдесят шестой тени в кордебалете в постановке «Млада». Еще один удар по

«глухими» — в самых последних линиях кордебалета. Кто мог ее там заметить? Замечали уже блистающих на сцене других: Матильду Кшесинскую, танцующую не одну сольную партию и имеющую на некоторые роли даже монополию, Веру Трефилову, Ольгу Преображенскую...

Кто сейчас помнит этих балерин (кроме Кшесинской, разумеется)?

гордости и самолюбию. Пятьдесят шестая тень! С таким же успехом могли назначить и сотой. К тому же, торопясь на сцену, она поскользнулась на лестнице и пребольно ударила головой о ступени. Примета, как не преминули сообщить ей товарищи, не из лучших.

Судьба словно бы смеялась над ней. Все последующие роли были

А тогда Ваганова тяжело переживала чужие успехи и собственную «задвинутость». Сильные, мускулистые ноги, блестяще выполняющие любое трудное движение, не вызывали восторга у поклонников и критиков балета — толстоваты. Выразительное лицо плохо «держало» грим и на сцене теряло свою милость.

Разложенные на составные части, тщательно проанализированные движения поражали необыкновенной виртуозностью, но не было пластичности, грации, балетной легкости. Да и кто вообще обращал внимание на кордебалет? Разве что желающие выбрать из десятка молодых девушек очередную возлюбленную.

Ваганова и на эту роль не слишком подходила. Сказывались и строгое воспитание в семье, и не слишком броская внешность. Конечно, поклонники у нее были, но такие же несерьезные и мимолетные, как и ее появления на сцене. Несколько па — и пора за кулисы.

А тут еще один сюрприз: очередной выпуск школы подарил «Александринке» несравненную Анну Павлову, которую сразу стали готовить в балерины. О кордебалете и речи не было.

Хотя был определенный парадокс. Гений Анны Павловой заключался в том, что она была необыкновенно артистична и лирична даже при... откровенной косолапости. Всем известен Павловский знаменитый «невыворотный арабеск», запечатленный художником Серовым. Но всем известен и ее «Умиравший лебедь».

В чем же был секрет неуспеха Агриппины Вагановой? Она сама его прекрасно знала: не было «певучести» движений, пластичности, грациозности. Зато была крупноватая голова, широкие плечи, крепко сшитая фигура... И чувство собственной неполноценности.

Она пыталась бунтовать: спонтанно выходить из общей массы кордебалета, а то и просто покидать сцену, чтобы не стоять бесцельно «у воды», как это называлось в балетном мире. Тщетно. И Агриппина с тоской наблюдала за сольными танцами других, машинально подмечая как удачи, так и промахи, мечтая о том, что когда-нибудь и она...

Мечта сбылась только на четвертый год служения в театре: ее перевели во вторые танцовщицы. Но к этому времени в труппу влились новые таланты: Тамара Карсавина и Лидия Кякшт, которые сразу завоевали симпатии критиков и балетного начальства.

Ваганова по-прежнему удивляла техникой и... оставалась на вторых-третьих ролях.

Мятежность и неустроенность отражались и в личной жизни. Каждый год Ваганова меняла место жительства, кочуя по-цыгански из одной казенной квартиры в другую. Она любила шумные вечеринки, вообще петербургскую ночную жизнь. Строгость полученного воспитания со временем сильно притупилась: были и интрижки, и даже скоротечные романы, но они лишь усиливали чувство горечи и неудовлетворенности.

В компании Ваганова была заводилой, и ее часто приглашали быть хозяйкой вечера на том или ином банкете. Она охотно соглашалась, так как любила танцевать до упаду и веселиться. Но все равно фактически оставалась одиночкой.

Так продолжалось до того момента, пока Агриппина случайно не познакомилась с отставным подполковником путейской службы Андреем Александровичем Померанцевым, выходцем из старой петербургской семьи, интеллигентом, обладающим строгими понятиями о чести и отнюдь не балетоманом.

Но любовь выбирает порой странные пути. Однажды встретившись, они уже не могли расстаться, поняв, что отныне их жизни неразрывно связаны между собой. Померанцев был решительным человеком, Ваганову же всегда отличали смелость и пренебрежение условностями.

Андрей Александрович ушел из семьи, оставив жену и сына. Развода он так и не попросил, может, не считал нужным. И когда 13 января 1904 года у влюбленной четы родился сын Александр, то в свидетельстве было записано: «Померанцев усыновил Александра, рожденного вне брака от девицы Агриппины Вагановой».

По тем временам на такое нужна была незаурядная смелость.

Поступок Вагановой, как ни странно, вызвал у окружающих уважение. Когда после долгого перерыва она вернулась на сцену, ее встретили куда более приветливо, чем в год ее поступления на службу в театр.

Удивительно, но после родов ей удалось сохранить прекрасную балетную форму. Обычно балерины отказываются от материнства — слишком высок риск расстаться с танца-

ми. Но у Вагановой все получилось иначе. Она не потеряла ничего, скорее, наоборот.

Кордебалет остался в прошлом. Агриппина Яковлевна получила статус солистки. Ей блестяще удавались отдельные сольные вариации, например, в балете Делиба «Коппелия», за что ее прозвали «королевой вариаций».

После 1910 года, незадолго до окончания карьеры, она начала исполнять главные партии.

Великий балетмейстер Мариус Петипа, однако, не ценил ее исполнительского мастерства. В его дневниках можно встретить такие записи:

«Г-жа Ваганова ужасна. На балет не иду...»

Тогда он даже не подозревал, что через много лет эта женщина не просто займет его место в Мариинском театре, а станет легендарным педагогом и на весь мир прославит русский балет.

Но балетоманы и критики были в восторге. 19 сентября 1911 года после исполнения балериной одной из сольных партий в балете «Баядерка» газеты писали:

«В классике с балериной конкурировала г-жа Ваганова. Легкость в кабриолях редкая. Прямо летает — без крыльев и аэроплана».

А балериной была не кто-нибудь, а сама Анна Павлова.

Теперь уже были и цветочные подношения, и золотые и серебряные венки от балетоманов, и хвалебные рецензии. Сбылось все, о

чем мечтала Агриппина. Но нашлась и неременная ложка дегтя. В газете «Биржевые ведомости» известный балетный критик того времени Волынский написал:

«Ваганова — солистка виртуозная и талантливая на темы отдельных вариаций. Она без риска может выступать рядом с лучшими европейскими балеринами. Но занимать место в центре балета Вагановой мешает расстраивающее впечатление, производимое общим контрастом мягких и жидких форм прелестно тан-

К тому же однажды ей удалось заменить Тамару Карсавину, подвернувшую ногу, в «Жизели» — все знали, что только Ваганова способна заменить балерину в партии, ни разу не отрепетированной ею.

Но продолжения увы — не последовало.

Ей нравились современные балеты Фокина, но куда больше — классические, особенно «Лебединое озеро». Партия Одетты-Одилии считается венцом русской хореографии, но, получив однажды эту роль,

Судьба словно смеялась над ней. Все ее роли были «глухими» — в самых последних линиях кордебалета. Кто мог ее там заметить? Ваганова тяжело переживала чужие успехи и свою «задвинутость». Сильные, мускулистые ноги балерины не вызывали восторга у поклонников, выразительное лицо плохо «держало» грим и теряло свою миловидность, ей не хватало пластичности, грации, балетной легкости.

цующих коротких ног и огромной тяжелой головы».

Впрочем, Волынский вскоре смягчился и тоже признал несомненный талант Агриппины Яковлевны. Ее виртуозная техника заставила уважаемого критика стать поклонником ее танца. Из его различных статей о Вагановой можно составить солидный том. А какие эпитеты присуждал он балерине! «Бриллиантовые заноски», «легендарный талант», «царица вариаций». Было чем гордиться.

Ваганова поняла, как трудно будет ей справиться с нею. Усложняя партию коварной соблазнительницы Оддилии, оттачивая филигранно каждый элемент, Ваганова видела, насколько сложен для нее образ печальной девушки-птицы Одетты. Она проводила долгие часы в репетиционном классе, вглядывалась в большое зеркало, и, конечно же, ясно видела, как недостижим для нее идеал. Беззащитность и тоска превращались в исполнении Вагановой

в мятежность и героику, весь спектакль получал совершенно иную окраску.

Ее дебют отметили, хваля технику и исполнение вариаций, но старательно избегая оценок самого исполнения этой партии.

Оглядываясь на пройденное, Ваганова смогла признать, что только воля, дисциплина и преданность искусству помогли ей пройти самый сложный путь из кордебалета в балерины. В 1916 году исполнялось 19 лет ее служения на сцене Императорского театра, пора было на пенсию.

И напоследок Ваганова взялась за партию Жизели.

В городе жили еще воспоминания о несравненной Жизели — Анне Павловой, блистала в этой роли Тамара Карсавина. С ними было нелегко соперничать, но Агриппина Яковлевна привыкла доводить начатое до конца.

Но на сей раз потерпела фиаско. Ей не удалось достоверно изобразить невинное кокетство и простодушную радость Жизели в первом акте. Несмотря на блестящую способность Вагановой зависать в воздухе, замирать в неустойчивых арабесках, во втором акте не было убедительности в исполнении вилиссы — бесплотного духа Жизели. Балет тянулся вяло и скучно. Последняя роль не удалась.

Покидая репетиционный зал, она подумала: «Не зря имя Агриппина переводится с латинского как "горестная"»!

Может быть, так и переводится. Но к самой Вагановой такой перевод применим только частично.

Долгие и пустые дни на пенсии тянулись, казалось, бесконечно. Мучили воспоминания о театре, сцене, примерках, репетициях, спектаклях, успехах и неудачах. Господи, даже неудачи казались теперь желанными, ведь они случались на любимой работе. А что теперь?

А теперь — дом, где все шло гладко — отлаженный быт, любимый сын, любящий муж. Летом уезжали на юг Франции, к морю. Дом их славился гостеприимством. Ей были доступны любые развлечения и удовольствия, любые наряды и украшения. Она была богата, свободна и... глубоко несчастна.

За этими личными переживаниями Ваганова не замечала, как все чаще омрачалось лицо Андрея Александровича: сводки с фронта были неутешительны. В обществе чувствовались назревающие перемены. Часто он запирался у себя в кабинете, шелестел газетам, разговаривал по телефону, стал угрюмым, перестал ходить в театры, принимать у себя.

Она едва это замечала. Она тосковала по театру.

1917 год встретили тихо, в кругу семьи. Вместе нарядили елку, вместе провели скромный ужин. Агриппина Яковлевна смотрела на любимые лица мужа и сына, особенно красивые в отблесках свечей, и думала, что только это ей и осталось.

И она должна сделать все, чтобы их жизнь была безмятежной и уютной. Довольно тосковать о том, что никогда не вернется.

Ночью Андрей Александрович застрелился под елкой. Причины его самоубийства так и остались неизвестными.

Все рухнуло. Но Ваганова не погибла под обломками. Просто нужно было начинать новый отрезок жизни — теперь уже только ради сына.

Тогда она и не подозревала, как высоко вознесет ее жизнь, как отблагодарит ее судьба за веру и глубочайшую преданность балету.

Три последующих года были тяжелейшими: голод, холод, отсутствие работы. Кому после революции был нужен «старорежимный балет»? Кому была нужна уже немолодая, по меркам того же балета, Ва-

ганова? Она продавала вещи, украшения, даже мебель, из уютной квартиры переехала в крохотную каморку на последнем этаже доходного дома. И уже начинала терять надежду на то, что жизнь наладится.

Но оказалось, что балет в Петрограде не умер. Стали появляться частные студии, и Агриппине Яковлевне удалось устроиться преподавателем в одну из них. Особой конкуренции не было: боль-

шинство ее бывших коллег уехали не только из столицы — вообще из страны.

А в 1920 году Ваганову пригласили преподавать сразу в два места: в Государственное петроградское театральное училище и в Мариинский театр. Ее не забыли, учиться у нее хотели многие. А с постоянной работой пришел и стабильный доход, позволявший жить хотя и скромно, но вполне достойно.

Через пять лет одна из ее учениц — Марина Семенова — прославилась именем Агриппины Яковлевны.

«Марина — начало моей репутации педагога», — говорила Ваганова.

Еще через три года обучение у нее закончила Галина Уланова. Потом была Наталья Дудинская, Алла Шелест, Нинель Кургапкина, Алла Осипенко и многие другие талантливые балерины.

В ходе преподавания Ваганова разработала собственную педагогическую систему, основанную на ясности и осмысленности техники, строгости постановки корпуса, позиций рук и ног. «Система Вагановой» сыграла определяющую роль в развитии балетного искусства XX века.

Ваганову-педагога всегда отличала строгость и требовательность. Пытаясь добиться идеального исполнения, она могла резко сказать ученице: «Не виси на палке как белье», «Не облизывай ногой пол», «Вынь вату из ушей» или

«Это у тебя что — рука или кочерга?». Но никто на нее не обижался, ведь все знали, что научить искусству танца может только она.

Иногда, к концу второго урока, в зал, где вела занятия Ваганова, входила пожилая женщина и, обменявшись с ней поцелуем, грузно опускалась на соседний стул. Девочки с любопытством посматривали на гостью, чья фигура являла разительный контраст с их подтянутой, всегда аккуратной учительницей.

Многие из них увлекались поэзией, любили и знали наизусть стихи

плохо. Так совместными усилиями они создавали уникальную книгу — «Основы классического танца».

Ваганова смолodu мечтала о переплавке итальянских и французских начал классического танца в единый стиль русской школы. И ей это начало удаваться.

Однако успехи училища радовали далеко не каждого. К исходу 1928 года нападки на него приобрели зловещий политический характер:

«11 лет советской власти еще не смогли полностью изгнать из стен

В

еликий балетмейстер Мариус Петипа не ценил ее исполнительского мастерства. В его дневнике встречается запись: «Г-жа Ваганова ужасна. На балет не иду...» Тогда он даже не подозревал, что через много лет эта женщина не просто займет его место в Мариинском театре, а станет легендарным педагогом и на весь мир прославит русский балет

Блока. И не могли себе представить, что коротко стриженная, располневшая подруга Агриппины Яковлевны была Любовью Дмитриевной Блок — Прекрасной Дамой блоковских стихов...

Любовь Дмитриевна помогала подруге писать книгу. Эпистолярный жанр не был сильной стороной Агриппины Яковлевны, а Любовь Блок всегда была отменным редактором, да и сама писала очень не-

училища порядочки прошлого, мертвый дух старого времени, выправить руководство». Слово «господа», обращенное к преподавателям и ученикам, то и дело витало в стенах этого учебного заведения, что не могло не тревожить партаппаратчиков.

На заседании худсовета против Агриппины Яковлевны выступил ряд коллег и несколько ее учениц.

«Мы работаем в социалистическом государстве, а не в частной

труппе, где пишутся свои уставы и законы», — заявила на собрании Татьяна Вечеслова. Еще одна балерина назвала Ваганову «властолюбивой и не терпящей критики», а Галина Уланова потребовала заменить некогда любимого педагога:

«Я считаю, что нужен новый человек для нашего художественного руководства, который бы творчески руководил балетом», — уверяла Галина Сергеевна.

Агриппина Яковлевна тогда заметила:

— Характер у меня, может быть, как тут выражались, ужасный. Но мне

В 1931 Ваганову пригласили занять пост художественного руководителя балетной труппы Мариинского театра, переименованный в театр имени С.М. Кирова. На новом месте Агриппина Яковлевна начала с того, что стала постепенно возвращать в репертуар снятые ранее классические постановки.

На сцене снова начали показывать «Жизель», «Баядерку», «Лебединое озеро». Но она не могла не учитывать настроения, которые царили в тот момент в обществе. Ваганова самостоятельно создала и поставила балет «Пламя Парижа», который впо-

«**О**

сновы классического танца» — этот уникальный учебник вышел в свет в 1934 году, весьма знаменательном для Агриппины Яковлевны: именно в это время она, художественный руководитель балетной труппы Театра оперы и балета имени Кирова, получила редкую награду — звание народной артистки РСФСР. Книга имела такой успех, которого ее автор даже не смела ожидать. Отовсюду посыпались письма с благодарностями и просьбами прислать экземпляр учебника, сразу исчезнувшего из продажи

кажется, что мягкотелые, приятные люди дисциплины не введут. Дисциплина важна в каждом деле, а в нашем — особенно.

Потребовалось вмешательство Кирова — большого любителя балета (и балерин), чтобы Агриппину Яковлевну оставили в покое.

следствии стал одним из самых любимых у Сталина.

«Основы классического танца», этот уникальный учебник, вышел в свет в 1934 году, весьма знаменательный для Агриппины Яковлевны: именно в это время она, художественный руководитель балетной

труппы Театра оперы и балета им. Кирова, получила редкую награду — звание народной артистки РСФСР.

В «Основах...» уже знаменитый педагог систематизировала весь опыт своих предшественников и свой собственный, раскрыв творческие принципы и методы, достижения русского классического танца.

Книга имела такой успех, какого автор даже и не смела ожидать. Отовсюду, где были в стране балетные театры или школы, посыпались

Ваганова со дня на день откладывала отъезд. Тревожило отсутствие вестей о сыне. Став взрослым, Александр Андреевич Померанцев унаследовал отцовскую профессию путейского инженера. Жил он с матерью. Но, уважая и гордясь ею, охранял свою независимость, самостоятельно избранную судьбу.

В 1939 году он женился на своей сослуживице. Агриппина Яковлевна холодно приняла невестку, слишком, на ее взгляд, юную для сына.

письма. Ее благодарили за помощь, одолевали просьбами прислать экземпляр учебника, сразу исчезнувшего из продажи. Книгу признали и за рубежом — она вышла в Англии, Америке, Испании, Голландии.

...Во время войны театр начал собираться в эвакуацию в Пермь.

А потом понемногу стала оттаивать, наблюдая, как преданно любит мужа эта скромная девочка, как терпеливо сносит все колкости от свекрови.

Во время войны, в 40-е годы, Ваганова попробовала поработать в Большом театре, но, в силу своего

характера и острого языка, не смогла надолго задержаться в столице. Главным балетмейстером тогда был Леонид Лавровский, и однажды Агриппина Яковлевна имела неосторожность высказаться в адрес его жены, балерины Елены Чикваидзе: «Голова, как арбуз».

Естественно, Лавровский не простил ей этих слов. По этой причине многие столичные танцовщицы лишились счастья поработать с легендарным педагогом. Майя Плисецкая очень жалела об упущенной возможности, хотя она все же успела позаниматься в классе Вагановой непродолжительный период:

«После двух месяцев работы меня не узнали. Человек преобразался даже после одной репетиции с ней. Я всю жизнь скорблю, что не позанималась у нее хотя бы год, этого бы хватило на всю жизнь», — говорила впоследствии великая балерина.

Война близилась к завершению. Летом 1944-го в Ленинград двинулись эшелоны с работниками театра и воспитанниками школы. Ваганова возвращалась домой, где 18 апреля родилась внучка Людочка. Болезненная, слабенькая, «блокадная» девочка сразу заняла главное место в ее сердце.

В 1946 году Ваганова получила Сталинскую премию первой степени — за выдающиеся достижения в области хореографического искусства, и была награждена

орденом Трудового Красного Знамени.

Она звала Плисецкую в Ленинград: *«Приезжай, мы сделаем "Лебединое" так, что всем тошно станет»*. Марина Семенова тогда вторила своему педагогу: *«Поезжай, Майя, ведь она умрет, и ты себе этого никогда не простишь»*.

К сожалению, так и получилось. 5 ноября 1951 года Агриппины Яковлевны не стало. Она скончалась от сердечного приступа. Во время прощания с ней звучало адажио из «Лебединого озера» — балета, который был для нее гимном любви. Ведь лебеди любят только один раз в жизни. Так, как любила сама Ваганова — горестная Агриппина.

P.S. Через шесть лет ее имя присвоят хореографическому училищу на улице Зодчего Росси в Петербурге, с которым была связана внушительная часть жизни этой легендарной женщины.

В 1958 году на фасаде дома № 4 по Гороховой улице (в то время — ул. Дзержинского), где, начиная с 1937 года и до конца жизни, жила Ваганова, была установлена мемориальная доска с надписью:

«Здесь с 1937 года по 1951 год жила Агриппина Яковлевна Ваганова, профессор, крупнейший деятель советской хореографии».

А надо было еще добавить:

«Без нее не было бы лучшего в мире русского балета». □

Александр Ралот Молоховец

Декабрь 1918 года. Петроград

Изможденная женщина не ела уже несколько дней. Тихо лежала под ворохом ветхих пальто и иных тряпок, пытаясь согреться. «Надо бы подняться и попытаться растопить печку. Дров нет, но можно сжечь книгу. В нынешние времена от подобного читыва никакого толка, зато с ее помощью, наверное, удастся нагреть воды. Чая, конечно, нет, но его же можно вообразить, согревая озябшие руки о бока железной кружки».

Елена Ивановна кинула взгляд на дрожащие, испещренные синими про-

жилками руки — на одной еще виден едва различимый след от золотого браслета (эту награду сама директриса Смольного института вручила, за отличные оценки в итоговом аттестате) — и погрузилась то ли в сон, то ли в спасительное забытие.

Хотела воскресить в памяти лики родителей, но не смогла. Из глубин сознания на секунду показалось лицо бабушки — аристократки, взявшей ее на воспитание после смерти родителей. Она потратила немало сил, чтобы определить внучку в Институт благородных девиц.

Рука Елены Ивановны непроизвольно дернулась, и лежащая рядом толстенная книга с грохотом полетела на пол. Превозмогая боль в ослабевших суставах, она вернула фолиант на место, погладила истрепанную обложку, на которой было вытеснено «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», и подумала: «Как же трудно она далась. Конечно, и до меня дамы пописывали статейки для журналов и даже замахивались на целые романы. Но взяться за систематизированный труд первой решилась только я. Давненько это было. Дай бог памяти. Кажется, на день тридцатый рождения супруг преподнес самодельную книжку, составленную из моих листочков-рецептов, написанных по острой не-

обходимости. А куда было деваться? Наше семейство росло год от года, один за другим на свет появились десять мальчишек! Вот и пришлось самой выдумывать кулинарные изыски. Постоянная нехватка ассигнаций приучит к экономии семейного бюджета».

За дверью вдруг что-то гроыхнуло. «Может, сыночек Анатолий объявился? Надворный советник, служит далече, аж в Бакинской губернии. Неужто добрался до столицы? Или Леонид — генерал? А может, любимец — Константин? Нет. Точно не он. Его же тяжело ранило в русско-японской войне. Я писала о подвиге сына, морского офицера, в предисловии к юбилейной дате выхода книги: «Не покинул пост, истекая кровью, и погрузился в морскую пу-

чину вместе с кораблем». Бедное дитя! А может, за дверью внук Владимир? Офицер с яхты «Цесаревич»?

— Хватит тарбанить! Без толку это! — послышались из-за двери пьяные голоса. — Там старуха обитает, если еще не отдала богу душу. Из этих, из бывших. На днях наши эту квартирку уже навещали. Рек... рек... реквизируют подчистую. На нужды ре.. ре.. революции...

В самых худших снах Елена Ивановна не могла представить того, что происходило нынче в столице некогда великой империи.

Много лет назад, восхитившись подарком мужа, она взяла да и сочинила кулинарную книгу, ставшую символом эпохи. «Подарок молодым хозяйкам» был неприметным атрибутом почти в каждой семье. Два толстые тома разошлись по стране тиражом в двести девяносто пять тысяч экземпляров. А поначалу не верили, что она в тридцать лет так поднаторела в ведении домашнего хозяйства. Но когда опубликовали комплимент от царицы Марии Федоровны — сразу приумолкли.

Сколько раз книги подделывали, изменяя фамилию автора на созвучную — Мороховец, Малковец, Малаховская. Плагиат в немислимых количествах встречался во всех лавках. Елена Ивановна боролась с этим безобразием, как могла, да что толку — людей, алчных до легких денег, много.

Она нежно погладила книгу. «Из прошлогоднего тиража. Двадцать девятое издание. Вот помру, а она сохранится. Не все экземпляры в топку угодят. Обретет свое место на кухнях и в буфетах. Будет памятником мне — автору». Тут же вспомнилась одна цитата из книги: «Я почувствовала радость от сознания того, что могу быть полезной моим соотечественникам. Благодаря моей книге наши русские дамы прекратили смущаться вести свое домашнее хозяйство и показываться у себя на кухне...» — и горячая слеза покатилась по холодным морщинистым щекам. Елена Ивановна забылась тяжелым сном, чтобы уже никогда не проснуться...

P.S. В Советском Союзе в 1939 году огромным тиражом была издана «Книга о вкусной и здоровой пище». Прекрасно иллюстрированный фолиант в твердом переплете был строго выверен идеологически. Как и в других книгах того времени, в ней присутствовали обязательные цитаты из выступлений товарища Сталина и наркома пищевой промышленности Анастаса Ивановича Микояна.

Только об авторе некоторых кулинарных рецептов (Елене Молоховец), занявших достойное место в этой книге, ничего сказано не было... □

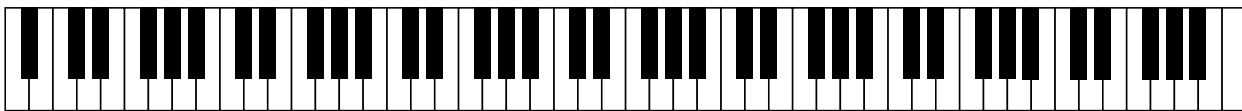
Дмитрий Соколов — молодой пианист, музыкант и педагог, композитор. Окончил с красным дипломом Гнесинку и московскую консерваторию им. Чайковского. После окончания аспирантуры уехал на север Китая читать лекции в вузе. Сегодня он снова в Москве и работает по специальности. В нашем интервью Дмитрий рассказал о тайнах мастерства фортепианного искусства и педагогики.

Дмитрий Соколов:

«Я смотрю в будущее с оптимизмом»

Фото из личного архива

— Современный мир очень быстро меняется, стремительными темпами. Как лично вы видите эти изменения в классическом искусстве?

— Презрительно отношусь к повальному увлечению гаджетами и повсеместной цифрофикации. Это возвращает. Когда я занимаюсь педагогикой, то ясно вижу контраст между учениками, наполненными всей этой отупляющей чепухой, и теми, кто учится думать, творить. В одних, воспитанных на предоставленной им инфор-

мации из этих гаджетов, полностью отсутствует любой другой процесс, кроме как потребления. Привить им усидчивость и широту ума крайне трудно, а подчас и невозможно вообще. Не говоря уже про музыкальность и техничность игры.

— Не секрет, что музыканту для работы нужен стимул. Что вас вдохновляет?

— Не знаю, отчего это зависит, но меня, прежде всего, вдохновляет ночь, тишина. Каждый пианист — немного

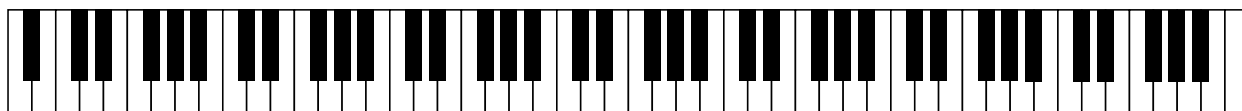
аскет, поскольку ему приходится отгородиться от части радостей жизни, доступных другим молодым сверстникам. Однако, когда ты достиг определенных творческих успехов в своем мастерстве, ты понимаешь, что это часть тебя, которая стала лучше, и она навсегда останется с тобой.

— Вы — музыкант с классическим образованием. Как вы от-

жье не нужно, необходимо повышать финансирование отечественного кино — это же эмблема страны, и один из наиболее популярных досугов в мире.

— Какие ваши любимые произведения, которые вы любите слушать и исполнять?

— Симфоническая сказка «Петя и волк» Прокофьева, а также «4.33» Кейджа. В последнее время все чаще

носитесь к современному искусству?

— Считаю, что наше образование — лучшее в мире. А вот русское кино разочаровывает. Все эти потуги угнаться за модными артхаусными веяниями настолько аляповаты и смешны, что смотреть это невозможно. Модные фестивали с их премиями рассчитаны на тех, кто их спонсирует. У таких денег есть законный интерес — поднимать то искусство во главу угла, которое нравится обладателям этих средств. Подстраиваться под зарубе-

обращаюсь к Мусоргскому. Его музыка, известная мне с малых лет, сейчас раскрывается в новых красках, я вижу в ней новые грани. Удивляет, как он приоткрывает музыкальную дверцу в ларец русского менталитета.

— Как вы считаете, через какие образовательные программы можно привить вкус ребенку, любовь к классической музыке?

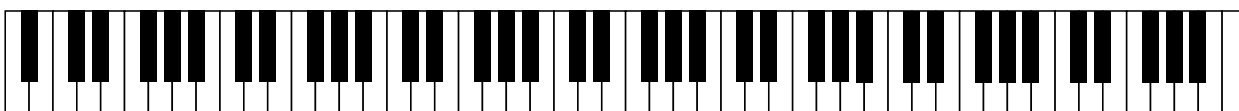
Раньше классическая музыка звучала из каждого радиоприемника и транслировалась с ТВ. Но теперь

этого, увы, становится все меньше. Сегодня трудно себе представить детсад, каким он был в нашем детстве, когда в детской комнате звучал первый концерт Чайковского. Но я смотрю в будущее с оптимизмом. Зачастую по работе сталкиваюсь с восприимчивыми к классическому искусству детьми, которые стремятся познавать жизнь через те азы, которые мне в свое время передал в маленьком возрасте педагогений Кирюшин.

— Какие у вас семейные ценности?

— Какие свои достижения вы считаете наиболее значимыми на данный момент?

— Постараюсь расставить все по порядку. Очень трудно добиться каких бы то ни было успехов, если в семье нет музыкантов, и самое главное, нет рояля, что крайне важно для молодого пианиста. Когда слышу фразу, что это не очень важно, отвечаю примером вождения автомобиля. Если первоклассный водитель будет ехать за рулем трактора, тот не поедет так же легко, как первоклассный автомобиль. Такая же ситуация с плохими

— Всегда стоит выбор между семьей и работой. Я считаю, что, достигнув определенного рубежа в мастерстве, человек должен больше времени уделять семье. Семья — подспорье твоих будущих достижений. Говорят, реклама — двигатель торговли, так же и для творческого человека семья является его мотивацией. Я рос в образованной семье, у нас всегда уважались труд и ум.

и дешевыми инструментами. Я с помощью семьи и друзей приобрел собственный инструмент. Поступил в московскую консерваторию, а потом и в аспирантуру. Победил на нескольких международных конкурсах. Выступал на различных фестивалях, концертах, зачастую совершенно бесплатно. А потом, пройдя нелегкий путь достижения мастерства, получил приглашение поработать в китайском вузе.

— Какова, на ваш взгляд, современная музыкальная ситуация в России?

— Ведутся споры по поводу плюсов и минусов разрушения советской системы выступлений сольных исполнителей. Я не застал ту пору, однако за «обязаловкой» и малооплачиваемостью тех лет скрывались повышение мастерства и востребованность. Население небольших городов культурно обогащалось, что сейчас, увы, бывает крайне редко. Сегодня в программы музыкальных вузов вводятся такие дисциплины, как менеджмент и экономика. Многие талантливые исполнители не могут справиться с агрессивным внешним миром после выпуска и уходят из профессии.

— Что лично для вас означает понятие «Красота»?

— Красота в естестве и оптимизации. Без примеси глупости и местничества. Красота в усталом взгляде. Красота в маленьких детишках, в детстве. Кстати, оно вдохновляло много композиторов. Для меня пик красоты в музыке и гармонии — это эпоха импрессионистов.

— Ваши любимые классические произведения?

— Дело в том, что в Гнесинском колледже учителя делали упор на сухую классическую гармонию. Редко отпускали в романтику надолго. Проджаз можно было заикнуться только во время концертмейстерского класса и камерного ансамбля. В консерватории у профессора Юрия Суреновича

Айрапетяна в этом была полная свобода. Он позволял мне выбирать любой репертуар, вплоть до современной японской музыки минималистических жанров. Главное — это то, что я не имел права играть некачественно, иначе бы потерял оказанное мне доверие. Поэтому я и полюбил качественно сделанные музыкантами вещи.

— Какие у вас остались впечатления о конкурсах в России и за рубежом?

— Сильнее всего был впечатлен, приехав зимой на конкурс в Петер-

бург: там так дует ветер с реки, что пробирает до костей. Я с поезда — сразу в зал, и там даже возле батарей было холодно. Все в шубах, в варежках сидят и трясутся так, что зубы стучат! И не разобрать по какой причине, из-за холода или, как говорил Маяковский, было немножко нервно. Конечно, волнение спало после первого тура, я стал приглядываться к конкурсантам. Все отлично подготовились. Разделив с моей сокурницей по консерватории, пианисткой из Японии Рисако Сакомото лауреатство, я показал ей Петербург и, зайдя в первый попавшийся магазин, купил и подарил ей теплую шапку.

А вообще самый первый конкурс, на который поехал, был в Испании. Он был омрачен терактом, когда взорвали самолет с русскими туристами. Я был шокирован этим фактом. Однако настрой мой все равно не был сбит, и за выступление я получил первую премию. В тот же год играл в финале конкурса в филармонии города Ростов-на-Дону, где тоже получил премию. На первом туре играл так, что ногти на руках были в кровь.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем трудовом опыте за границей.

— В Китае в каждом человеке чувствуешь стремление в будущее, гордость за страну, уважение к истории и почитание философии. Коллективная самоотдача — она увлекает за собой и тебя, начинаешь жить работой, не считаешь минуты и деньги. Для ра-

боты созданы максимально удобные условия, при этом хватает времени и сил и на собственное развитие. Китайцы понимают, что, если человек будет саморазвиваться, это положительно отразится и на качестве его основной работы. Естественно, языковой барьер поначалу создает трудности, но современные технологии и постепенное проникновение английского языка в китайское общество упрощают их. Там познакомился с прекрасными коллегами: переводчиком Яной и ее маленькой дочкой, она помогала мне проводить занятия со студентами. Марина и Грант всецело оказывали поддержку. Да, там не пропадешь, много русских коллег сразу окружают вниманием. Однако очень скучаешь по своей родине и во время отпуска сразу стремишься домой. Север и юг Китая отличаются друг от друга. На севере Китая очень схож с русским климатом, морозы могут достигать до 30 градусов, так что, можно сказать, ты практически дома.

— Как вы относитесь к вере, к православной церкви?

— Уже то, что она тысячелетия продолжает существовать, само по себе означает, что вера необходима людям. Иногда думаю, не будь ее, что с нами со всеми было бы... Надо в каждом человеке воспитывать «свой духовный храм», ибо нужно почаще смотреть внутрь себя. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

ПОЕЗДКА К НЯНЕ

Мальчик был в том непонятном возрасте, когда удивительно быстро и в то же время незаметно — даже для любящего родительского глаза — мальчики неожиданно становятся подростками. Вчера — ребенок; завтра вдруг — человек пресловутого сложного возраста.

В доме с утра было шумно. Родители собирались в дальнюю дорогу.

Нет ничего лучше сборов в дальнюю дорогу. Мальчик до последней минуты старался не верить в то, что путешествие состоится. Так легче переносить обломы. Но теперь-то можно радоваться совершенно безмятежно. «Попугай» с утра стоит под окном, сверкая на солнце скудной никелировкой.

«Попугай» — это имя выдавшего виды жукообразного «Москвича». Его он получил отчасти из-за оригинальной (проще говоря — плохой) покраски, а может быть, из-за уродливого, явно «с чужого плеча», багажника, приваренного сзади. И бывшего когда-то частью другого автомобиля.

«Попугай» стар и немощен. Такому дряхлому автомобилю нужны золотые руки — так говорит мама. Но руки мальчика слабые и неумелые, а сильные папины вместе с его головой постоянно заняты на работе, «в цеху». Последний техосмотр «Попугай» прошел со скрипом. Молодцеватый лейтенант-гаишник посоветовал побыстрее продать «этот хлам», если, конечно, найдется покупатель. Мальчик сидел в салоне и слышал слова лейтенанта. Он сдерживался изо всех сил, но ничего не смог с собой поделать: слезы сами закипели в его глазах и быстрыми каплями потекли по лицу. В салон влез папа, сердитый и озабоченный. Увидев плачущего сына, быстро отвернулся. Утешать его только хуже, он успокаивался сам.

Вчера перед сном папа сказал маме, что надо менять машину. Мама спросила, на какие деньги. Несмотря на то, что разговор начался почти

спокойно, мальчик знал, что последует дальше, и с головой зарылся в подушку. Однако это не помогло, и он услышал все, что слышал уже неоднократно. Каждое грубое слово родительской перебранки отдавалось в его голове сухим резким ударом. Так было, когда второгодник Моков за школой отбивал ему щелбаны, нечестно используя костяшки пальцев. Но шишки от щелбанов болели недолго и, к тому же, свидетельствовали о смелости мальчика, не побоявшегося самого Мокова. От этих же ударов оставалась только боль и горечь.

Наконец кто-то из родителей вспомнил о сыне, и ссора перешла на шепот. Теперь из родительской комнаты доносилось только злое шипение, которое напомнило мальчику змей в зоопарке, куда его часто водил папа. Ему стало стыдно. Он очень любил родителей, и сравнение их со змеями делало его в собственных глазах преступником. Он попытался думать о чем-нибудь другом, но в голову так и лезли лоснящиеся змеиные тела, точеные аккуратные головки, выскакивающие с методичностью механизма маленькие раздвоенные язычки. Подушка быстро стала мокрой.

Мальчик дернул головой. Зачем думать о плохом, когда впереди столько хорошего? На улице — благодать: солнце, белые облачка, синее небо. А еще впереди дорога, где так чудесно мечтается, а еще песни в машине и городок, в котором мальчика ждали.

Он посмотрел на оживленные лица родителей, обсуждающих, взять или оставить очередную вещь, и почувствовал редкий прилив радости. Ему захотелось подпрыгнуть, запеть или сказать родителям что-то очень приятное.

— Я вас люблю, — сиплым голосом произнес мальчик.

Родители с озабоченным видом уставились на него, и он пулей выско-чил из комнаты.

Там было тихо. Немного посоветовавшись и решив, что ничего страшного не произошло, родители продолжили сборы.

— Выезд ровно в десять! — объявил папа.

Мальчик, сам смущенный своей выходкой, начал собирать в другой комнате сумку. Она получилась довольно увесистой. Еще бы! В ней были фонарик, нож для грибов, шахматы, толстая книга, множество других нужных вещей. Не был забыт и большой букварь, взятый напрокат у соседского паренька: мальчик собирался искоренить вопиющую несправедливость и обучить няню грамоте.

— Сынок! — позвал папа.

— Я тут! — подскочил мальчик.

— Вот тебе ключи, отнеси свою сумку и погрей «Попугая». — В руку мальчику легли два маленьких серебристых ключа: один от дверцы, другой от зажигания.

Он спустился к «Попугаю», открыл дверцу, уютно устроился на водительском сиденье и вслух проговорил:

— Первым делом проверим передачу. Нейтраль, очень хорошо, и завел двигатель. Потом неторопливо обошел машину, постучал ногой по скатам. Это доставляло ему удовольствие — сразу видно, человек при деле. Не исключено, что в этот момент на него из окна соседней девятиэтажки смотрит еще один человек, точнее — девчонка, недавно пришедшая в их класс. Правда, мальчик еще не разобрался в своем отношении к ней, но новенькие всегда вызывают повышенный интерес.

Он снова уселся на сиденье. Покрутил руль, представляя, что ведет машину по просторному шоссе. Для этого он сильно сощурился, отчего перед глазами все расплылось и потеряло форму. Вместе с гудением двигателя это создавало ощущение стремительной езды.

Время шло, а родители не спускались. Мальчик посмотрел на часы, которые папа приделал в салоне. Необычные часы. Папа говорил, что они танковые. В темноте часы светились, а заводились вращением ободка на циферблате. Танковые часы показывали четверть одиннадцатого. «А говорил, ровно в десять», — с обидой подумал мальчик. Он еще не отвык разочаровываться, когда взрослые не выполняли своих обещаний.

Медленно потекли минуты. В половине одиннадцатого мальчик, не выдержав, отправился домой, поторопить родителей, и еще в коридоре услышал мучительно знакомые звуки разгоравшейся ссоры.

— Ты никогда не думаешь о семье! — кричала в комнате мама. — Для всех хороший, только не для нас! Любимец публики!

— Не хаами! — отвечал папа злым голосом. — Если бы я не думал о вас, я был бы уже главным инженером!

— И жил бы в этой дыре! — кричала мама. — А я бы на горбу таскала продукты. И в театр ездили бы на поезде!

— Можно подумать, ты здесь не вылезаете из театров.

— Но ведь... — задохнулась от гнева мама, — но ведь... С кем идти-то прикажешь? Если я даже гвозди в стену сама забиваю!

Мальчик распахнул дверь в комнату. Крики стихли, только по инерции еще раздавалось шипение, в котором различались отдельные слова. Так шипит догорающий костер, на который выплеснули из котелка остатки чая.

— Ну что, поехали? — спросил мальчик, старательно делая вид, что ничего не произошло.

— Видишь ли... — замялся папа, отводя глаза, — планы несколько изменились.

— А как же няня? — спросил мальчик. — Ты обещал отвезти меня к няне!

— Как-нибудь в другой раз, — уже раздраженно ответил папа. — Пойди выключи двигатель.

Мама молчала, отвернувшись к окну.

Плотина, старательно сооруженная мальчиком, прорвалась.

— Сам выключи! — выкрикнул он, глотая слезы. — Вруны вы все, вруны! — И выбежал в другую комнату, бросился на диван.

Подошла Джулька, добрейшее существо рыжей масти, до этого чутко дремавшая на ковре. Облизала мокрое лицо мальчика, пощекотала усами щеку. Карие Джулькины глаза смотрели понимающе и сочувственно. Джуля, как и все собаки, терпеть не могла ссор. Даже среди своих сородичей-колли она выделялась спокойствием и дружелюбием.

— Джулька, Джулька... — пожаловался мальчик, обняв руками теплую собачью голову. — Видишь, приехали.

Джуля еще раз лизнула его. Язык был горячий и гладкий.

...Через полчаса они мчались по шоссе на север. «Попугай» ровно гудел, неторопливо поедая километры. Как всегда после вынужденного перемирия, папа был неестественно весел, а мама — мрачна и молчалива.

Мальчик сидел впереди, смотрел в окно и думал о няне. Звали ее няня Валя, и, честно говоря, за семь лет мальчик основательно подзабыл, как она выглядит. В основном он представлял ее по рассказам родителей, и из этих историй няня Валя представала личностью полуполюгендарной. Он чутьем понимал, что не всему здесь можно верить. Родители любили вспоминать о первых годах супружества, о жизни в маленьком провинциальном городке, где была их первая работа, первые «взрослые» друзья. Мальчик эти годы помнил отдельными картинками, но по родительским рассказам они представлялись ему веселыми, беспокойными и необыкновенно дружными. Мама и папа пели песни, ходили в походы, лихо и не без последствий водили молодого тогда «Попугая».

Поначалу из всей компании только у них была отдельная квартира с удобствами, и по субботам «банный день», устраиваемый в их отдельной ванной, обычно заканчивался веселыми посиделками.

Когда папа, не добыв на охоте уток, принес домой настрелянных ворон, мама не ругалась, а приготовила «дичь», и вся веселая компания за милую душу отведала воронятины. А когда мама потеряла свою зарплату за целый месяц, папа не сердился и на свою зарплату отвел маму в ресторан, чтобы не грустила. Вот как жили его мама с папой!

Няня Валя органично вошла в ту чудесную жизнь. Она тоже никогда не унывала, никого не боялась, а под горячую руку могла даже папу шугануть. Папа вспоминал со смехом, как няня Валя буквально веником выгнала его из дома за громкий разговор рядом со спящим мальчиком.

Мальчика няня Валя любила неистово. У нее самой когда-то был такой же мальчик. Семи лет он во время стирки опрокинул на себя бак с кипятком. Больше детей не было, и мужа тоже. «Не дай нам Бог!» — тревожно заключала мама, рассказывая эту историю, и на всякий случай гладила мальчика по плечу, убеждаясь, что вот он, тут, и его в любой момент можно потрогать.

Няня Валя с рождения мальчика жила у них в семье и была полноправным ее членом. Несмотря на то, что мальчик даже лицо няни Валино плохо помнил, кое-какие яркие детские воспоминания все же отложились. Прежде всего, он помнил сам ее образ: толстая, хлопотливая, неугомонная. Ее большое тело всегда стремительно передвигалось по комнатам, каким-то невообразимым чудом не сшибая предметы.

Почему-то запомнилось платье в горошек. Конечно, не само платье, а крупный белый горох на синем фоне. При всех неприятностях няня Валя нежно прижимала мальчика к своей огромной груди, и перед его глазами, в такт няниному дыханию, медленно качались большие белые горошины. От няни Вали уютно пахло черным хлебом и пирогами. Сразу становилось легче.

По ночам мальчика мучили кошмары. За ним гнались собаки с рыбьими головами, нападали красномордые бандиты и прочая подобная нечисть. Но в самый страшный момент пухлая нянина рука ложилась на его холодный мокрый лоб, освобождая от пут дурного сна.

Няню Валу в городке знали почти все, от заводских инженеров до уличных пьяниц, околачивающихся по утрам у магазинчика с простым и емким названием «Водка». Под этой покосившейся вывеской они и собирались. С утра их бледные лица были хмурыми, потом они розовели и веселели.

Мальчика очень интересовал один пожилой опойка (так в городке звали пьяниц). Когда он говорил, в его горле что-то свистело и клочотало. Опойка был вечно небрит, маленькие красные глазки стыдливо прятались под кустистыми бровями. Няня Валя говорила, что у этого опойки грудная жаба.

Улучив момент, мальчик подбежал к нему и вежливо произнес:

— Дядя, можно у вас спросить?

— Валяй! — ответил тот, неохотно отрываясь от четвертушки, называемой в народе «соской». Даже когда он молчал, свист в его горле не прекращался.

— А правда, что у вас в груди жаба?

— Да, — подумав, ответил мужчина.

— Вы для нее водку пьете, да?

Другие опойки дружно рассмеялись. Но мужчина, несколько не смутившись, ответил:

— Для нее.

Мальчик набрался храбрости и попросил:

— А не могли бы вы ее... немножко показать?

— Кого? — опешил мужчина.

— Жабу!

— Не могу, — серьезно произнес опойка, снова засвистев и захрипев. — Слышишь — не хочет. — И допил содержимое «соски».

— Няня Валя, — удовлетворенно сообщил мальчик подоспевшей няне, — он пьет, потому что у него жаба!

— Наоборот, — хмуро проговорила няня. — У него жаба, потому что он пьет.

Это была первая антиалкогольная сентенция, адресуемая непосредственно мальчику. Однако в то время он был совсем не прочь завести у себя такую же веселую, свистящую и клокочущую жабу.

А однажды няня спасла ему если не жизнь, то кости. Мальчик играл возле дома, когда все вдруг стремительно побежали в соседний двор. Впереди несся папа, лицо у него было злым и незнакомым. Мальчик, конечно, рванул следом. Толпа, втянувшаяся в узкое место между кирпичной стеной и забором палисада, внезапно встала и подалась назад.

Мальчика с силой прижало к забору. Серые, плохо обструганные штакетины больно впились в тело, оцарапали щеку. Мальчика то прижимало сильнее, то отпускало, давая мгновение передышки. В первый раз окружающие его взрослые люди не улыбались ему, а представляли угрозу, которую он ощущал всем своим нутром. Мальчик закричал. Толпа немного отступила, но неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вездесущая няня Валя, расшвыривая кулаками и матом растерявшихся мужиков, не прорвалась к нему и не выхватила его из опасного места.

Позже мальчик узнал, что в соседнем дворе убили его взрослого друга Алешу, рабочего папиного цеха. Убили за доминошным столом, ударив сзади заточкой. Алеша, как и многие в городке, ранее был судим, и с ним свели счеты старые друзья. Толпа же встала потому, что навстречу выбежал убийца, и с ним в тесном проходе схватился папа мальчика. Потом папа на «Попугае» отвез Алешу в больницу. Но это было уже бесполезно. «Только две кровинки и вытекло», — рассказывала няня Валя товаркам во дворе. Мальчик потом тщательно искал на сиденье «Попугая» две кровинки, но не нашел...

Когда пришло время мальчику идти в школу, мама с папой решили переехать поближе к большому городу. Няне Вале предложили ехать с ними. Няня поблагодарила, поплакала и отказалась. Здесь прошла ее жизнь,

здесь была могила ее сына, а рвать корни, когда тебе под семьдесят, ох как тяжело!

Папа тоже не хотел уезжать. Он был уроженец этих лесных мест, его родная деревня была неподалеку. Однако мама, горожанка до мозга костей, убедила.

Няня Валя очень переживала отъезд мальчика, писала письма. Сначала часто, раз в неделю. Потом раз в месяц, а теперь — только от праздника к празднику.

Родители иногда наезжали с мальчиком в городок. Оказалось, что «дыра», в которую заткнули выпускницу престижного вуза, заняла не последнее место в ее сердце. Но поняла это мама только после отъезда.

Няню не навестили ни разу. Потом сокрушались, стыдились, просили знакомых не говорить няне Вале, что были здесь. Искали оправдание: друзья, застолья, лесные вылазки не оставляли ни минуты свободной.

А няня все поздравляла с праздниками, желала здоровья и просила поцеловать за нее малыша. Родители отвечали, правда, значительно менее регулярно, приглашали в гости. Няня благодарила за приглашение, но не ехала.

Мальчик часто перебирал няни Валины открытки. Все они были написаны разным почерком: неграмотная няня только диктовала «писарям». И от всех от них шло тепло. Открытки грели.

Мальчик уже понимал, что такое бескорыстная любовь, и искренне хотел, чтобы няня знала, как он ее любит. Но когда брался за письмо, слова выходили какие-то пустые, и любовь, записанная словами, была ненастоящей. «Приеду — сама все поймет», — решал он и рвал обманщицу-бумагу.

«Попугай», переваливаясь, бежал по шоссе.

— Ох, и обрадуется няня! — прервал тишину мальчик.

— Да уж! — оживился папа, довольный, что контакт налаживается. — Она тебя не узнает. Уехал щенок, а приехал — мужчина!

Мальчик довольно зарделся.

— Если бы этот мужчина еще посуду за собой мыл! — строгим тоном заметила мама. Но это были лишь отголоски уже прошедшей грозы.

Джулька на заднем сиденье извернулась и лизнула папу в ухо.

— Джуля, — серьезно сказал папа, сам весьма довольный собачьей лаской, — не мешай мне вести автомобиль!

Чувствовалось, как электричество, заполнявшее атмосферу, медленно стекало в землю. Даже дышалось легче, действительно как после грозы.

— Осталось ровно сто километров! — провозгласил папа. — А хорошо, что мы без предупреждения! Свалимся как снег на голову. Куда сначала поедет: к ребятам или к няне?

— К няне, конечно! — воскликнул мальчик.

— После «ребят» папу только в багажнике везти, — проворчала мама, и мальчик непроизвольно съежился.

— Это точно! — неожиданно рассмеялся папа. — Очень гостеприимные люди!

Теперь смеялись все трое, и стало по-настоящему легко.

Ехать предстояло еще два часа, и мальчик устроился поудобнее.

Няня наверняка ему обрадуется! Он уговорит ее переехать к ним, научит ее читать, а она, ожидая его из школы, с гордостью станет хвастать его пятерками перед соседскими бабулями. И еще одно, может быть, самое главное: совершенно невозможно, чтобы в присутствии справедливой, но безудержной в гневе няни родители зло ссорились по пустякам. Няня Валя им покажет! Он с удовольствием разорит свою копилку и купит ей новый тяжелый веник.

...Папа в последний раз остановил «Попугая», и все вышли на обочину размяться. Папа молодецки развел руки, несколько раз присел и, тяжело вато поднявшись, заметил:

— Укатали сивку крутые горки.

— Спортом заниматься надо, — хмыкнула мама.

Несмотря на жару, она была в темных чулках. Всю весну мальчик провел в больнице. Палата была на первом этаже. Он лежал в ней один, к нему не пускали, но мама становилась на приступочку и могла разговаривать с мальчиком через окно. Так она провела много времени, и тыльная часть ног, сильно загорев, резко отличалась по цвету.

Мальчик вспомнил, как в первый день в палату проник папа. Он долго и безуспешно пытался закурить сигарету, поджигая фильтр. Когда его выгнала сестра, он успел крикнуть, что к выписке купит мальчику велосипед.

Позже, в конце весны, загорелись торфяные болота. Дым неисчезающим сухим туманом повис над землей. В больнице, стоявшей почти в лесу, пахло гарью. Той ночью мальчику не спалось. Ничего уже не болело, просто не хотелось спать. Вдруг он услышал звук мотора «Попугая». Потом — тихое царапанье в окно и мамин голос:

— Сынок, не пугайся, это мы!

Мальчик открыл окно. Они стояли рядом, бледные и испуганные. На маминых плечах — папин пиджак. Оказывается, маме приснилось, что мальчик задыхается в дыму.

Они стояли жалкие, придавленные не прошедшим до конца испугом. Мальчик с удивлением заметил морщинки на мамином лице. Потом, уже целенаправленно, посмотрел на папу и обнаружил седые виски и тени под глазами. Папа успокаивающе обнял маму за плечи. «Они вспоминают, что

любят друг друга, только когда кому-то из нас плохо», — вдруг ясно понял мальчик.

...Все снова уселись в машину. Затарахтел отдышавшийся мотор, замелькали столбы. «Попугай» приближался к городку.

Только теперь мальчик почувствовал страх. Выйдет чужая бабуся, он ей — на шею, а она его даже не помнит.

— Смотри, какие дороги стали! — восторгался папа. — Сплошной асфальт!

— Жизнь идет, — не очень весело отозвалась мама.

Въехали в город. «Попугай», покрутившись по улицам, остановился у серого двухэтажного дома.

— Вот и приехали, — сказал папа. — Второй подъезд, второй этаж, два окна справа... и вдруг осекся.

Два правых окна были без занавесок, некрашенные, в отличие от соседних окон...

— Она умерла, — прошептал мальчик.

— Что ты, что ты! — засуетился папа. — Может, ремонт, может, еще что-нибудь... — и, выскочив из машины, скрылся в подъезде.

Вернулся он очень быстро и успокоил мальчика:

— Все в порядке. Няня Валя уехала в Саратов, к сестре. Ты же знаешь, у нее сестра в Саратове. — Но при этом глаза у папы бегали.

Мальчик прижал ладони к лицу, но тут же опустил руки, плакать не хотелось.

— Мы тоже уедем, — сказал он.

— Куда? — вздрогнул папа.

— Домой.

— А как же лес, грибы?

Мальчик молчал.

Папа настороженно взглянул на маму. Мама, тоже молча, кивнула.

— Ну, домой так домой, — бодро проговорил он. — Все равно с грибами ничего не выйдет. Смотрите, какие хмари наступают!

На город наваливалась огромная черная туча, подмявшая под себя весь горизонт. Вскоре по крыше «Попугая» забарабанили первые крупные капли.

Посвежевший, отмытый автомобиль, прокручивая под себя черную лакированную ленту бетонки, ходко шел на юг... □

Александр
Обоимов

Фото автора

ЕДЕЙ-Я, или «Архипелаг летающих собак»

Залив Моллера

На карте можно увидеть, что Новая Земля похожа на кривой огурец, словно нарочно улегшийся поперек Северного морского пути, чтобы затруднить проход мореплавателям. Длина «огурца» немалая — около 1000 километров. На четверть он покрыт нетающим льдом.

На этом архипелаге формируется погода. Не совсем поровну «огурец» разрезан на два куска — Северный и Южный острова — проливом Ма-

точкин Шар. Название взялось от поморов, которые эту землю называли «маткой», то есть матерью-кормилицей, ввиду богатой охоты здесь. Кстати, компас у поморов тоже «матка». А «шар» на их языке означал «пролив».

Наша экспедиция на НЭС «Михаил Сомов» достигла залива Моллера у берегов Новой Земли. Здесь находится одна из самых первых полярных станций в Арктической России.

Руководит ею Александр Николаевич Базыкин, который проработал на старейшей «полярке» уже более 30 лет. Завидное постоянство. Все в управлении знают его, как сурового, но справедливого начальника. Многие присылают к нему на «перевоспитание», у него не забалуешь, сам работает, не покладая рук, но и другие, видя перед собой живой пример, втягиваются в этот ритм и режим работы.

В очередной раз повезло с погодой, за кормой нашего ледокольного парохода бурлит вода от брошенного якоря, на которую приятно смотреть — такого она непередается красивого цвета: сочетание бирюзы, изумруда. Летом даже холодное Баренцево море меняет оттенки. Лазурное небо придает свинцовой воде свою неповторимую голубизну, свои нежные оттенки. Над ней кружат тучи птиц, оглашая воздух громкими криками. Все это пернатое царство кормится щедрыми дарами моря.

Александр Базыкин рассказал нам о текущих проблемах. В основном, конечно, самые большие проблемы — обилие вокруг белых медведей и бора. Едей-Я — называют архипелаг ненцы, краем «летающих собак» называют его новоземельцы. Это явление встречается в России лишь в двух местах: на западном побережье Новой Земли и в Новороссийске. Бора — это местный, чудовищной силы ветер. В зимнюю пору он может достигать 50 м/с и про-

должаться несколько дней, а при такой скорости и собаки «летают», как птицы. Снабжение станции производится один раз в год с моря — судно завозит продовольствие и топливо. Чтобы разнообразить свой стол, сотрудники станции сами ловят рыбу и ходят на охоту. Рыбалка в этих краях и в самом деле очень знатная, гольцы до 10 килограммов, и это не рекорд.

О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ

Со станции мы забрали двух научных сотрудников УрО РАН Института экологических проблем Севера, которые два месяца прожили в этих местах, изучая местных представителей пернатых и насекомых.

Они рассказали мне интересный случай. Однажды, когда совершали очередной обход, у подножия скалы был обнаружен птенец мохноногого канюка, который выпал из гнезда. Подняться на скалу и доставить птенца в гнездо представлялось предприятием очень рискованным, оставить его у подножия скалы — означало для него верную смерть от песцов или других хищников. Ребята, поразмыслив, решили забрать его с собой и попробовать вырастить. Их питомец, несмотря на полученные травмы, быстро шел на поправку. Аппетит у него был отменный. Прошло несколько недель, и из гадкого утенка, точнее из гадкого птенца канюка, вырос красавец. Но эта находка была удивительна тем, что ареал обита-

ния этой хищной птицы находится южнее Новой Земли. На этом архипелаге ранее канюков мохноногих не обнаруживали.

Мы устроили фотосессию с этой благородной птицей. А в планах у ребят адаптировать ее к естественной среде и выпустить на волю.

Работа нашей группы не прекращалась на станции до поздней ночи.

на берег. А если уйти подальше от метеостанции, на несколько минут закрыть глаза, а затем открыть их, то начинаешь слышать тундру. Горы, долины, реки и озера этого архипелага никого не оставляют равнодушным...

Возвращаясь на полярную станцию, я столкнулся нос к носу с настоящим Хозяином Арктики. Мне

*Александр Базыкин —
30 лет на острове*

Спать не хотелось, поэтому, после окончания трудового дня, взяв оружие и фотоаппаратуру, я в сопровождении четвероногих лохматых друзей отправился на фотоохоту.

Эти суровые места удивительно красивы, особенно, когда наступает короткое арктическое лето. Непередаваемое ощущение чистоты и гармонии природы, вот что первое приходит на ум, когда высаживаешься

неоднократно приходилось наблюдать «белых хомяков» (так полярники в шутку называют самого свирепого хищника в Арктике) с безопасного места, но один на один в тундре я встретился с ним впервые. Собаки, которые меня сопровождали, как назло, куда-то убежали, вероятнее всего, за песцом, которого они обнаружили. Расстояние между мной и медведем было метров со-

*НЭС
«Михаил
Сомов»
у берегов
Новой
Земли*

рок — не больше. Хищник, вытянув морду, принюхивался ко мне. В моей руке мгновенно оказался безотказный «Ремингтон», заряженный, как травматическими пулями, так и летальными, но стрелять даже для острастки мне не хотелось, и я начал диалог с медведем:

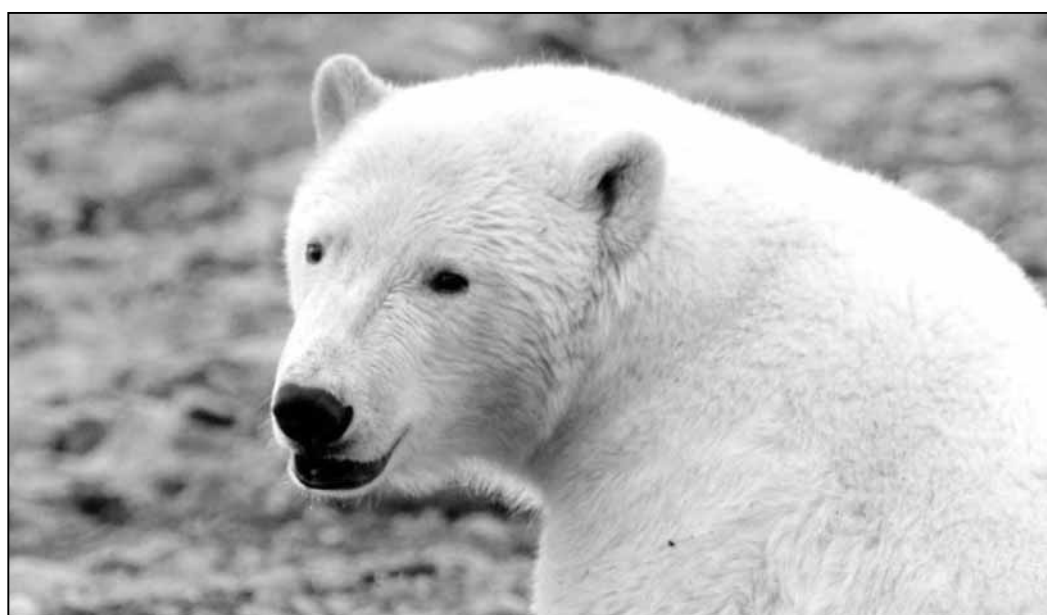
— Мишаня, иди своей дорогой, я не хочу причинять тебе вреда.

В ответ медведь запыхтел и встал на задние лапы. Тогда я надел на

ствол бейсболку и поднял оружие выше головы — ведь стоящий человек воспринимается четвероногим хищником как существо, превосходящее его ростом, а следовательно, вероятно и более сильное. Поднятая палка или оружие как бы увеличивает рост человека — в восприятии медведя.

— Миша, ты же сытый, а играть с тобой мне некогда, — пытался я втолковать мишке.

*Мирно
разошлись*

Медведь фыркнул и сделал шаг в сторону, я проделал то же самое, только в противоположную. «Так, начало положено, если все пойдет по плану, то совершим ритуальный круг и разойдемся», — без тени испуга подумал я и опустил оружие с головным убором. Но тут мой визави опустил голову, зашипел и сделал несколько шагов в мою сторону. Расстояние критически сократилось, а этого допускать с его стороны ни в коем случае было нельзя.

корды. Погнаться за бегущим человеком заставит медведя не голод, а инстинкт хищника, который четко знает, что тот, кто испугался и побежал — это добыча.

— Э, брат, так не пойдет, — громко зашипел я в ответ и сделал резкий выпад наперевес с ружьем в сторону медведя, затем второй...

Произошло ожидаемое, мой новый знакомый позорно ретировался. Я успел сделать несколько снимков этого красивого зверя. Отойдя

Вообще, белые медведи порой напоминают городских хулиганов — если не бояться идти на них, то вряд ли тронут. А вот если зверь чувствует, что его боятся, он может напасть. Бегство от белого медведя — лучший способ распрощаться с жизнью, особенно если рядом нет надежного укрытия. Скорость мишки на спринтерской дистанции превышает мировые и олимпийские ре-

метров на сто, он остановился и недовольно посмотрел в мою сторону, но тут подоспели мои верные четвероногие друзья, устав гоняться за песцом, они вернулись ко мне. Хорошенько облаяв непрошеного гостя, отгнав его еще дальше в тундру, псы с достоинством подошли ко мне, получив порцию ласки и легкий выговор за столь долгое отсутствие. Так благополучно закончилась моя

*Отец
Михаил
служит
молебен
на могиле
погибших
в ВОВ*

первая встреча один на один в дикой природе с белым медведем...

ВОЙНА В АРКТИКЕ

Война не обошла стороной и этот, казалось бы, отдаленный край вдали от линии фронта. Здесь в июле

1942 года разыгралась трагедия. Германская субмарина U-601 атаковала два гидросамолета типа ГСТ («Каталина») из авиагруппы Ильи Мазурука, а затем обстреляла здешнюю полярную станцию и сожгла все постройки, включая продовольственные склады.

*Канюк
с заслуженным
пилотом
России
Александром
Макаровым*

Из воспоминаний И. Мазурука:

«После нескольких часов полета на бреющем решили вернуться в Малые Кармакулы, где можно было заодно подзаправиться горючим, переночевать и с утра продолжать поиски. В бухте вместе с нами заночевала вторая «Каталина» из Мурманска. Поставив машины на якоря и оставив на них дежурных — по второму пилоту и второму бортмеханику, оба экипажа отправились спать на зимовку. Уставшие от долгого полета, мы заснули мгновенно.

Проснулся я от страшного грохота и, когда открыл глаза, вместо потолка увидел голубое небо и пламя, бушевавшее в доме. Не отдавая себе отчета в том, что произошло, схватил одеяло, чтобы защититься от огня, и, в чем был, выскочил на улицу, где уже суетились полураздетые зимовщики станции и члены экипажей. То, что я увидел, сразу привело в чувство. Дом и пристройка пылали как факел, а кругом рвались снаряды и свистели пулеметные очереди. В бухте ярко горели оба гидросамолета. Между ними и берегом плыли Матвей Козлов и еще два человека, а у входа в бухту стояла фашистская подводная лодка и была по зимовке из тяжелых пулеметов.

Вытащив ребят из воды, прячась за камни, мы ушли в тундру, где и скрывались несколько дней, без продуктов, без оружия и без верхней одежды... Федор Перов был убит первым залпом по самолету, тело его ушло на дно бухты вместе с обломками «Каталины». Наверное, это была лодка из "Волчьей стаи" адмирала Редера»...

Великая Отечественная война давно закончилась, а люди до сих пор ищут могилы родственников. Мне удалось разыскать внука Федора Перова — Дмитрия Загривного, который проживает в Санкт-Петербурге. Он много лет мечтал побывать на могиле деда, но все никак не получалось, то разрешение на посещение погранзоны не давали, то еще что. Созвонившись с Дмитрием, я объяснил ему, что буду в Малых Кармакулах и обязательно посету могилу его деда, по возможности священник отслужит молебен. Обещание свое я сдержал.

В обломках гидросамолета мы нашли приборы, обрывок ремешка от шлемофона и несколько десятков гильз от пулемета. По прибытию из экспедиции выслал Дмитрию в Санкт-Петербург... Пока мы помним героев — они бессмертны!

Днем и ночью в любую погоду через каждые 3 часа сотрудники метеостанции Малые Кармакулы снимают показания со своих установленных на метеоплощадке приборов, также проводят морские наблюдения, дважды в сутки производится радиозондирование атмосферы. Прежде чем быть отправленной в Гидрометцентр, информация кропотливо проверяется. Работа этой полярной станции, как и работа подобных ей станций, очень важна, ведь от частоты сети наблюдений зависит их точность, а значит, наша с вами метеорологическая безопасность и точность прогнозов. □

Дмитрий Зелов

ТАЙНЫ старинной мануфактуры

В калужской глубинке, по соседству со знаменитым музеем-заповедником Полотняный Завод открылся уникальный арт-объект Бузеон. Это единственный на всю Россию музей истории бумажного дела.

Фото автора

Открытие Бузеона (название расшифровывается просто: бумага + музеон) состоялось в знаковый, 300-летний, юбилей Полотняно-заводской бумажной мануфактуры, ведущей свою историю с петровских времен. Кажется невероятным, но за три века своего суще-

ствования эта старейшая бумажная фабрика России не только не прерывала своей деятельности, но и сохранила профиль своего производства. Кульбиты истории зачастую невероятны и просто поразительны. Полотняный Завод, давший когда-то название и выросшему вокруг него посе-

лению, и связанному с именем Пушкина и его супруги имению, давным-давно канул в Лету. А бумажная фабрика, бывшая первые годы своего существования вспомогательным,

побочным, по сути, предприятием к основному производству полотна (парусины для нужд армии и флота) уже в правление Анны Иоанновны стала одной из крупнейших в Европе. В екатерининскую эпоху за высокое качество производимой продукции бумажная фабрика Полотняного Завода удостоилась почетного звания «Поставщика двора Ее Императорского величества».

В наши дни оснащенная современным оборудованием и хранящая древние традиции бумажная мануфактура великолепно себя чувствует. Ассортимент выпускаемой калужской фабрикой продукции очень разнообразен. Это и самые различные виды и сорта бумаги и картона, а также тетради, блокноты, альбомы для рисования, наборы для художественного творчества, записные книжки и многое другое. Всех

изделий и не перечислишь, так как их более 500 видов. Накануне открытия Бузеона на Полотняно заводской бумажной мануфактуре была выпущена 14-миллиардная тетрадь. Ежегодно бумажная фабрика выпускает свыше 220 миллионов тетрадей и 55 тонн бумаги для гофрирования и картона. Кстати, малоизвестный, но от этого тем более примечательный факт: в XIX столетии Калужская губерния была центром бумажного производства в Российской империи. На ее территории действовало аж целых 14 бумажных мануфактур и фабрик. Такой концентрации производства бумаги в

тот период не было ни в одном из регионов страны.

Для создания современного музейного комплекса было отреставрировано 1250 квадратных метров исторического здания Полотняно-заводской бумажной мануфактуры. Тут все веет седой древностью и какой-то старинной основательностью: кирпичные стены двухметровой толщины, сводчатые потолки, массивная крепежная балка над проемом, отлитая на одном из демидовских заводов.

Отрадно, что поток туристов в этот необычный музей стабильно растет: только за первый год существования Бузеон посетило свыше 20 тысяч туристов. Сказывается как грамотное, так и выигрышное расположение Бузеона — фактически дверь в дверь со знаменитым на всю Россию музеем-заповедником Полотняный Завод.

Бумага была изобретена на Востоке, в Китае. Когда-то давным-давно в нашей стране ее делали из отходов текстильной промышленности — именно этим обстоятельством и было обусловлено расположение бумажной мануфактуры в Полотняном Заводе. Затем технология производства изменилась, и нынче бумагу делают из отходов древесины. Один из залов музея рассказывает об исторических этапах производства бумаги. В залах Бузеона имеются и образцы листоотливной и бумагоделательных машин, необходимых

на различных этапах производства бумаги, и действующий, воссозданный по старинным чертежам макет водяной мельницы XVIII столетия, на которой измельчалось сырье для производства бумажной массы. В ходе одного из музейных мастер-классов, во время яркой и красочной демонстрации этого этапа производства бумаги, юные и взрослые посетители Бузеона приходят в неопишуемый восторг! А возможность отлива в стенах музея собственного листа бумага с самыми что ни на есть настоящими водяными знаками или изготовление тетради с персональным дизайном — разве это не маленькое чудо?

В грандиозных планах на будущее у директора музея превратить Бузеон в полноценный научно-выставочный популяризаторский центр, в котором можно будет провести какие-либо исследования, получить знак качества на свою бумагу, создать арт-изделие. Уже сейчас на базе музея действует библиотека и лекторий, функционирует сувенирный магазин. Кстати, а знаете ли вы о том, что за год каждый житель нашей страны расходует в среднем 25 килограммов бумаги (всего же в мире за этот период производится порядка 350 миллионов тонн бумаги). Время покажет, как будут развиваться события дальше, а мы желаем коллективу единственного на всю Россию музея истории бумажного дела развития и процветания. □

Валерий Митрохин

ИЗ ГЛУБИНЫ

Увидишь ты небо с овчинку
И звезды из ямы своей.
Подумаешь: надо в починку
Сердечко нести поскорей.

Подумаешь: надо начинку
Скорее менять, обновлять.
Покажется небо с овчинку —
Такое нетрудно объять.

И, может быть, выделки стоит
Такая овчинка, тогда,
Как только тебя удостоит
Вниманьем дневная звезда.

И станет колодец криницей,
А небо — поюще птицей.

***

Прошли года, и пролетели годы,
Из колбы в колбу время утекло.
Я пережил потери и невзгоды,
Творил добро и поступал во зло.

Не нажил я ни славы, ни имущества
И не открыл секретов мастерства.
Но каждый день являются слова
И дарят мне иллюзию могущества.

БАЗИЛИКА

Я перерос учителей моих,
Стал старше некоторых и мудрей иных
И, научаясь многому у них,
Я древнее искусство любил,
Сродни гончарному.

Я сам его лепил —
Из глины делал писчие дощечки,
Значки на них карбуя по сырому,
И выпекал, как панагии в печке.

Все, чем я пальцы опалил сейчас,
Всю эту клинопись, рифмуя постепенно,
Расшифровать придется непременно
Когда-нибудь
Кому-нибудь из вас.

Она звучит, как тихая река,
Она гремит, как штормовое море,
Я не творил законов языка.
Они во мне, как гены, априори.

Так дышит предрассветная валторна,
Так бьется сердце, мыслям непокорно,
Так пишет неподвластная рука,
Так появляется нечаянно строка...

И так художник разглядеть не может
Свою картину, линии чертя.
Он, голову сломя и очертя,
Безумно их, запутывая, множит.

Так в плаче женщины среди житейских драм
Слышны младенцев не рожденных крики.
Так из руин античной базилики
Однажды воскресает Божий храм.

ЛЕСТНИЦА

На Митридите будет сильный ветер.
Сломает с треском ненавистный клен,
поскольку он ему напомнит веер...

Извечный и ничтожный конкурент
жесточкого штормяги старый клен,
как бы идущий в гору под уклон,
вдруг станет на момент податливей бумаги,
которую сминает непоэт,
пытающийся сочинить сонет.

Клен рухнет наземь с деревянным треском,
осколком гарда в грудь мою войдет
и разорвет, как парус, диафрагму,
и я ударюсь о гранитный ярус
твоей великой лестницы, мой город...

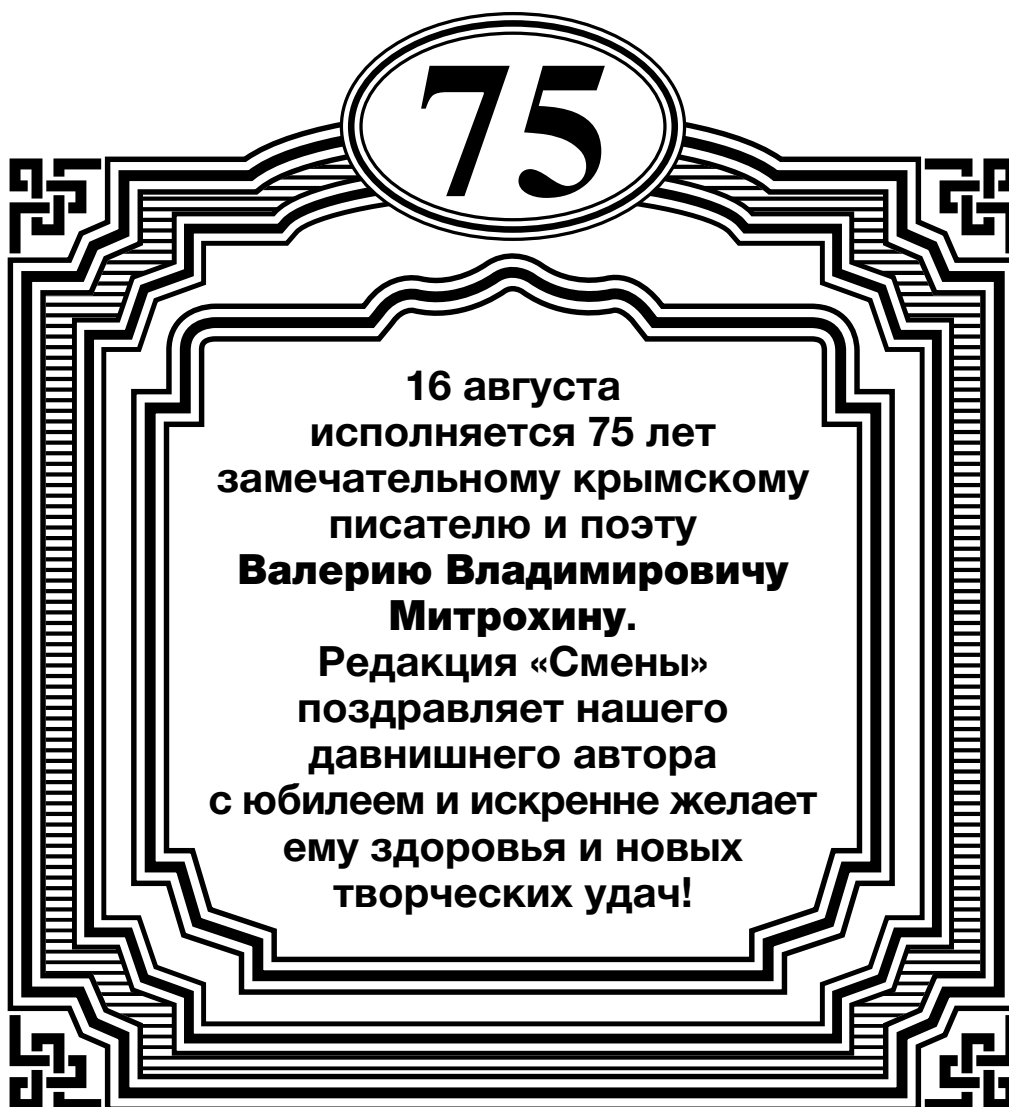
Я потерплю ее ступеней холод;
я, дрогнуть не успев, не задрожу,
пойду навстречу ветру и дождю –
сам устремлюсь, если хотите, прыгну,
подняться вверх, где только голый вассер,
который сквозь меня пройдет, как лазер,
и бережно пронзит меня его транзит,
и многоядерную душу сохранит.

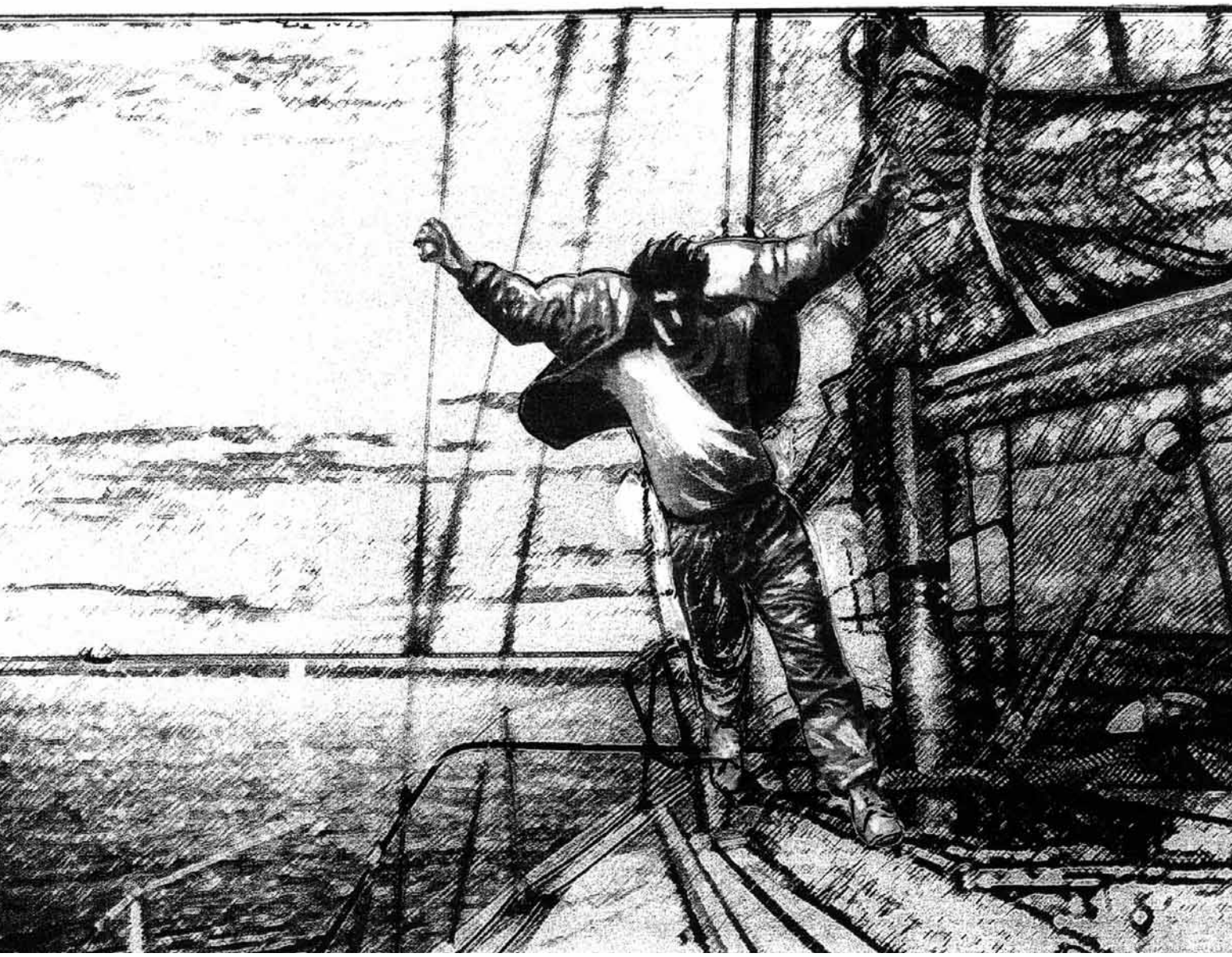
А я, какой-нибудь второстепенный виджет,
взлечу на высоту великих птиц
в небесно-голограммный интерфейс,
и там, среди известных миру лиц,
мелькнет хотя бы раз
и мой пытливый фейс.

И пусть хотя бы кто-нибудь из вас,
узнав меня, обронит, глядя вслед:

«Он был поэт;
Он был моя родня...»
И вспомнит, и расскажет что-нибудь...

И, словно чайка, вскрикнет
зло и жалко
влюбленная в меня
провинциалка
и горько пожелает:
«В добрый путь!»

Андрей Дышев

БУХТА

Глава 1

Гул усилился, тупая боль в ушах стала почти невыносимой. Мне казалось, что чьи-то мягкие, но могучие руки обхватили голову, как теннисный мячик, и начали медленно сдавливать. Двадцать-тридцать секунд я мог еще выдержать и, взмахнув ластами, направил свое тело еще ниже, в плотную тень от обросшего рыжими водорослями и черными мидиями каменного исполина.

Моя жертва, не чувствуя опасности, грелась в скудных солнечных лучах, с трудом пробивавшихся сквозь толщу воды. Желтые блики плясали по его черной спине, покрытой белыми наростами, похожими на шляпки гвоздей. Я больше не делал никаких движений и просто падал на него, медленно и беззвучно. От меня не было тени, я шел со стороны, противоположной солнцу, и мой паукообразный дружок ничего не подозревал, вращал своими глазками-телекамерами да лениво подносил ко рту то одну, то другую клешню.

За такие прекрасные образцы повар платил по высшему тарифу, и я настолько увлекся охотой на краба, что забыл о коварной глубине. Дыхание уже металось в груди, легкие судорожно сжимались и разжимались, а я все еще скользил вниз, и краб стремительно увеличивался в размерах, напоминая темно-зеленый камень, обросший от старости ракушками.

Я держался уже только одним усилием воли. Дыхательная трубка давно наполнилась водой, и теперь она просачивалась сквозь крепко сжатые зубы. Маска под давлением прижалась к моему лицу с такой силой, будто боялась, что я сниму и выброшу ее здесь, на глубине. Я сделал то, что делал уже не одну сотню раз: стараясь не попасться в капкан широко раскрытых клешней, средним и указательным пальцами левой руки я придавил краба ко дну, а затем перехватил правой, накрыв ладонью панцирь.

Внезапно меня словно током ударило: краем глаза я заметил движущийся левее и глубже продолговатый предмет. Он был слишком велик для черноморской рыбы, но от дельфинов, которых вокруг было великое множество, отличался узкой формой и странной манерой движения. Я не стал провожать его взглядом, изо всех сил оттолкнулся ногами от дна, взмыл вверх и как пробка вылетел на поверхность воды, срывая с лица маску с трубкой. «Что же это было? — думал я, вспоминая движущуюся над самым дном тень. — Может быть, померещилось от кислородного голодания?»

Я перевернулся, лег на грудь лицом к солнцу, увидел, что течением меня отнесло от Дикого острова довольно далеко, и поплыл к нему, так как там осталась моя лодка. Мешок с крабами немного мешал плыть, тормозил, и я довольно долго боролся с волнами и прибоем, пока, наконец, не выбрался на горячие камни.

Остров — собственно, сказано громко. По сути это всего лишь скала, изрезанная трещинами и промоинами и расщепленная на две части. Дикий остров очень редко посещают люди. Лично я за весь сезон всего лишь дважды встречал туристов, добравшихся сюда на резиновых лодках. Мне же приходится плавать сюда едва ли не каждый день — обязывает договор с рестораном.

Пошатываясь, я стащил с себя ласты, кинул их сушиться на солнышке и поднялся по камням выше, к тропе, над которой нависали карликовые крымские сосенки с кручеными, червеобразными стволами, сел в тени скалы и принялся отвязывать веревку от поясного ремня.

Время летело стремительно. При такой волне я смогу добраться до берега не раньше чем через два часа, а солнце уже скатывалось к горизонту. В «Парусе» я должен быть в шесть ноль-ноль, ни минутой позже. Опоздание сразу скажется на моем заработке. В шесть заканчивается перерыв, столики начинают занимать посетители, и поступают первые заказы на фирменное блюдо — крабы, фаршированные шампиньонами, под винным соусом. Это лакомство идет нарасхват, несмотря на то, что маленькая порция стоит три бакса, большая — пять. Я же за весь сегодняшний улов вряд ли получу больше десяти долларов.

Этой ерундой — ловлей крабов — мне пришлось заняться после того, как окончательно лопнуло мое частное сыскное агентство. Косвенно ви-

новат в этом был Валера Нефедов, мой бывший сослуживец по Афгану, работающий в Москве, в ФСБ. Я здорово укрепил его карьеру, когда раскрутил дело о наркотиках, поставляемых из миротворческих частей Таджикистана в цинковых гробах. В благодарность Валера предложил мне неплохую должность в его отделе, но я отказался. Я не умею беспрекословно подчиняться и тем более делать то, что противоречит моим правилам и привычкам. В свою очередь я попросил у Нефедова содействия в создании частного сыскного агентства.

Он нашел деньги, выписал аппаратуру, пробил разрешение на ношение оружия, помог с людьми. Осенью и зимой я здорово раскрутился. Но все равно полученных гонораров не хватало на содержание агентства. Заказов было много, но далеко не все клиенты могли оплатить наши расходы. Я снова обратился к Нефедову, но в то время он уже был занят террористами и ничем не смог мне помочь. Мои компаньоны — профессиональные сыскари — терпеливо ждали зарплаты три месяца, а потом вежливо откланялись: их перекупили наши конкуренты.

Так я переключился на крабов.

...Брюки и майка, которые я постирал перед тем, как уйти под воду, давно высохли, и я натянул их на себя. Потом спрыгнул с камня, зашуршал ногами по черному кварцевому песку и остановился как вкопанный — моей лодки не было.

Глава 2

Я обошел место, где она стояла, рассматривая собственные следы, отпечатавшиеся на песке. Здесь было сухо, несмотря на то, что прибой разыгрался, и отдельные капли долетали до меня. Значит, волной унести лодку не могло. Оставалось единственное объяснение — это чья-то дурацкая шутка, в ответ на которую обязательно следует бить по роже.

Я опустил мешок в воду и, чтобы его не унесло, привязал веревку к увесистому булыжнику, а когда выпрямился, то сразу увидел свою лодку. Ее уносило течением в открытое море, и уже сейчас до нее было не меньше полутора километров. Прикрывая глаза ладонью, я несколько минут пристально всматривался в темную черточку на зеркальной поверхности, покрытой рябью волн. Мне показалось, что оба весла аккуратно сложены на дне лодки. Я же, перед тем как уйти под воду, оставил их на песке.

Трудно передать мое состояние. Хрустнув костяшками пальцев, я еще раз посмотрел на медленно удаляющуюся лодку, как Робинзон — на уходящий корабль. Не знаю, шутка ли это, злой умысел или попросту чья-то неосторожность, но беспорядочные ругательства срывались с моих губ неудержимым потоком.

Я повернулся в другую сторону — скорее неосознанно, испытывая потребность в любом движении и желание куда-то идти, бежать, крушить, ломать все на своем пути, как вдруг замер, не сводя глаз с маленькой бухты, огражденной горами каменного мусора. В центре бухты покачивалась на волнах небольшая моторная яхта, на носу голубой краской было выведено: «АССОЛЬ».

Два часа назад, когда я начал ловлю крабов, ее здесь еще не было. Яхта, видимо, подошла к острову со стороны мыса Ай-Фока, потому я и не заметил ее и не услышал гул мотора.

Необъяснимый «побег» лодки можно было увязать только с появлением у острова яхты. Я не видел людей ни на яхте, ни на берегу, не знал, кто они, и понравится ли им моя брань, которую я уже приготовил, но не мог ни остановиться, ни приглушить в себе эмоции. Ясно, что больше некому было столкнуть мою лодку в воду.

Можно было обойти скалу вокруг, но этот путь показался мне слишком долгим. Не раздумывая, я прыгнул в воду, вонзился в волны, и меня неприятно обожгло холодом. Напрасно я прыгнул в воду в одежде. Даже на теплом ветру в мокрой одежде можно замерзнуть до посинения. Когда я вышел на берег, меня колотила крупная дрожь, а подбородок трясся так сильно, что клацали зубы. Проклиная хозяев яхты с удвоенной силой, потому как и в этом вынужденном купании они тоже были косвенно виноваты, трусцой побежал по узкой тропе, скользящей между валунами, с каждым мгновением приближаясь к яхте. Я уже видел ее мерно раскачивающуюся никелированную стенгу, уже слышал, как скрипит якорный трос, как вдруг нога потеряла опору, соскользнула с камня, и я, потеряв равновесие, полетел на гальку. Удар был чувствительным — падать на остроугольные камни самое неблагоприятное занятие. Чертыхнувшись, я подтянул колени и сел, с удивлением глядя на свои руки. Они были не просто оцарапаны, они были выпачканы в липкой темно-вишневой крови до локтей.

Я с ужасом и отвращением отскочил в сторону и поскользнулся на камне, залитом кровью. Этот большой плоский камень, похожий на наковальню, был покрыт слоем бурой студенистой массы, в которой переплелись пучки волос и омерзительные бесформенные комки. С перекошенным лицом я поднялся на ноги, быстро подошел к воде и стал отмывать руки и кроссовки, думая при этом: «Что за гадость! Кого здесь освеживали? Дельфина? Чайку?.. Вообще-то, чтобы выпустить столько кровищи, надо как минимум двадцать чаек распотрошить. Нет, Кирилл, не надо валять дурака! Неужели тебе мало Афгана и Таджикистана, чтобы с уверенностью сказать: это не дельфин и не птица. Это часть человека. Его кровь и мозги».

Я задрал вверх голову. Можно предположить, что кто-то сорвался с «акульего плавника». Судя по жуткому следу, оставленному несчастным,

он вряд ли смог встать на ноги и уйти отсюда самостоятельно. Значит, он был не один, и его отсюда кто-то унес.

По спине пробежал холодок, и я медленно побрел к яхте, внимательно глядя себе под ноги. Если истекающего кровью человека несли туда, то на гальке должен был остаться кровавый след. Должен был, но не остался.

Я вышел на маленький пляж, казавшийся серым и холодным оттого, что «акулий плавник» кидал на него огромную тень. Яхта покачивалась напротив меня и по-прежнему казалась безлюдной. Натянутый, как струна, якорный трос удерживал ее носом к берегу.

Настроение у меня испортилось окончательно. Крик обезумевшей чайки, которая с остервенением пикировала на меня, бил по нервам, и я почувствовал, как на меня накатывает волна холодного страха.

— Пошла вон! — крикнул я, нагибаясь за галькой размером с кулак, чтобы запустить ею в птицу, и тут увидел коричневый предмет. Поднял его и поднес к глазам, не сразу догадавшись о его предназначении.

Это была «фенечка» — крохотная сумочка из замшевой кожи на пеньковом шнурке, украшенная полированным деревянным шариком и кожаной бахромой. Я спрятал находку в карман и, подвернув брюки, вошел в воду, не спуская с яхты глаз. Вода дошла мне до груди, пока я дотянулся рукой до якорного троса. Огромный форштевень раскачивался прямо перед моим носом, норовя обрушиться мне на голову всем своим весом. Когда яхта приподнялась на очередной волне, я подтянулся на тросе, а когда пошла вниз — ухватился за край клюза, оперся об него ногой и, выпрямившись, перевалился на бак. Придерживаясь рукой за снасть, спустился с бака к двери и потянул на себя ручку.

Дверь открылась беззвучно и необычайно легко, словно кто-то очень постарался ее смазать, чтобы на моем пути не возникло препятствий. Зайдя в рубку, я, пригнув голову, минуту всматривался в приборный щиток, небольшой штурвал из красного дерева с рукоятками, украшенными медными кольцами, в переборку и ступени, ведущие в кают-компанию, и медленно спустился туда. Два дивана у боковых переборок, ковровая дорожка с огромным мокрым пятном посередине. На журнальном столике, привинченном к полу, торчали деревянные футляры для бутылок — чтобы во время сильной качки не опрокинулись. Из футляров выглядывали бутылочные горлышки новосветского коллекционного шампанского; пепельница, стоящая на столе, была пустой, без окурков, бокалов не видно.

Через заднюю дверь я вышел на кормовую палубу. Здесь также не было никого, и ничего любопытного я не заметил, кроме мокрой снасти, лежащей кольцом на палубе. Один ее конец был привязан к кнехту, а второй связан большой петлей.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал я и уже поднял над головой обе руки, чтобы прыгнуть в воду, сразу и навсегда распрощавшись с мрачным молчанием Дикого острова, но тут же застыл с поднятыми руками. Это была какая-то мистическая подсказка: я вдруг вспомнил штурвал, приборную панель и небольшой предмет, лежащий на ней. И сейчас интуиция сигналила: это главное!

Я вернулся в рубку, открыл дверь, скользнул взглядом по приборной панели. Вот эта штука — дюралевая трубка, изогнутая буквой Г. Взял ее, повертел в руке, рассматривая со всех сторон. Обыкновенный накидной ключ, каким пользуются проводники в поездах, только диаметром несколько больше. Я машинально пробежал взглядом по рубке, прикидывая, куда этот ключ можно воткнуть и какую дверь открыть. Потом вспомнил: когда-то у меня была яхта «Арго» — двумя классами ниже этой, но многие детали и снасти на ней были идентичны. Подобным ключом треугольной конфигурации открывались трюмные лючки.

Я снова спустился в кают-компанию, откинул ногой ковровую дорожку, встал на колени перед квадратной крышкой люка, вставил ключ в гнездо. Замок открылся легко, с тихим щелчком. Вынул утопленное в пазах кольцо и потянул за него. Крышка приподнялась, и я склонился над проемом. Луч света через боковой иллюминатор упал на дно трюма, и я увидел женщину, лежащую ничком, раскинув в стороны руки, словно она пыталась противостоять качке и удержаться на рифленом полу. Почти каждый палец ее был украшен перстнем. На ногах тускло блестели лаковые туфли. Черная юбка была слегка задрана, белело смуглое бедро. Черный пиджак расстегнут, и его борта с золочеными пуговицами распластаны в стороны, будто крылья. Голова у женщины отсутствовала. То, что от нее осталось, трудно назвать головой — лишь изуродованная часть затылочной кости с мокрыми спутавшимися волосами.

Я ногой подкинул крышку, и та с глухим хлопком закрыла люк. Несколько мгновений, оцепенев, я смотрел на свои босые мокрые ноги, на следы, которые оставил, на скомканный край ковровой дорожки и подумал: «Что-то похожее уже когда-то было. Не бывает ничего нового, все в этой жизни повторяется».

Глава 3

Надо быть идиотом, чтобы не понять: в том, что произошло в последние два-три часа на Диком острове, нет ничего случайного. Кому-то очень надо было, чтобы я или кто-либо другой зашел на яхту и оставил свои следы. Считаем, что этот «кто-то» своего добился. Я вляпался в кровавую кашу,

и все еще ношу ее под своими ногтями; я оставил отпечатки пальцев на ручке двери, на ключе, на рычаге лебедки, на кольце крышки люка; я безнадежно «засветился» на острове, так как теперь мою лодчонку обязательно выловят морские пограничники, определят скорость течения, курс, снимут отпечатки пальцев с весел и легко докажут, что сегодня, ориентировочно с двенадцати до четырех часов пополудни, я был на острове. Словом, я полностью готов к употреблению, меня можно брать.

Я дал задний ход, стараясь не упустить ни одной детали. Во-первых, отпечатки пальцев. Все, к чему прикасался, тщательно протер полотенцем, висевшим над плитой на камбузе, вышел через рубку на бак, закрыв за собой дверь. Вытер ручку и выкинул полотенце за борт. Теперь, если только меня не засняли с острова на видеопленку, непросто будет доказать, что я поднимался на яхту. Прыгнув с бака в воду, я поплыл и, выйдя на камни, оглянулся. Яхта, этот новоявленный «Летучий голландец», свалившийся на мою голову, все так же мерно покачивалась на волнах. Я все еще не мог избавиться от чувства, что за мной следят, что все мои попытки уйти отсюда незамеченным и не оставить следов лишь вызывают ироническую усмешку у моих недоброжелателей, наблюдающих за мной в бинокль, подзорную трубу или просто сквозь черные очки. Из-за этого я все время нервно крутил головой, но ничего не видел, кроме серых скал, покрытых редкими кустами можжевельника, да истеричных чаек, с разноголосым криком все еще круживших надо мной.

Место расправы над женщиной я мог обойти стороной, но нарочно пошел мимо него, чтобы еще раз глянуть на ужасное пятно. «Странно все, — думал я, стоя в метре от залитого кровью камня. — Ее убили здесь, видимо, размозжили череп вот этим булыжником. Брызги крови разлетались во все стороны, в то же время костюм, в который была одета женщина, совершенно чист. И одежда ее абсолютно сухая. Не представляю, как можно было затащить труп на яхту и при этом не намочить хотя бы рукава костюма или туфли. И вообще, женщина одета явно не для морской прогулки — туфли на высоком каблуке, деловой костюм...»

Я покачал головой и пошел дальше по тропе к тому месту, где оставил ласты и мешок с крабами. Пленникам я подарил свободу, вытряхнув их в воду, положил в мешок кроссовки, опустил его в воду и, чтобы не всплывал, придавил камнем.

Шесть километров в ластах — не то чтобы пара пустяков, но задача не из самых трудных. Я спиной вошел в воду, надвинул на лицо маску, сунул в рот резиновый загубник трубки и лег на воду. Джинсы и майка немного стесняли движения, но выкинуть одежду я не мог — надо же было в чем-то появиться в городе.

Когда я открыл калитку дачи и ввалился во двор, Анна сидела на ступеньке деревянной лестницы. Увидев меня, она медленно спустилась, близко подошла и, с каким-то странным выражением рассматривая мое лицо, сказала:

— Привет! Чего это ты такой мокрый? И босиком... Теперь так на свидания ходят? Кстати, Леша дважды заходил, он уже целый час ждет тебя на лодочной станции.

— Анна, скажи: кто еще, кроме Лешки и тебя, знает, что я был на Диком острове?

— На Диком острове? Разве не достаточно того, что я все знаю? — снова посмотрела она на меня странным взглядом, резко повернулась и ушла в свою комнату.

Я принял душ и, завернувшись в махровый халат, отправился к ней. Анна лежала на койке лицом вниз и не шевелилась. Я присел на край койки и спросил:

— А что все-таки случилось? Я тебя не узнаю.

Она не ответила. Я погладил ее по голове. Она не отреагировала. Я почувствовал, как во мне неудержимо вскипает гнев. Вляпался в гнусную историю, едва держусь на ногах от усталости, продрог до самых костей, а вместо помощи и сочувствия — каприз и бойкот.

— Пошел вон! — вдруг тихо произнесла Анна. — Можешь возвращаться туда, где был. — Она опустила руку под койку, вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, набитый чем-то мягким, и, не глядя, швырнула его в меня.

Я не успел увернуться, и пакет шлепнул по лицу. Я поддал его ногой так, что он вылетел на кухню, вышел из комнаты и с треском захлопнул за собой дверь. «Что, интересно, она в меня бросила? — мелькнула вдруг мысль, и я, сидя на табурете в кухне, потянулся за пакетом, приподнял его за нижний край и вытряхнул содержимое. На пол выпала белая женская накидка из тонкой, как бумага, кожи, с большой золоченой пуговицей на воротнике. Такого претенциозного наряда у Анны никогда не было. Чья же эта одежда?

Я сложил накидку в пакет, забросил его в стенной шкаф, где хранились крупы, и приготовил себе грог. Выпив стакан горячего напитка, я почувствовал, что тяжесть, сдавливавшая мое сердце, постепенно уходит. Все, что случилось со мной на Диком острове, уже не казалось таким драматичным. Да, убили какую-то даму. Я случайно оказался на борту яхты и увидел труп. Ситуация неприятная, но не более того. Никто меня ни на яхте, ни на острове не видел, следов за собой я не оставил. А если по каждому покойнику нервы ломать — здоровья не напасешься.

Вдруг мне на плечо легла чья-то рука.

— Это ты? — вздрогнул я от неожиданности.

— Я, — ответил Леша.

— Садись, наливай из кастрюли грог.

Леша сел напротив меня и после минутного молчания спросил:

— Где ты был?

— Я был на острове, Леша, — вздохнул я.

— Собственно, — произнес он, не сводя с меня глаз, — я так и сказал Анне: с тобой вряд ли могло случиться что-нибудь серьезное... Или я не прав?

— Ты не прав, потому что... потому что не пьешь, а грог остывает. Сделай милость, возьми из шкафа стакан и налей сам. Я еле руками двигаю.

— Ты выпал из лодки? — спросил Леша.

— Почему ты так решил?

— Если находят лодку без гребца...

— А кто нашел лодку? — перебил я его.

— Насколько мне известно, пограничники. По номеру определили, к какому причалу она приписана, и пригнали ее к берегу.

— Не знаешь, они обо мне что-нибудь спрашивали?

— Мне сказали, что Моргун якобы ловко соврал им: будто лодку сорвало с пирса и отнесло ветром в море.

— Значит, Моргун знает, что я плавал на остров?

— Не уверен. Он спрашивал меня, куда ты плавал на лодке сегодня, но я ответил неопределенно: за крабами.

Ответы Леша меня успокоили. Похоже на то, что кроме него и Анны никто не знал, что я был на острове.

— Так что с тобой стряслось? — спросил Леша.

Мы встретились с ним в Голубой бухте под водой, едва не столкнувшись лбами, когда занимались подводной охотой: я ловил крабов, а Леша, вооруженный ружьем с гарпуном, — камбал. Мне достаточно было несколько минут понаблюдать за ним под водой, чтобы понять — это ныряльщик высокого класса. На берегу мы познакомились ближе. Леша приехал на побережье из Симферополя, чтобы отдохнуть, как он выразился, от городской пыли и стерильности операционных. Не думаю, что он, квалифицированный врач-анестезиолог, зарабатывал так уж мало; желание заняться промыслом возникло у него скорее от потребности в риске и азарте, чем от недостатка в деньгах. Когда он узнал, что я ловлю крабов для ресторана, то сразу же предложил мне свою помощь. От помощи я вежливо отказался, так как предпочитаю работать в одиночку. Тогда Леша облюбовал мыс Меганом, где стал пропадать с утра до вечера. Его подводное плавание, как ему казалось, приобрело смысл, и он увлекся охотой как мальчишка. У нас появились общие интересы, мы сдружились, и Леша вечерами стал приходить ко мне на дачу. Но чаще он пропадал в палаточном городке, расположенном в реликтовом лесу между Уютным и Новым Светом.

Я доверял Леше в той же степени, что и приятному попутчику в поезде, с которым случайно встретился и через недолгое время расстанусь навсегда. То есть ему можно было доверить едва ли не самое сокровенное.

Глава 4

Леша отказывался от грога до тех пор, пока я не рассказал ему о том, что увидел на Диком острове. Он молча выслушал меня, после чего медленно осушил кастрюлю с напитком, вытер усы тыльной стороной ладони и снова сел на стул.

— К чему ты прикасался, когда был на яхте? — тихо спросил он.

— К ручке двери, к ручке трюмного люка.

— Название яхты не запомнил?

— «Ассоль».

— Отпечатки хорошо стер?

— Старался.

— А ты уверен, что видел труп, а не куклу?

Я от возмущения так дернулся, что пролил на пол немного грога.

— Не принимай меня за идиота!

— Скверная история, — резюмировал Леша. — Ты считаешь, что кто-то хотел тебя подставить?

— А ты разве считаешь, что нет?

— То, что твою лодку унесло в море, еще не говорит, что это сделано человеком и со злым умыслом.

— По-твоему, — энергично жестикулируя, крикнул я, — лодка сама подползла к воде, сама плюхнулась в море и отчалила от острова?!

— Кто же тогда это сделал? — вслух подумал Леша, теребя пальцами бородку. — И кто эта женщина?.. Послушай! А ты уверен, что ее убили? Это мог быть несчастный случай. Сорвалась со скалы, или выбросило волной на камни.

— И после этого несчастную скидывают в трюм, вместо того чтобы положить на диван или на крайний случай на палубу? Нет логики.

— Нет, — согласился Леша. — Похоже, что ее действительно убили. И убийце, между прочим, как и тебе, не на чем было добраться до берега.

— Он мог остаться на острове, — мрачным голосом ответил я. — Мне все время казалось, что за мной следят.

— Не переживай, — сказал Леша, поднимаясь со стула. — Сегодня ночью яхту обязательно обнаружат пограничники, обыщут, найдут труп и передадут дело в прокуратуру. А там ребята разберутся, что к чему. Будем надеяться, что на острове никто тебя не видел, своих следов ты там не оставил. Мне кажется, что дело пустяковое, не стоящее твоих нервов.

— Странно, мне как раз показалось, что дело серьезное и запутанное. Опыт у меня небольшой, и потому я могу положиться только на интуицию. А она меня еще ни разу не подводила. Меня насторожило, например, что женщина была одета в совершенно сухой и чистый деловой костюм...

— Сухой и чистый, — задумчиво повторил Леша. — Ну и что? А каким он должен быть? Что-то я не могу уловить твою мысль.

— Женщину валят на гальку, прижимают ее голову к камням и разбивают череп булыжником. Остается кровавое месиво диаметром почти в метр. Ты можешь отчетливо представить себе эту картинку? И как смотрится на фоне всего этого идеально чистый костюм?

— И что ты хочешь этим сказать?

— А то, что женщину убивали либо в другой одежде, либо вообще голый, а костюм надели уже на труп. Причем сделали это на яхте, потому как невозможно было перенести ее, не замочив одежду.

— Любопытный вывод. Очень любопытный, — проговорил Леша. — Только мне неясно одно: а для чего нужны были все эти манипуляции с одеждой?

— Мне это тоже неясно, — ответил я. — Можно предположить, что убийца снял выпачканную в крови одежду, чтобы случайно не оставить следов на дверях, полу или стенах каюты. Но тут же напрашивается второй вопрос: зачем тогда ему понадобилось одевать ее снова? Сбросить в трюм можно было и голый труп.

Леша шумно выдохнул и покачал головой.

— Двенадцатый час ночи, а мы с тобой говорим о таких жутких вещах.

— Тебе страшно?

Леша как-то странно взглянул на меня.

— Не старайся уличить меня в трусости. Не могу сказать, чтобы вся эта история доставляла мне удовольствие, но падать в обморок и закатывать истерики я не собираюсь... Кстати, вот что я предлагаю. Могу поселить тебя в своей квартире в Симферополе.

— А еще лучше, — усмехнулся я, — забраться в глухой лес и пожить там годик-другой, когда дело окончательно закроют, а в поселке вообще забудут, что здесь когда-то жил Кирилл Вацура. И почему я должен прятаться, если никого не убивал? Мой побег, Леша, станет первой серьезной уликой.

— Возможно. Но ты сохранишь себе свободу и не вляпаешься в новую историю.

— Ты говоришь так, будто меня должны арестовать в самое ближайшее время. Но на основании чего? Отпечатков моих на яхте нет. Никто не видел меня на острове...

— Откуда ты можешь знать, какие еще улики против тебя сфабрикованы? — вкрадчиво спросил Леша.

— Какие улики ты имеешь в виду?

— Например, лодку.

— А с чего ты взял, что лодка — это улика? Ведь Моргун, если я тебя правильно понял, объяснил пограничникам, что лодку сорвало с пирса.

— Объяснить он, конечно, объяснил, но не надо считать пограничников дураками. Когда далеко от берега находят лодку или, скажем, катер без людей — дело серьезное. Они могли снять отпечатки пальцев с рукояток весел, найти под скамейками какие-нибудь вещественные доказательства... Ты не оставлял в лодке никаких вещей?

Я отрицательно покачал головой.

— Но мог случайно обронить пуговицу или расческу?

— Не мог, Леша! Не мог! — Я снова начал заводиться. — Все при мне.

И пуговицы все на месте.

— Ты плыл в одежде?

— Да.

— И в обуви?

— Кроссовки я спрятал на острове.

Леша в сердцах ударил ладонью по краю стола.

— Ты же опытный человек! Руководитель сыскного агентства! А допускаешь такие грубые ошибки. Это же серьезная улика! Где ты их спрятал?

— Утопил в холщовом мешке и придавил камнем. Даже собаки не найдут.

— Ерунда! — скривился Леша. — Чуть разыграется шторм, он твой мешок вместе с камнем выкинет на остров, как окурок.

— Черт возьми! — взревел я, вскакивая со стула, и, путаясь в полах халата, стал ходить по кухне. — Нет против меня улик и быть не может, потому что нет главного — мотива. Именно с мотива я начинал раскручивать каждое преступление, за которое брался, и очень быстро выходил на след преступника. Мотив определяет смысл каждого преступления, исключая только поступки душевнобольного человека! А та несчастная тетка — кто она мне? Откуда я мог ее знать? Какой смысл выслеживать ее, гнаться за яхтой на весельной лодке и, в конце концов, убивать?

— Ты все правильно говоришь, — ответил Леша, выслушав меня. — Дай бог, чтобы так же думали и наши менты.

— Кстати, о ментах! — вспомнил я. — В нашем отделении работает мой приятель — Володя Кныш. Когда моя фирма процветала, он работал у меня, а как накрылась — снова ушел в отделение. Наверняка он будет в составе бригады, которой поручат это дело. Надо будет завтра рассказать ему, что со мной приключилось.

Мы вышли во двор. Дождь прекратился, на черном небе пятнами высыпали звезды.

— А где Анна? — спросил Леша.

— Спит, наверное.

— Случайно не поссорились?

Вместо ответа я неопределенно пожал плечами.

— И по какому поводу, если не секрет?

— Из-за этого проклятого острова все не слава богу... Кажется, она меня приревновала. Я так устал, что меня качало как пьяного. А она подумала, что я где-то наклюкался с бабой... Не бери в голову, это наши проблемы, разберемся.

— Ну ладно, мне пора. До завтра! — попрощался Леша.

— Собственно, ты можешь переночевать у меня, — предложил я, но он уже открыл калитку и помахал мне рукой.

Я остался один и вернулся в кухню. Ощущение смутной тревоги не покидало меня, поэтому снова нацелился на ополовиненную бутылку, но неожиданно посчитал алкоголь слабым утешением, заткнул ее пробкой и поставил в стенной шкаф. Взгляд мой упал на пухлый полиэтиленовый пакет. Я вытащил из пакета накидку, развернул ее во всю ширину, осмотрел, зачем-то встряхнул и сразу уловил тонкий запах дорогих духов. Я не любитель шарить по чужим карманам, но надо было найти хозяйку накидки или, на худший случай, выяснить, как эта вещь попала на мою дачу. В левом кармане не было ничего, кроме маленького засохшего полевого цветка, а в правом я нашел сложенный в несколько раз лист бумаги. Развернул его, посмотрел на текст, написанный крупными неровными буквами, и с изумлением узнал свой почерк:

«Эльвира!

Что касается нашей с тобой договоренности, то можешь полностью положить на меня, и пусть гарантом моего слова станут мои чувства, которые я испытываю к тебе. Твое решение о прекращении выплат по вкладам, конечно, несколько ошеломило меня, но, смею надеяться, это ни в какой мере не будет касаться меня. Требовать не в силах — ты для меня не тот человек, от которого я могу что-либо требовать, но лишь надеюсь на то, что мои чувства обретут взаимность, и ты будешь благосклонна ко мне. Но не денег ради я стараюсь. Все мысли — только о тебе. Ты заслуживаешь большего, и это большее мне по силам дарить тебе. Считай так: ты не возвращаешь мне деньги, а лишь оказываешь мне, твоему доверенному лицу и самому надежному другу, помощь в приобретении нашего с тобой общего счастья.

Слышал, что девятнадцатого ты отправляешься на морскую прогулку по своему излюбленному маршруту. Я найду тебя там, где ты меньше всего ожидаешь меня увидеть, но, надеюсь, встреча со мной будет тебе приятна.

Твой покорный слуга Кирилл».

Под письмом красным косметическим карандашом хорошо знакомым мне почерком Анны было приписано: **«ПОДОНОК!!!»**

Глава 5

Анна не открывала глаза до тех пор, пока я не брызнул ей в лицо водой. Сначала она посмотрела на меня совершенно безумным взглядом, потом вяло оттолкнула от себя:

— Уйди!

— Анна! Что это?

— Тебе лучше знать.

— Где ты взяла эту накидку?

— Послушай, Кирилл, — устало произнесла Анна. — Не надо разыгрывать передо мной комедию.

— Где ты взяла накидку? — повторил я.

— Ее принесли с лодочной станции.

— Почему сюда? Чья она?

— О-о-о! — завывала Анна, закатывая глаза. — Имей же мужество красиво уйти! Я тебе не жена, и нечего передо мной оправдываться.

— Да пойми же ты, глупая девчонка! — Я не имею ни малейшего понятия, чья эта накидка, почему она здесь и что это за письмо. Я не писал ничего подобного. Это сфабриковано против меня!

— Ты можешь придумать что-нибудь более правдоподобное? — спросила она, не открывая глаз.

— Чья накидка? — с угрозой в голосе повторил я.

— Ее нашли в твоей лодке пограничники и под расписку отдали Моргуну, — с кривой ухмылкой ответила Анна, и я увидел, как ее глаза стремительно наполняются слезами.

Я скрипнул зубами в бессильной ярости, выключил свет в комнате и снова вышел во двор. «Черт возьми, — думал я, — вокруг меня снова плетут сети. Только по счастливой случайности эта накидка с письмом не попала в полицию». Эльвира... Боюсь, завтра выяснится, что это имя убитой. Читал ли письмо Дима Моргун, начальник лодочной станции? Он мой приятель, раньше много помогал мне в частном сыске, хотя напрямую связан с местными уголовными авторитетами и не скрывает этого. Человек делает в сезон большие деньги — катает отдыхающих на «банане», дает напрокат водные мотоциклы, акваланги, лодки, катамараны, парусные серфинги, а заодно содержит на своей территории два открытых кафе, где всегда отличный выбор спиртного и закусок. Он помогал мне, а я — ему, улаживая конфликты с пограничниками, которые время от времени арестовывали плавсредства и приостанавливали прокат. На верность Димы, естественно в определенных пределах, я мог рассчитывать. Если письмо прочел только он, то можно было облегченно вздохнуть, немедленно сжечь его и навсегда забыть о

нем. Пусть даже в ближайшие дни всплывет имя Эльвиры — Дима будет молчать. Но пограничники, если они читали письмо, обязательно сообщат о нем и плаще в уголовный розыск. В этом случае письмо лучше сохранить, чтобы потом экспертиза могла провести идентификацию моего почерка и поддельного, которым написано послание.

Я еще раз прочитал письмо. Мой почерк скопирован неплохо, но кое-где автора заносило, и буквы «р» и «к» в разных местах были выписаны неодинаково. И вообще подделка грубая, непрофессиональная.

Я немного воспрянул духом и подумал о том, что это письмо вместе с плащом, вопреки планам злоумышленников, станет не уликой, а моим алиби. Я завтра же покажу письмо Кнышу, он наверняка легко распознает в этом письме фальшивку. Таким образом я предупрежу возможный удар со стороны пограничников — их сигнал, если он поступит в угро, окажется запоздавшим и пройдет мимо цели.

Глава 6

Достаточно мне было услышать первую фразу, сказанную Кнышем по телефону, как я понял: труп женщины нашли, вся полиция района поднята на ноги.

— Старичок, сейчас не до тебя, — прогундосил Кныш в трубку. — У нас тут переполох. Позвони вечером. Или лучше дня через три.

— Всего одно слово, Володя! Я знаю, о чем ты говоришь, и могу быть вам полезен.

— Ты хочешь взяться за это дело, даже не зная, что случилось?

— Мне уже многое известно. Есть вещдоки.

— Хорошо. Мы сейчас выезжаем к центральному причалу. Подходи туда, там поговорим.

Анна демонстративно не разговаривала со мной и на мое выдвленное сквозь зубы «добрутро» никак не отреагировала. Выглядела она настолько неважно, что мое сердце сдавила жалость к ней. Но я молча наблюдал, как она собирает свои вещи и складывает их в большую спортивную сумку.

— Ты мне ничего не хочешь сказать на прощание? — спросила Анна, закидывая сумку на плечо.

— На прощание? А ты разве уходишь?

— Ухожу.

— Собственно, я тебя не прогоняю.

— Не хватало, чтобы ты посмел выгнать меня.

— Куда же ты в таком случае намылилась?

— Кирилл... — начала Анна, но тут же осеклась, резко повернулась, вышла через калитку и с грохотом захлопнула за собой металлическую дверь.

Через несколько минут мне позвонил Леша.

— Зря ты все-таки это сделал, — сказал он, когда я сообщил ему о разговоре с Кнышем. — Возьмут они тебя на крючок — не сорвешься.

Мы условились встретиться с ним там же, у причала, и я поспешил к набережной. Вопреки моему ожиданию, на пяточке причала толпилось уже достаточно народу, стояли машины «скорой» и полиции. Несколько мужчин в форме усталыми голосами, усиленными мегафонами, просили людей разойтись, но толпа росла с каждой минутой. Дима Моргун, держа под руку начальника райотдела УВД, прохаживался по причалу и что-то говорил ему. Смешавшись с толпой, я искал Лешу и прислушивался к разговорам. Несколько раз я услышал фамилию «Милосердова». Одна из женщин, не обращаясь конкретно ни к кому, громко говорила:

— Ну и что?! Мы тоже скорбим! Но дружба — дружбой, а табачок — врозь! Надо все по-честному решать. Неужели никто кроме Милосердовой не знает, где деньги? Это обман, товарищи! Надувательство чистой воды! Мы скорбим, но мы требуем вернуть свои деньги!

Она ходила от одного к другому и достаточно быстро заводила толпу. Кто-то уже поднял над головой лист ватмана с кривой надписью: «МИЛОСЕРДИЕ!» НЕ ГНЕВИ ДУШУ УБИЕННОЙ! ВЕРНИ БАБКИ!»

Я протиснулся к группе полицейских и увидел Кныша. Тот был хмур, не приветлив и все время держал у щеки рацию, словно компресс на флюсе. Он увидел меня, сдвинул фуражку на затылок и, кивая на толпу, сказал:

— Ты видишь, что делается? Попалась одна провокаторша, и народ уже не успокоишь.

— Кто такая Милосердова, Володя?

— Ну вот, — разочарованно ответил Кныш. — Хочешь взяться за дело, а не знаешь самого главного. Это генеральный директор акционерного общества «Милосердие»...

«Акционерное общество «Милосердие», — мысленно повторил я и вспомнил огромные рекламные щиты с крупной фотографией симпатичной бабушки в цветастом платочке, пьющей чай на веранде с видом на море. Самое популярное на побережье АО, обещавшее что-то около трехсот процентов годовых по частным вкладам. Наши местные пенсионеры из-за своей нищеты, кажется, совсем с ума посходили — все повально стали акционерами «Милосердия».

К причалу быстро приближалась злополучная яхта, окруженная эскортом полицейских быстроходных катеров. Метров за сто она снизила ход и дала пронзительный сигнал. Народ затих, все повернулись в сторону моря. На причал пробивалась еще одна машина «скорой помощи», часто и нервно сигналила, заставляя людей расступиться.

— Извини, потом! — бросил мне Кныш и быстро пошел по причалу.

Яхта медленно приблизилась, коснулась амортизационных шин, и причал дрогнул, скрипнул ржавыми опорами. Швартовы принял какой-то штатский в голубой рубашке и галстуке. Стало тихо. Из обеих машин «скорой помощи» вышли люди в белом, двое из них, схватив носилки, побежали к яхте. На судно их не пустил полицейский, принял носилки и передал кому-то в рубку.

Через минуту на кормовой палубе показались двое полицейских с носилками. Белая простыня закрывала то, что осталось от головы, и большую часть туловища покойницы, неприкрытыми оставались лишь ноги в туфлях.

Тут меня кто-то тронул за руку. Я обернулся и увидел Лешу. Он часто дышал — наверное, ему пришлось пробежаться.

— Кто? — одними губами спросил он.

— Милосердова, — ответил я.

Леша вопросительно посмотрел на меня. Он, как и я, впервые слышал эту фамилию. Покойницу поднесли к машине «скорой помощи» и загнали носилки внутрь. Полицейский «уазик» завелся и дал задний ход, раскидывая вспышки света из установленной на крыше «мигалки». Люди расступились, пропуская машины, а мы с Лешей поспешили отойти в сторону.

— Ну что, частный детектив, берешься за это дело? — спросил он, жадно затягиваясь сигаретой.

— Сам бог велел, — ответил я. — Меня пытались здорово подставить, но, к счастью, у моих недоброжелателей произошла осечка.

— О чем ты? — не понял Леша.

Я рассказал ему о письме, найденном в кармане накидки. Леша никак не отреагировал на это сообщение. Мне показалось, что он был больше озабочен собственными мыслями.

Мы молча стояли, думая каждый о своем, пока к нам не подошел Кныш.

— До самого основания размозжен череп, — сказал он. — Ориентировочно, вчера в полдень на Диком острове.

— А кто опознал тело?

— Ее брат. Он уже вчера вечером заявил, что сестра отправилась на остров и не вернулась. Крутился здесь только что, в черном костюме. На острове, говорят, в обморок упал, когда увидел, что от сестры осталось.

— Кто он такой?

— Москвич, кандидат наук, в недавнем времени преподавал в МГУ философию, а сейчас занимается политикой, возглавляет партию радикальных мер.

— Вот как? У Милосердовой, оказывается, влиятельный родственник.

— Без влиятельных родственников она бы не открыла акционерного общества, — усмехнулся Кныш.

— Следы какие-нибудь нашли? — как бы между прочим спросил я.

— Да, на яхте следов много.

— Какие же, интересно? — Я почувствовал, как внутри меня все похолодело.

— Отпечатки пальцев. И все они идентичны отпечаткам пальцев трупа.

— И больше никаких?

— Штурвал, рычаг скоростей такие чистые, словно к ним вообще никто не прикасался. Наверняка убийца работал в перчатках... Что интересно — убивали ее на острове, а потом труп спрятали в трюме. Слушай, ответь мне честно, ты в самом деле хочешь взяться за это дело? И есть заказчик?

— Заказчика нет. Причина в другом. Но об этом позже. Скажи, Володя, кто управлял яхтой? Не одна же Милосердова поплыла на остров?

— С капитаном вообще запутанное дело. Моргун утверждает, что Караев снялся вчера с якоря около одиннадцати часов утра и взял курс на Ай-Фока. А спустя часа три Дима видел капитана на берегу в пивбаре. Когда спросил у него, где «Ассоль», тот ответил, что якобы сдал в прокат.

— Допросили Караева?

— В том-то и дело, что Караев исчез. Дома его нет, соседи говорят, что сегодня не ночевал.

— Ты его подозреваешь?

— Пока для этого нет веских оснований. Версия, что убийство совершено с целью ограбления, отпадает. На пальцах убитой остались нетронутыми кольца из золота и серебра.

— А с братом Милосердовой говорили?

— Братишка покойницы — очень немногословный тип. Сказал лишь, что никого не подозревает, что явных врагов у сестры не было, а потом добавил, что, дескать, бизнес — это всегда риск, и не стоит предавать это дело громкой огласке.

Я многозначительно посмотрел на Кныша и спросил:

— Ты мне доверяешь, Володя?

Кныш терпеть не мог подобные вопросы, но мне нужен был мостик, чтобы перейти к главному.

— Короче, Кирилл! Если есть что сказать — выкладывай!

— На меня наехали.

— Кто? Когда? «Гастролеры»? — вытаращил глаза Кныш.

— Нет, не «гастролеры». На меня пытались повесить убийство этой Милосердовой.

— Ну-ка, ну-ка, давай все по порядку и подробненько.

Я рассказал ему все, что случилось со мной вчера, начиная с ловли крабов у берегов острова и заканчивая белой накидкой и письмом, выполненным моим почерком.

— М-да-а, — протянул Кныш. — И где эта бумаженция?

— Вот! — Я вынул из кармана письмо, развернул его и торопливо проговорил, тыча пальцем в текст: — Обрати внимание вот на эти буквы. Затем на то, что касается моего вклада в «Милосердие»...

— Ладно, — перебил он меня, аккуратно складывая письмо и пряча его в сумку. — Сами разберемся. Накидка где?

— Я спрятал ее дома.

— Принесешь мне. Лично! И пока никому ни слова. Это же очень серьезно. Благодарю бога, что письмо попало ко мне, а не напрямую в следственный отдел. Но рано радоваться. Вот накатают пограничники «телегу» в прокуратуру, будешь тогда отдуваться, Шерлок Холмс. Ну, пока! Сиди дома и не вздумай исчезнуть, как Караев.

— Ну что ты!

Кныш быстро пошел к причалу, где еще митинговали несчастные вкладчики.

Глава 7

В темно-зеленом гидрокостюме Дима Моргун напоминал какого-то фантастического монстра — полурыбу-получеловека и своим видом заставлял трепетать отдыхающих, решившихся прокатиться на надувном «банане». Он встретил меня, как всегда, широкой улыбкой, от которой черные аккуратные усики начинали топорщиться, и в физиономии Димы появлялось что-то кошачье.

— Ты ко мне по делу или просто так? — спросил он небрежным тоном, хотя прекрасно знал, для чего я к нему пришел.

— Пообщаться надо, — ответил я.

Мы поднялись на верхнюю палубу пирса, по которой тянулись два ржавых рельса, используемых для передвижения погрузочной тележки. Здесь нас никто не мог подслушать. Это было излюбленное место переговоров Димы, когда к нему приходили авторитеты или менты.

— Что интересует доблестного защитника прав обездоленных и сильных мира сего? — спросил он мягким голосом.

— Мне нужен Караев, — ответил я.

— Пропал мареман. Он сейчас многим нужен, — пожал плечами Дима.

— Ты был последним, кто его видел вчера.

— Не думаю.

— Ты ведь сказал неправду, что видел его около двух часов в пивбаре?

— Естественно. Деду нужно алиби.

— Караев ничего не говорил тебе о пассажирах, за которыми он пошел на Ай-Фока?

— Кирюша, — с той же улыбочкой ответил Дима, — я же не спрашиваю тебя, откуда в твоей лодке оказались вещи убитой Милосердовой. Еще вопросы есть?

— Ну что ты сияешь? — рассердился я. — Меня топят, понимаешь?

— А ты хочешь притопить с собой еще кого-нибудь?

— Ничего я не хочу, — огрызнулся я. — Мне бы только отмазаться от этой Милосердовой. Полиция Караева найти не может. И мне он позарез нужен.

— Естественно, что не может. Зачем деду на старости лет в СИЗО садиться? Он же понимает, что в убийстве первым делом заподозрят его.

— Тогда, может быть, ты скажешь, кто хозяин «Ассоли»?

— Нет, не скажу, — покачал головой Дима. — Не уполномочен.

— Скажи хоть, где он живет?

— Где еще могут жить хозяева таких роскошных яхт? — усмехнулся Моргун. — В Москве, естественно.

— В таком случае это задачка для первоклассника.

— Ну-ну, давай, первоклассник, копай. Только не задень высоковольтный кабель.

— Постараюсь.

Мы откланялись друг другу.

Связываться по телефону с офицером службы безопасности — все равно что с какой-нибудь затерявшейся в Гималаях первобытной деревушкой, то есть теоретически это просто, а на практике убеждаешься в обратном. Рабочий телефон Валеры Нефедова не отвечал несколько часов подряд, и тогда я позвонил ему домой, хотя Валера предупреждал, что делать это следует лишь в крайних случаях, которые не терпят отлагательства. Я решил, что такой случай уже наступил, и пару минут мило беседовал с его женой, представившись Валеркиным сослуживцем по Афгану.

— Валеры, к сожалению, нет, — сказала его жена, — но вы можете позвонить после двенадцати, он должен вернуться.

Пришлось мне маяться в ожидании до глубокой ночи. Зато разговор с Валерой был коротким и плодотворным.

— Давай выкладывай, без подробностей и самую суть, — сказал он мне усталым голосом.

— Видишь ли, — начал я, думая, как бы в двух словах объяснить ему суть дела. — К феодосийскому порту приписана частная моторная яхта «Ассоль». Хозяин ее живет в Москве...

— Я понял, — прервал меня Валера. — Тебя интересует его личность.

— В общем, да.

— Позвони завтра в обед мне на работу. То есть уже сегодня.

Нефедов меня обнадежил. Я уснул с уверенностью, что рано или поздно раскручу это дело.

Глава 8

Наверное, в кабинете у Нефедова стоял телефон с определителем номера, потому как он, подняв трубку, сразу перешел к делу:

— Значит, так, слушай меня. Хозяин «Ассоли» — Артур Пиков, директор фирмы по продаже автомобилей иностранных марок, тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения. В восемьдесят третьем сидел за валютные махинации, вышел досрочно, работал маклером, затем перегонял автомобили из Тольятти в Москву, в девяносто первом организовал фирму. Женат трижды, детей нет, постоянно проживает в Москве. Записывай адрес и телефон, но имей в виду — он вряд ли станет с тобой разговаривать.

Нефедов оказался прав. Пиков разговаривал со мной просто по-хамски:

— Кто вы такой? Какой еще Вацура? Не знаю никаких Вацур! Откуда у вас мой телефон? Не знаю ни о каком убийстве! Меня это не интересует!

— На вашей яхте обнаружен труп директора акционерного общества Милосердовой, — спокойно повторил я. — Капитан же по неясным причинам исчез. Вы можете знать, где сейчас находится Караев.

— С чего вы взяли, что я могу это знать? Если я буду думать о каждом пьянице, у меня не останется времени для решения своих вопросов.

— Я мог бы расследовать это дело без излишней огласки, — сказал я, уже понимая, что Пиков ничего полезного мне не сообщит.

— Если я сочту нужным, я сам воспользуюсь услугами частного агентства. Пока же я не нуждаюсь в вашей помощи. Желаю здравствовать. Постарайтесь не звонить мне больше.

И короткие гудки. Я опустил трубку и подумал: «Отрицательный результат — тоже результат». А впрочем, кое-какие выводы можно сделать. Во-первых, Пиков переиграл. На сообщение об убийстве даже самый замшелый бюрократ отреагировал бы иначе. Пиков же слишком усердно подчеркивал свое безразличие — так может делать человек, которому известно больше, чем мне. Во-вторых, его фраза о том, что у него нет времени думать о каждом пьянице, вообще абсурдна. Речь шла не о постороннем человеке, а о капитане его собственной яхты, которому доверено содержание дорогостоящей техники. Пиков лукавил. Он не только не нуждался в услугах частного детектива, он боялся, что к розыску убийцы подключится дополнительная следственная структура.

Чем больше я занимался делом об убийстве Милосердовой, тем более запутанным мне оно казалось.

Мне было известно, что около полудня девятнадцатого числа капитан «Ассоли» Караев на мысе Ай-Фока сошел на берег, предоставив яхту в распоряжение неизвестных пассажиров, среди которых была Милосердова. «Ассоль» взяла курс на Дикий остров, где около четырнадцати часов директор АО была зверски убита, возможно, в голем виде, после чего ее труп был одет в костюм и сброшен в трюм яхты. Убийца (или убийцы) покинул остров, предварительно подбросив накидку Милосердовой в мою лодку и столкнув ее в воду. Письмо-подделка, оставленное в кармане накидки, говорило мне пока лишь о том, что убийство было тщательно спланировано. Вероятно, за мной следили, выясняя, в какие часы и дни я бываю на Диком острове. Это, на мой взгляд, сделать было гораздо проще, чем добыть образцы моего почерка. Писем я никому не пишу, созданием мемуаров не увлекаюсь. Единственное, что мне в последнее время приходилось писать от руки, — так это всевозможную документацию своего сыскного агентства. Но большая часть этих бумаг хранится у меня дома, где не бывает посторонних. Как бумаги попали в руки убийцы — оставалось загадкой.

Что мне еще было известно? Главбух и коммерческий директор «Милосердия» утверждают, что не знают, в каких банках и на каких счетах находятся деньги вкладчиков, и, таким образом, снимают с себя всякую ответственность перед многочисленными держателями акций. Диме Моргуну наверняка кое-что известно о Караеве и его последнем рейсе, но он держит язык за зубами. Владелец яхты Пиков тоже хранит какую-то тайну. Словом, эти четыре человека знают гораздо больше, чем говорят.

Глава 9

Я знал, что Леша соперничает мне и всегда готов помочь, но о том, что он выведет меня на Караева, я даже не мог и мечтать. Он пришел ко мне вечером с мешком крабов, которых, вместо того чтобы сдать в ресторан, предложил сожрать самим, вывалил несчастных членистоногих в самую большую кастрюлю, какая была у меня, залил подсоленной водой и поставил на огонь. Пока крабы варились, перекрашиваясь в ярко-красный цвет, я сходил за пивом.

Наслаждаясь деликатесом, я подробно рассказал Леше о разговоре с хозяином яхты. Леша, разгрызая горячие клешни, из которых сочился ароматный бульон, хмыкал и качал головой.

— Этого следовало ожидать, — сказал он. — В самом деле, кто ты такой для Пикова? Почему он должен тебе доверять?

— Дело вовсе не в том, доверяет мне Пиков или нет. Для честного человека быстрое и профессиональное расследование — все равно, что защита адвоката. Пиков отказался от такого рода защиты. Отсюда напрашивается вывод.

— Пиков чист, у него надежное алиби, и кто бы ни копал против него, ничего не накопает, — сказал Леша, с треском, словно орех, раскусывая панцирь.

— Верно. Но можно предположить и совершенно противоположное: у Пикова рыльце в пушку, потому-то он и не заинтересован в быстром и качественном расследовании.

— Тоже может быть, — согласился Леша, вытирая руки платком. — Пиков его фамилия, говоришь? — произнес он, вытаскивая из кармана брюк потрепанную записную книжку. — Когда-то у нас в больнице лежал с камнями в почках некий господин, который курирует частное капитальное строительство на побережье. — Леша листал книжку, проводя пальцем по страницам. — Он оставил мне свои координаты на всякий случай. Один раз я ему уже звонил: интересовался дачами «под ключ»...

— А зачем нам капитальное строительство? — не понял я.

— А ты думаешь, что твой Пиков, купив яхту, не приобрел где-нибудь неподалеку от порта приписки дом с видом на море?.. Ага, вот он. Илья Романович Городецкий. Телефон в Симферополе: два шесть два шесть ноль девять. Отлично! Прямо сейчас и позвоним.

Я не очень верил в удачу и продолжал заниматься крабами, глядя на Лешу, который, мурлыкая под нос песенку, крутил диск телефона.

— Алло! Илья Романович! — крикнул Леша в трубку. — Что-то совсем плохо слышно... Ага, вот уже лучше. Это Малыгин. Вспомнили такого?

Несколько минут Леша расспрашивал у Городецкого о его здоровье, передавал приветы жене и сыну, после чего сказал:

— Нужна ваша помощь, Илья Романович! Есть фамилия, но нет адреса дома... Как вы сказали? Уверен ли я, что дом построен на побережье? Конечно, уверен! — красиво соврал Леша и подмигнул мне. — Пиков его фамилия. Артур Пиков. Постоянно проживает в Москве... Мой телефон? Секундочку!

Леша прикрыл трубку рукой и спросил у меня:

— Давай твой номер! Он перезвонит сюда сам.

Где-то минут через двадцать телефон зазвонил.

— Слушаю вас! — крикнул Леша. — Ага, записываю... Поселок Морское, улица Энгельса... Неужели еще такие улицы бывают?.. Дом триста. Круглая цифра... Все ясно, Илья Романович! Спасибо большое!

Он положил трубку и с победным выражением лица посмотрел на меня:

— Ну, как, Шерлок Холмс? Здорово сработано? У нас есть слабая надежда, что Караев пережидает шумиху в этом особняке.

— Я в этом почти уверен, — кивнул я. — Караева видели в Морском после того, как яхта отчалила от мыса Ай-Фока. Только не совсем понятно, какой смысл Пикову прятать Караева на своей даче.

— Что здесь непонятного? — махнул рукой Леша. — Зачем опытного, надежного капитана отдавать на растерзание полиции? Пиков прекрасно понимает, что в первую очередь заподозрят старика и наверняка упекут его на тридцать суток в следственный изолятор. А старый человек со страху может наговорить лишнего: кого возил на яхте, о чем говорили пассажиры. Мало ли в какие тайны был посвящен Караев!

Я в легком возбуждении вскочил из-за стола, допивая пиво из стакана.

— Ты куда? — удивился Леша.

— В Морское.

— Не лучше ли утром поехать?

— Не лучше. Время — деньги. А ты, если хочешь, оставайся у меня. Здесь работы, — кивнул я на стол, заставленный бутылками с пивом и заваленный крабами, — непочатый край.

До Нового Света я доехал на автобусе и, распугивая отдыхающих, легкой трусцой побежал по тропе Голицына мимо живописных бухт и гротов. За час я добрался до мыса, откуда, уже не торопясь и прихрамывая, приплелся в поселок.

Дом номер триста находился достаточно далеко от моря, на горке, утыканной кипарисами, как шипами. Это был очень симпатичный двухэтажный особняк стального цвета с пористыми стенами, напоминающими срез свежего ржаного хлеба. Затемненные стекла надежно закрывали внутренность особняка от знойных солнечных лучей. Ограда из сетки-рабицы была плотно обвита виноградной лозой, отчего нельзя было рассмотреть двор и первый этаж особняка. Калитки я не нашел и постучал в большие двустворчатые ворота, предназначенные для въезда автомобилей.

Как и следовало ожидать, мне никто не открыл — дед, если он там был, не для того прятался, чтобы кому попало открывать на стук. Я дважды обошел особняк вдоль изгороди, всматриваясь в каждую дырочку, выяснил, что сторожевой собаки нет, лихо перемахнул через изгородь и, бесшумно приблизившись к входной двери, обитой черным дерматином, нажал кнопку звонка.

Никакого результата.

Интуиция редко когда подводила меня, и я чувствовал, что кто-то стоит за дверью, смотрит на меня через «глазок» и прислушивается к моим шагам. Я двинул по двери кулаком и крикнул:

— Караев, открывай! Слышишь, дед? У меня важное дело к тебе! Открывай, я знаю, что ты дома.

Это сработало, как волшебное заклинание «сим-сим». Лязгнул замок, дверь приоткрылась, и показалось испуганное лицо Караева.

— Чего гремишь? — сиплым голосом спросил он, узнав меня. — Чего хулиганишь здесь? Что надо? Какое еще у тебя ко мне дело?

— Я звонил твоему шефу, — с ходу придумывал я, потеснив старика и зайдя в дом, — и он сказал мне, где ты прячешься.

— С чего это я прячусь? От кого мне прятаться? — возразил Караев, придерживаясь руками за стены. — Я тут за домом приглядываю, пока хозяина нет. А какое дело у тебя? Что тебе надо?

— Я веду следствие, — ответил я.

— Ну и веди себе, — спокойно отозвался Караев. — А я зачем тебе нужен?

— Твои пассажиры в нехорошую историю вляпались. Дело, конечно, пустячное, но все равно требует расследования.

— Какие еще пассажиры?

— Которых ты позавчера на Ай-Фока взял. Кто ж яхту незнакомым людям доверяет?

— Ты чего-то недоговариваешь, парень, — насторожился дед. — Угробили «Ассоль», что ли? Или наехали на кого?

— Об этом позже. Ты мне сначала ответь: кого ты на борт в тот день взял?

Дед вдруг проявил характер. Он сел на табурет, взял со стола пустой стакан, покрутил его и поставил на место.

— Мне хозяин не велел об этом распространяться. Ты ж не полицейский, чтобы я перед тобой отчитывался.

Я понял, что разговаривать с ним надо по-другому, и обняв его одной рукой, посмотрел в глаза:

— Дед, я тебе помогал? Жену твою в Институт онкологии устроил?

— Устроил, — кивнул Караев.

— Теперь ты мне помоги. Я многого от тебя не хочу. Расскажи, кому ты отдал «Ассоль», почему не поплыл вместе с ними, почему не идешь домой? — Кого ты посадил на мысе Ай-Фока?

— Бабу молодую.

— И все?

— Больше я никого не видел.

— Но не баба же управляла яхтой!

Караев усмехнулся и принялся набивать трубку табаком.

— Естественно, не баба. Но мужика я не видел. Баба встречала меня на мысе одна, я помог ей на корму запрыгнуть, иначе она бы точно в воду

свалилась. И все время поторапливала: идите, мы сами, без вас разберемся. Она вообще была странная.

— Что значит — странная?

— Ну, вроде как пьяная, но запаха не было. Глазищи огромные, взгляд плывет, и улыбка на лице какая-то клоунская.

— И ты вот так просто доверил яхту посторонним?

— Ну что ты! Разве без ведома хозяина посмел бы я отдать «Ассоль»?

— Пиков разрешил тебе сдавать яхту в прокат незнакомым людям?

— Не совсем так. Пиков прислал мне телеграмму: «Живи на даче до моего приезда. Яхту сдай в прокат. Клиент найдет тебя сам».

— И как клиент нашел тебя?

— Да очень просто! Позвонил мне накануне домой и сказал, чтобы завтра я подогнал яхту к Ай-Фока, где меня встретит его мадам. Вот и все.

— Ты по голосу не узнал клиента?

— Голос как голос.

— Он заплатил тебе за прокат?

— Нет. Сказал, что с Пиковым рассчитается сам...

— Та баба была в черном костюме и туфлях?

— Чего? — удивился Караев. — В каких еще туфлях? В резиновых шлепанцах и шортах, таких, знаешь, высоко обрезанных, что задница голая сверкает, вот она в чем была, да и майчонка какая-то. В общем, не одежда, а так, одно название. Вся молодежь так по пляжу ходит... Слушай, парень, сходил бы в магазин, а? Бутылочку прихвати и баночку консервов на закуску. А потом продолжим, — умоляюще посмотрел на меня дед.

Я согласно кивнул, поднялся, вышел к воротам, сдвинув в сторону засов, открыл одну створку и побежал вниз по улице к гастроному. «Что-то не то, — думал я, представляя директора акционерного общества в шлепанцах, коротких шортах и майке. — Даже если она собралась на морскую прогулку, то все равно оделась бы соответственно своему положению и возрасту. Не напутал ли чего дед? А может быть, Милосердова и мужчина поднялись на яхту позже, когда Караев уже ушел? Кто же тогда была эта баба во фривольной молодежной одежде?»

Перед дверью в гастроном я неожиданно вспомнил про «фенечку» — маленькую самодельную сумочку, которую нашел на острове недалеко от того места, где качалась на волнах яхта. Если во всей этой истории замешана еще одна женщина — «баба в коротких шортах и майчонке», то сумочка могла принадлежать только ей.

«Две женщины и один мужчина, — думал я, заходя в торговый зал и отыскивая взглядом винную полку. — Классический любовный треугольник. Две женщины и один мужчина — самая взрывоопасная смесь, какую

когда-либо знало человечество. И еще известно, что женщины убивают более жестоко, чем мужчины...»

Глава 10

Я брел по улочке с двумя бутылками крепленого «Славянского» и банкой килек, не замечая никого вокруг и погрузившись в мысли. Для этой эмансипированной девушки в шортах дед был ненужным свидетелем, поэтому она старалась поскорее отправить его восвояси. Караев отметил, что она вела себя как-то странно, иными словами, она была возбуждена, о чем говорили ее расширенные зрачки и нервный смешок. Неопытные убийцы, готовя кровавую расправу, ведут себя приблизительно так же. И еще одна фигура вызывает не меньше, а, может быть, даже больше вопросов. Кто этот «клиент», отправившийся на яхте с двумя женщинами на необитаемый остров, одна из которых — богатейшая коммерсантка побережья, а другая — скромно одетая девица?

— Эй, морской волк! — крикнул я, войдя во двор и подходя к двери. — Есть предложение накрыть полянку во дворе, а то дома слишком душно.

Дед, должно быть, возился в шкафу с посудой и нечаянно сбросил на пол то ли миску, то ли кастрюлю. Уже смеркалось, и в полумраке немудрено было свернуть себе шею о косяк. Я остановился у входа в дом, всматриваясь в темную утробу прихожей, и снова позвал:

— Эй! Ты чего в темноте сидишь? Экономишь электроэнергию?

Дед не отозвался. Я поставил бутылки и консервы на бетонную ступеньку и зашел внутрь. Возбужденное настроение быстро сменилось недоумением и настороженностью.

— Дед! — еще раз позвал я и стал шарить по стене в поисках выключателя. Мне показалось, что где-то в глубине дома скрипнула дверь. Ладонь легла на кнопку выключателя. Щелчок — и под потолком вспыхнула лампочка.

Щурясь от света, казавшегося нестерпимо ярким, я смотрел на ноги Караева в галифе с голубым кантом и в поношенных черных ботинках, выглядывающие из-под синего одеяла, которым он был накрыт с головой. Дед лежал на полу без движений, без храпа или сопения, которые выдали бы его сон, и я, уже предчувствуя беду, наклонился и потянул на себя край одеяла.

Из-под него выпученными глазами на меня глянул мертвец. Его рот был приоткрыт, зубы оскалены, и между ними синел огромный язык. Руки старика, напоминающие высохшие корявые ветки, лежали на шее, прикрывая проволоку, которую я не сразу заметил. Тонкая стальная нить глубоко врезалась старику в горло, поранив сморщенную кожу.

Я опустился на колено, приподнял его голову. На затылочной части шеи проволока была перекручена при помощи небольшой палки. Чтобы придушить несчастного, убийца повернул ее вокруг оси раз пять-семь.

Что-то снова скрипнуло за дверью, которая вела в одну из комнат. Я машинально глянул по сторонам в надежде отыскать какой-нибудь тяжелый предмет, который можно было бы использовать в качестве оружия. Как назло, не было ничего подходящего, и мне пришлось взять со стола пустую бутылку и треснуть ее об край стола. Сжимая «розочку» в руке, я приоткрыл дверь в комнату. Там было темно, но я все же заметил, как темная фигура метнулась в оконный проем. Я успел заметить, что он был одет в спортивный костюм, а на голове — что-то вроде спортивной шапочки с прорезьями для глаз, надвинутой на лицо.

Я не был уверен, что смогу догнать его, если полезу следом через забор, и побежал к воротам. Выскочив на улицу и отбросив в сторону совершенно бесполезную «розочку», свернул за угол и увидел в конце улицы человека в спортивной одежде, бегущего, как мне показалось, легкой трусцой. Обернувшись на мгновение, он сделал короткий взмах рукой, словно поддразнивал меня, и скрылся за очередным поворотом. Не думаю, что на месте преступления этот человек оставил следы. Зато там было в изобилии моих отпечатков.

«Счет два-ноль, — подумал я. — Меня подставили во второй раз. Должен признать при всем своем неприятии противника, что это был сильный ход. Во-первых, он убрал свидетеля, во-вторых, сделал это так, что подозрение в первую очередь ляжет на меня».

Глава 11

Я позвонил Кнышу домой рано утром. Кажется, он, как и я, еще лежал в постели, потому как голос его был сонным и безрадостным.

— Я вышел на Караева, — сказал я.

— Это хорошо, — отозвался Кныш.

— Его убили вчера вечером, Володя.

— Это плохо.

— Я разговаривал с дедом, потом отлучился минут на пятнадцать, а когда вернулся — тот уже был задушен. Я видел убийцу, Володя, но ему удалось уйти.

— Ну что ты за человек! — простонал Кныш. — Хочешь сказать, что тебя снова подставили? Надо же, какая популярная личность в криминальном мире!

— Ты что, не веришь мне? — зачем-то спросил я, хотя на его месте тоже не поверил бы такому сочетанию случайностей.

— Да я не о том, — вздохнул Кныш. — Плохи твои дела. Здесь у нас бригада с документами работала... В общем, Кирилл, выяснилось, что в «Милосердии» у тебя есть валютный счет. И на том счету висит двадцать пять тысяч баксов. Плюс проценты.

— Что?! — не поверил я своим ушам и даже стал заикаться от волнения. — Какие еще двадцать пять тысяч баксов? Что ты пургу метешь? Откуда у меня такие деньги? Никогда у меня не было ни валютного, ни купонного...

— Слушай сюда! — не дал мне договорить Кныш. — Все это будешь объяснять следователю. Сам понимаешь, прикрывать я тебя больше не могу. Несколько человек, у которых на счету «Милосердия» висят крупные суммы, взяты под особый контроль.

— По той причине, что эти люди больше других могли желать смерти Милосердовой, отказавшей им в выплате? — усмехнулся я. — Железная у вас логика.

— Не мне решать, железная или деревянная. Я просто предупреждаю, что тебя в ближайшее время вызовут на допрос. И там ты расскажешь следователю, где был в час убийства девятнадцатого числа, как в твою лодку подкинули плащ убитой с письмом. А потом еще добавишь про Караева: как пытался поймать убийцу. Предупреждаю, не пытайся сбежать. Я найду тебе хорошего адвоката, и, если ты говоришь правду, то беспокоиться тебе нечего.

— Ты меня успокоил, — огрызнулся я и, швырнув трубку на аппарат, подумал: «Черт возьми! Кажется, вокруг меня остается все меньше и меньше людей, которые бы верили мне, как самим себе. Анна с легкостью бросила меня, Володя Кныш дал сбой и перестал мне верить, как только ситуация усложнилась и стала неординарной. Остался Леша, с которым я знаком не больше месяца и с которым очень скоро мы расстанемся...»

Мне показалось удивительным то, что Анна пришла ко мне похвастать своим счастьем. Я считал, что всякая нормальная женщина в ее положении постарается быстрее исчезнуть с моих глаз, чтобы никогда больше не встречаться со мной и не подыскивать в связи с этим дурацких оправданий.

— Привет! — крикнула она, прикладывая ладонь к виску, словно отдавала честь.

Я занимался делом, которое прекрасно успокаивает нервы: сидя на верхней перекладине стремянки, собирал персики. Молча глянул на Анну, аккуратно опустил в ведро мохнатый фрукт и потянулся за следующим.

— А я выхожу замуж! — объявила Анна, отодвигая в сторону ветку и заглядывая мне в лицо.

— Поздравляю.

— Знаешь, за кого? За Лешу. И что ты по этому поводу думаешь?

— Ничего не думаю, — пожал я плечами. — Мне что, не о чем больше думать, как о всякой чепухе?

— И ты даже не ревнуешь?

— Размечталась! Надеюсь, этот человек окажется намного достойнее меня. Когда свадьба?

— Очень скоро.

— Жалко парня, — вздохнул я.

— Мне жалко тебя, Вацура. Мечешься, лавируешь, всюду хочешь успеть, отовсюду по кусочку урвать и даже не оглядываешься вокруг, не интересуешься, кого походя обидел. Но учти: зло, которое ты совершил, вернется к тебе, как бумеранг. Это закон жизни. Все в ней сбалансировано. А я — идиотка! Потратить лучшие годы жизни на такое ничтожество, как ты! Никогда не прощу себе этого.

— Точно! — кивнул я, подвешивая заполненное наполовину ведро на ветку. — Мои многочисленные дамы, включая Эльвиру Милосердову, так и сказали: зря, мол, Анна потратила свои лучшие годы на ничтожество.

Наша словесная дуэль могла продолжаться еще достаточно долго, если бы вдруг рядом с дачей не раздался пронзительный визг тормозов машины. Густая крона дерева не позволяла мне увидеть, кого еще там принесло, но интуиция подсказала, что ничего хорошего сейчас не произойдет. Я оттянул ветку в сторону. Внизу, у самого забора, матово отсвечивала желтая крыша полицейского «уазика».

Двое полицейских в рубашках, пропотевших до белых разводов, зашли во двор.

— Ребята! А я вас уже с самого утра жду! — попытался я сострить.

— Вот и молодец, — ответил один из них. — Тогда попрошу сразу в машину!

Я подошел к Анне, встал почти вплотную к ней и прошептал:

— Анна, меня обвиняют в убийстве Милосердовой. Той самой Эльвиры, накидку которой принесли с причала. Передай Леше, что меня взяли. Пусть что-нибудь придумает, если сможет.

Поняла она меня или же была настолько ошарашена ситуацией, что смысл моих слов так и не дошел до нее, — не знаю. Сержант тем временем взял меня под руку, вежливо подвел к машине и даже поддержал под локоть, когда я садился через заднюю дверь в зарешеченный фургон.

Глава 12

Кто-то мне рассказывал, что нет ничего хуже женщины-следователя. Поэтому, когда я вошел в маленькую комнату, у меня невольно вырвалось

какое-то нечленораздельное словцо, означающее крайнюю степень досады. За исцарапанным письменным столом сидела немолодая мадам в каком-то странном одеянии, напоминающем индийское сари или халабуду кришнаитов. Пальцы ее были украшены стальными перстнями, похожими на маленькие ручки от дверей шкафа, на запястьях подрагивали горошинами многочисленные браслеты, с шеи на грудь свисали гирлянды полированных лепестков и конусов из черного дерева. Следователь подняла на меня свои томные глаза, окруженные коричневыми тенями, слегка тряхнула головой, отчего ее длинные волосы, низвергающиеся до локтей с прямого пробора, колыхнулись волной.

— Садись! — не совсем вежливо произнесла она, оттопырив указательный палец, указывающий на стул рядом со столом, прошлась долгим взглядом по моему лицу, по майке с изображением символа ливерпульского яхт-клуба, по джинсам и произвела глубокий вздох. «Эта будет копать, как могильный червь, — подумал я и стал вспоминать, что в подобной ситуации делают умные люди. — Кажется, отказываются давать какие-либо показания и подписывать бумаги без адвоката».

Следователь словно прочла мои мысли. Прикуривая длинную тонкую сигарету, кивнула на стопку листов опроса, лежащую на краю стола, и сказала:

— Бери лист и пиши все, что видел на Диком острове девятнадцатого и вчера в Морском. Коротко и по существу.

— Видите ли, сначала я хотел бы кое-что объяснить...

— Никаких объяснений! — оборвала следователь. — Что делал, что видел. Больше мне ничего не надо. Комментарии и личные выводы оставь при себе.

— Вы на меня давите. Мне нужен адвокат.

— Чего? — протянула она и от умиления даже глаза закрыла. Кажется, этой заразе я понравился, и она кокетничала передо мной изо всех своих дамских сил. — Адвокат?.. О господи! Начитались всякой ерунды, умными стали. Не нужен тебе адвокат. Никто на тебя не давит. Пиши, что говорят, и не задавай вопросов.

Я взял ручку со стола и начал писать, а, закончив, протянул исписанный лист следователю. Она взяла его и, отстранив подальше от глаз, стала читать. Читала минут пять, что-то помечая карандашом в тексте, и неожиданно вернула его мне со словами:

— Так не пойдет. Ты суешь нос не в свои дела. Про деловой костюм, на котором якобы не было ни капли крови, не надо — это дело экспертизы уточнять, была кровь или нет. Затем накидка. К чему это? Ты уверен, что накидка принадлежала Милосердовой? Кто сказал, что ее нашли в твоей лодке? Да, начальнику лодочной станции показалось, что в твоей. Но в тот

день лодками, в том числе и твоей, пользовались полсотни отдыхающих. Любой из них мог нечаянно забыть накидку в лодке.

Я слушал следователя и не мог понять, куда она клонит. Выходило так, что она сама подсказывала мне алиби.

— Дальше. Ты пишешь про какое-то письмо. С чего ты взял, что кто-то намеревался тебя подставить? Почерк, похожий на твой? Ну и что? Да мало ли на свете почерков? Миллионы людей на земле пишут приблизительно так же, как и ты... Подписано именем Кирилл? А что, кроме тебя, такого красивого и неповторимого, больше нет Кириллов? Про Караева тут ты вообще наворотил черт знает чего! Ушел за вином, пришел с вином... Ты что, алкоголик? Зачем на полстраницы расписывать про твое вино? А убийца в маске? Это вообще шедевр детективного жанра! Милый мой, на курорте десятки людей с удовольствием занимаются оздоровительным бегом, и если каждого бегущего принимать за преступника, то какой же тогда беспредел начнется!

— Извините, — прервал я ее. — Но я же сам видел, как он перемахнул через забор. И на лице была маска!

— Куда он перемахнул? — усталым голосом спросила следователь. — К соседу? Так, может быть, это и был сосед, который воровал у Караева помидоры, а ты его застукал. Маска на лице? На нервной почве, хороший мой, обычную налобную повязку можно принять за маску.

— Хорошо. Но ведь вы не станете отрицать, что Караева задушили проволокой?

— Задушили или он сам задушился? А это, как говорят одесситы, две очень большие разницы. Ты не эксперт. Ты ограничился лишь беглым осмотром трупа и тут же сделал выводы. Так нельзя, сладкий ты мой! Каждое твое предположение, каждое слово нуждается в доказательстве! Караев повесился на лодочном стальном фале, привязанном к деревянному карнизу. Когда ты вернулся из магазина, карниз уже оборвался под тяжестью трупа, и тело вместе с карнизом рухнуло на пол. А ты нафантазировал, что его убили, закрутили стальную проволоку на горле! Слышал, как из комнаты доносились какие-то звуки? А то, что это кошка могла прыгнуть на подоконник или на шкаф с посудой, ты не предполагаешь?

Она взяла опросный лист двумя руками и, с улыбкой глядя на меня, медленно порвала его на мелкие кусочки.

Со мной творилось что-то странное. Я испытывал огромное облегчение, словно тяжкая ноша свалилась с моих плеч. Но вместе с тем в душу закрадывалось подозрение, что меня, попросту говоря, надувают, нарочно подводят к выводу, что никакого убийства не было, что все это лишь родилось в моем воспаленном воображении.

— Значит, так. Возьми чистый лист и пиши заново. И без всяких фантазий, только то, в чем ты уверен, как говорится, на все сто, и коротко. Был на острове, видел под скалой на гальке пятно крови. Потом обнаружил труп Милосердовой в трюме яхты. Лодка пропала. Добрался до берега вплавь. Точка. Со следующего абзаца: посетил особняк, где скрывался капитан яхты «Ассоль» Караев...

— Скрывался? — удивился я.

— Ну, если не нравится это слово, то подыщи другое! Напиши: «временно проживал». Обязательно про стол, заставленный бутылками, и про реакцию капитана, когда ты предложил ему поговорить о гибели Милосердовой. А потом про труп Караева, лежащий на полу со стальным фалом на шее... Все ясно, красавчик? Вперед!

— Подождите, мне не ясно одно: к чему вы меня подводите? К какому выводу?

— Делать выводы, лапочка, это наша работа. От тебя же, как от свидетеля, требуются только четкие и вразумительные факты.

— Так я, значит, свидетель?

— Точно так, дорогой.

— Разве свидетелей привозят в полицию силой?

— За этот сервис благодари своего приятеля — фамилии не помню, рыженький такой лейтенант. Это он попросил доставить тебя со всеми удобствами, чтобы ты по жаре в автобусе не трялся.

— Понятно, — задумчиво произнес я. — Кое-что понятно... Значит, в убийстве Милосердовой вы подозреваете Караева?

— Ну что ты, родненький! Милосердову, скорее всего, никто не убивал. Следствие приходит к выводу, что это несчастный случай. Дамочка поднялась в тувельках на скалу, чтобы полюбоваться морем, не удержалась и свалилась вниз. Караев, который был с ней в тот день, перетащил ее на яхту, а потом почему-то решил, что его наверняка обвинят в убийстве, сел на весельную лодку, отплыл от острова подальше, затем, чтобы запутать следствие, прыгнул в воду и добрался до берега уже вплавь. Может быть, он до сегодняшнего дня тихо лакал бы портвейн на даче своего хозяина, но ты смертельно напугал его своим приходом и расспросами о Милосердовой. Когда ты пошел в магазин, он наверняка решил, что ты вернешься с нарядом полиции, и не придумал ничего более лучшего, чем повеситься... Вот так-то выглядит сермяжная правда жизни, котик. Поверь мне, опытной во всех делах женщине: частный сыск — не для тебя, занимайся лучше ловлей крабов.

— Так, наверное, я и сделаю, — ответил я.

— Вот и умница, — кивнула женщина. — Давай повестку, я распишусь.

— У меня нет никакой повестки.

— Ах да! Тебя же доставили сюда с почестями. Тогда можешь быть свободен.

Пот градом катился с меня, когда я вышел из кабинета в коридор. Спустился по лестнице на первый этаж. Дежурный за стеклом лишь на мгновение поднял голову и опустил ее снова. Я здесь уже никому не был нужен.

Во дворе я столкнулся с Володей Кнышом. Он молча взял меня за руку, отвел в сторону, подальше от входа в отделение, и тихо заговорил:

— Тут дело началось... Коммерческий директор «Милосердия», которого мы посадили, объявил через своего адвоката, что, если его не выпустят из-под стражи, он на суде сообщит совершенно потрясающие факты о вкладчиках «Милосердия»... Там, по его словам, замешаны очень высокие чины — и политики, и военные, и полиция. Оказывается, там прокручивали зарплату учителей, врачей и других бюджетников, а прибыль переводили в недвижимость за границей.

— Может быть, это всего лишь блеф?

— Он передал своему адвокату какие-то особые списки вкладчиков. Там такие фамилии, старичок, — за голову схватишься!

— Ну и что? Мою фамилию в эти списки тоже внесли, но это вовсе не значит, что я вкладывал бабки и покупал недвижимость за границей.

— Да кто ты такой! О тебе сразу забыли, когда целая команда «бугров» всплыла. А вслед за этим — короткое распоряжение из Генпрокуратуры: дело Милосердовой закрыть за отсутствием состава преступления, всех подозреваемых из-под стражи освободить. Прислали к нам эту странную даму в занавеске, которая вроде бы провела следствие повторно. Так что можешь поблагодарить бога за такое везение.

— Хорошо, я так и сделаю. Только вот о чем я хочу тебя предупредить. Вы закрыли дело. А я — нет.

Глава 13

Не успел я пройти и двадцати метров, как меня едва не сбил с ног Леша.

— Кирилл! — закричал он и так крепко стиснул в объятиях, что у меня свело дыхание. — Тебя выпустили? Дал подписку о невыезде? Я же предупреждал тебя, чтобы ты ничего не рассказывал своему менту!

— Да-да, все в порядке. Меня отпустили. Теперь домой. Да здравствует свобода! Откуда ты узнал, что меня взяли?

Я совсем забыл, что сам просил Анну сказать об этом Леше. Мне надо было сообщить ему еще очень много, так много, что я не знал, с чего начать. В голову не пришло более оригинальной идеи, чем спуститься в открытое кафе при ресторане «Парус», куда мы с Лешей поставляли крабов.

Когда я рассказал ему про убийство Караева и чудесное прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, он изменившимся голосом произнес:

— Кирилл, тут идет игра по-крупному. Я даже предположить такого не мог. Состав преступления отсутствует! Превосходно! Замечательно!

— Что замечательно, Леша?

— То, что тебя отпустили, — ответил он, думая о чем-то другом. — Надо же, какие ловкачи! А этот тип — коммерческий директор — молоток, да? Голыми руками не возьмешь. Его попытались прижать, а он острые зубки показал. Имей в виду, Кирилл, ты — свидетель. Ты знаешь то, чего не должен знать никто. Эти люди, которые закрыли следствие, раздавят тебя, как мотылька, если ты не уйдешь в глубокое подполье... Так вот, я предлагаю тебе на время уехать отсюда куда-нибудь подальше. Рвани на месяц в горы, скажем, на Кавказ. Или, если хочешь, я сделаю тебе путевку в наш профилакторий в Подмоскowie. Отдохнешь, забудешь обо всем этом кошмаре, походишь по лесу. Ты когда в последний раз видел березки, морской волк?

— Я никак не пойму, куда ты хочешь меня выслать?

— Как, куда? — горячо шептал мне на ухо Леша, положив мне на плечо свою тяжелую руку. — Полиция закрыла дело? Закрыла. Состав преступления нет? Нет. Значит, не может быть и свидетелей преступления. Ты понял или нет, чудик?

— Да понял, понял, только имей в виду, никуда я отсюда уезжать не собираюсь. Мало того, я доведу это дело до конца. Полиция закрыла, а я снова открою.

— Ты что, серьезно? Зачем тебе это надо?

— Меня обидели. А я не люблю, когда меня обижают и принимают за дурачка.

— Тебя же сразу убьют! — вырвалось у него.

— А я буду защищаться.

— Но это не то дело, за которое можно браться в одиночку. Ты не протянешь, у тебя просто не хватит сил.

— Одиночество иногда становится преимуществом. Кто обратит внимание на бедного ловца крабов?

— Я не понимаю, что привлекает тебя в этом деле?

— Огромные деньги, Леша. Такие деньги невозможно проесть, купить на них машину или дом. Такая сумма становится не просто платежным средством, а мощным механизмом. И этот механизм сейчас что-то где-то крутит, что-то создает или ломает. Милосердову, а затем и старика убили для того, чтобы обрубить нити, которые могут вывести следствие на эти

деньги. Можешь считать, что я заболел, но с этого момента я не смогу нормально спать, есть, отдыхать, ловить крабов, пока не докопаюсь до истины.

— Ты хочешь найти убийцу Милосердовой?

— Это всего лишь первый шаг. Я хочу узнать, кто относится к людям как к баранам и время от времени их стрижет. Так что ты рано меня хорошишь. Ну, как, присоединяешься?

— А что мне еще остается делать? — с обреченным видом пожал плечами Леша. — Не могу же я тебя бросить!

— А Анну ради меня бросишь?

— К сожалению, уже не смогу, — вздохнул он.

— Почему «уже»?

— Потому что она меня самого бросила.

— То есть? — спросил я, чувствуя, как сердце вдруг радостно забилося в груди, хотя, собственно, радоваться было пока нечему.

— Пришла ко мне, сказала, что тебя увезли в полицейской машине. Я вскочил, рубашку на себя напялил и говорю: идем, мол, вдвоем в полицию, выясним, что произошло. А она глаза опустила, плечом дернула, поправила лямку от сумки и сказала: «Никуда я не пойду. Я вас обоих видеть больше не могу. Прощай!» — Повернулась и пошла на остановку.

— Ты думаешь, что она уехала?

— Я уверен в этом. А ты на меня не обижайся, сам говорил, что вы свободные люди.

— Говорил, говорил, — передразнил я его. — Да что ты понимаешь в свободе! Когда она ушла?

— Часа два назад. Но ты не расстраивайся. Вернется. Если любит, то вернется.

— Если любит! Ты еще сомневаешься? Да таких баб, как Анна, на свете единицы! Она всю себя до капли, до дна, до порожнего звона отдавала мне! Не ценил я ее, Леша, не ценил. Вот за это и наказан... Потерял я человека. Потерял.

Глава 14

Какие дикие глаза должны быть у мужика, который только что проснулся с тяжелого похмелья! Леша смотрел на раскачивающуюся перед его носом маленькую замшевую сумочку с таким видом, словно на его лицо опуссался на крохотном парашюте зеленый чертенок.

— Что это?! — хрипло выкрикнул он, приподнимаясь и отталкивая мою руку с сумочкой от себя.

— Это «фенечка», Леша.

- Убери ее, к черту! Где ты ее взял?
- Я нашел ее на Диком острове. Она лежала на камнях как раз напротив яхты. Как ты думаешь, могла эта вещица принадлежать Милосердовой?
- А почему бы и нет?
- Ты серьезно считаешь, что банкирша носила ее на шее поверх делового костюма?
- У богатых свои причуды.
- Нет, — покачал я головой. — Я допускаю причуды, но не в отношении одежды и имиджа. Никакая уважающая себя женщина не позволит себе смешивать стили.
- Значит, эту штуковину забыли туристы.
- Минимум три недели на острове не было туристов, — отпарировал я.
- А может быть, ее забыли месяц назад.
- За месяц от соленых брызг и палящего солнца она превратилась бы в труху.
- Кто же, по-твоему, оставил ее на острове?
- А оставила ее некая молодая особа, одетая в шорты и маечку на бретельках.
- погоди! Я не успеваю за ходом твоих мыслей. Откуда ты взял девушку в шортах?
- Ее видел Караев. Она взошла на яхту на мысе Ай-Фока.
- Вот как? Значит, Милосердова была не единственной дамой на яхте?
- Выходит, так.
- Но не одни же они поплыли на остров?
- Я тоже думаю, что яхтой управлял мужчина.
- Выходит, либо он, либо девушка в шортах убили Милосердову.
- А мотивы?
- С мотивами сложнее.
- Но что, по-твоему, могло связывать их троих? Случайное знакомство? Общий бизнес?
- Когда мы узнаем, что связывало этих людей, то выясним и мотивы убийства... Кстати, пошли в магазин. Ты ни разу не встречал в нашем продуктовом магазине парочку хиппи? Они почти каждое утро приходят за продуктами.
- Что-то не припомню, — ответил Леша.
- Длинноволосый парень со шнурком на лбу и подружка его — худая и бледная, как моль, в какой-то мексиканской тряпке вместо майки. Не видел? Ну, неважно. Они стоят лагерем где-то недалеко от нас.
- Ты хочешь разыскать хозяйку этой «фенечки»? Бесполезная трата времени. Я уверен, что ее давно нет на побережье.

— Хоть бы за что-то ухватиться, Леша. Знакомые, друзья, адреса, телефоны — хоть что-нибудь!

Лицо Леша поскучнело. Ему не хотелось выходить из дома в жару, и он категорически отказался. Я отправился к магазину один, сел на скамейке недалеко от входа и стал ждать парочку хиппи.

Когда от жары у меня стали плавиться мозги, к магазину, шаркая шлепанцами, подошли длинноволосый парень с девушкой. Я подождал, пока они накупят продуктов и снова выйдут на улицу, и встал на их пути, показывая «фенечку». Парень, должно быть, решил, что я предлагаю им купить сумочку, и отрицательно покачал головой:

— Спасибо, у нас такие есть.

— Вы меня не поняли. Я хотел спросить, не знаете ли вы, кто потерял эту штуковину?

Девушка, близоруко щурясь, взяла «фенечку» и недолго рассматривала ее.

— Нет, — сказала она, пожимая плечами. — Это не моя. А где вы ее нашли?

Я махнул рукой куда-то в сторону.

— Там. Это наверняка кто-то из ваших друзей потерял.

— Может, кто-то из наших, — согласилась девушка. — Надо поспрашивать. Давайте ее нам, я покажу девчонкам.

— А можно, я сам покажу? Как мне проникнуть в вашу общину?

— А чего в нее проникать? — пожала плечами девушка, которую звали Кира, именно так обращался к ней длинноволосый. — Идите по берегу в сторону Нового Света. Под обсерваторией — знаете, где это? — нас и найдете.

— Татьяна это сумочка, — вдруг подал голос длинноволосый.

— Какой Татьяна? — обернулась к нему Кира.

— Из Кемерова. У них тент на камнях стоял, под ним они вповалку спали. Это правее нас, на самом краю пляжа.

— Постой! — подошел я к нему. — А с чего ты взял, что это сумочка Татьяна?

— Запомнил, — усмехнулся парень. — Такие сумочки мы сами шьем. Штучная работа. Двух одинаковых не бывает. Видишь, узелок у основания каждой нити? Вот я ее по этой примете и запомнил.

Я скомкал в кулаке «фенечку». Удача почти невероятная! Значит, в день убийства Милосердовой с мыса Ай-Фока на яхту поднялась, а затем вышла на берег Дикого острова некая Татьяна из Кемерова.

— Ну что ж, — произнес я, — вы мне очень помогли... Шампанского хотите?

— Мы не пьем, — поторопился отказаться парень.

«Баба с возу, — подумал я, кланяясь юным нигилистам на прощание, — кобыле легче». И поспешил на лодочную станцию.

Глава 15

Дима Моргун сидел под пляжным желтым зонтом, украшенным рекламой сигарет, глубоко увязнув в шезлонге. На носу Димы сидели черные непроницаемые очки, и я не мог сразу понять, дремлет он или же внимательно следит за «бананом», оседланным визжащими людьми, которые заплатили деньги, чтобы слегка прикоснуться к риску.

— А, это ты? — сонным голосом сказал Моргун, когда я нырнул в тень зонта, и протянул мне металлическую баночку пепси-колы. — Какие проблемы?

— Ты как-то предлагал мне прокатиться на «Ямахе», — ответил я, щелчком вскрывая банку.

— Нет проблем! Сейчас Сережа «банан» пригонит — бери «Ямаху» и катайся. В какую сторону погонишь?

Я махнул рукой в сторону Нового Света и спросил:

— А где сейчас «Ассоль»?

— В порту приписки. Где же ей еще быть?

«Ямаха» тем временем выла на высокой ноте, таская «банан» по волнам. Как раз напротив нас она развернулась и понеслась к берегу. Сделав эффектный вираж у самого берега, толкнула на песок волну и замерла. Парень спрыгнул в воду, вышел на песок, и Дима кивнул на меня:

— Дай ему ключи, пусть покатается.

Я не стал раздеваться и надел жилет на майку. Парень отвязал веревочный фал от «Ямахи» и затащил «банан» на берег.

— Готов? — спросил меня Моргун. — Будь внимателен, на скорости близко к берегу не подходи.

— Бензина достаточно?

— Тебе хватит. Валяй!

Я оседлал мотоцикл, сунул ключ в гнездо, сдвинул до щелчка тумблер запуска и резко повернул рукоятку газа. «Ямаха» рванула с места, скорость ее стремительно нарастала. Ощущение полета над водой пьянило и притупляло чувство страха. Справа от меня бежали скалы и пляжи, сменяя друг друга. Крепостная гора, скала Черепаха, дикий пляж, обсерватория... Я сделал глубокий вираж в открытое море, чтобы затем по большой дуге подойти перпендикулярно к берегу и не задеть днищем подводных камней, завел мотоцикл в тихую бухточку, где не было волны, и вышел на берег.

На краю обрыва, нависающего над узкой полоской пляжа, цветными пятнами бросались в глаза крыши палаток. Я взобрался по пористой поверхности валуна на его макушку и осмотрелся. Среди каменного хаоса, закрепленный на плавунах, на слабом ветру трепыхался выцветший, некогда синий навес.

Я сел на камень под навесом, который давал весьма скудную тень, так как зиял дырами и больше напоминал маскировочную сеть. Это было ложе, застеленное серыми тряпками из грубой мешковины. В каменной стене темнела неглубокая ниша, в которой стояли закопченный чайник с проволокой вместо ручки, гнутые алюминиевые тарелки, пакетики с порошковым супом и крупами.

— Эй! — вдруг раздалось за моей спиной, и я обернулся.

Незнакомый мужик в драных кроссовках, в тренировочных брюках с вытянутыми коленками и вылинявшей майке неопределенного цвета смотрел на меня из-под рваных краев соломенной шляпы. У него был очень воинственный вид, но едва я выпрямился, как он отскочил подальше и схватил попавшуюся под руку палку:

— Не подходи,огрею!

— Денег хочешь? — спросил я.

Он криво усмехнулся и как-то странно пожал плечами.

— Уй, не подходи! У меня первый разряд по боксу...

— А сейчас ты на тренерской работе? — спросил я.

— Нет, не на тренерской. Я тут начальник лагеря. Тебе-то чего надо?

— Помоги мне разыскать Танюшу.

— Какую еще Танюшу? — просипел он.

— Не дури. Знаешь, какую, — и я помахал перед его лицом «фенечкой». — Узнаешь?

— Кхы!.. Кхы!.. — откашлялся бомж. — А ты кто? Мент?

— Допустим.

— Ментов не люблю, — ответил он и тут же с интересом посмотрел на меня: — А на что тебе Танька?

— Сумочку вернуть надо.

— Стал бы ты из-за сумочки ее разыскивать, — не поверил он. — Нету у меня морального права выдавать тебе Таньку.

Что ж, пришлось применить жесткие меры. Быстрым движением я схватил «начальника» за ухо, пригнул его голову книзу, заставляя опуститься на колени, и прижал щекой к камню.

— Ну, как, появилось моральное право?

— А-а! — негромко заскулил бомж. — Лицо поцарапаешь!.. Не дави так, рубаху порвешь!..

— Где Танька? — повторил я.

— Где, где, с любовником своим откололась... Слушай, ты Таньку не трожь. Она хорошая. Она нам всем как сестра. Лечит, жалеет, песни красивые поет...

— Да хватит тебе причитать! — оборвал я его, с удивлением замечая на щеках бомжа слезы. — Ничего плохого я ей не сделаю. Скажешь, где она, — и я уйду.

— Откуда мне знать, где она гуляет. Я в личную жизнь не суюсь. У нас здесь друг за другом не следят. Нагуляется — сама вернется.

— Давно она ушла?

— Давно. Дня четыре назад.

— Как выглядел любовник? На кого похож?

— На кого? А хрен его знает, на кого.

— Ну ладно, — жестко сказал я. — Наш разговор только начинается. Слушай же, вобла сушеная. Твоя Танька подозревается в убийстве банкирши. Если станешь что-то скрывать, пойдешь по делу как соучастник. Этот мужик много раз бывал здесь?

— Два... Или пять. Придет, свистнет, а Танька все дни напролет в воде сидит. Он свистнет, а она из воды выскочит, шорты натянет — и к нему. День или два ее нет. Придет — отсыпается под навесом. Я ее чайком отпаиваю. Сама как дурная, хохочет все время, и еще пару раз рвало ее сильно. Я думал, что помрет.

— Она что, баловалась «косячком»?

— «Косячком»? — переспросил бомж и наморщил лоб. — Не-е, она кололась.

— Чем она наполняла шприц?

— Какой-то фуевиной из ампулы.

— Ампулы ей давал любовник?

— Не знаю. Утверждать не стану. Может быть, и любовник.

Я стал ходить вокруг тента, внимательно глядя себе под ноги. Когда поднялся выше, на небольшой каменный уступ, похожий на ступеньку, под ногой хрустнуло стекло. Я склонился и поднял округлый кусочек ампулы.

— Это? — спросил я бомжа.

— Это, — кивнул он.

На стекле можно было разобрать всего четыре буквы: «ОПОЛ».

— Скорее всего, омнопол, — предположил я. — Это наркотик, болеутоляющее.

— А мне без разницы, — пожал плечами бомж.

Я завернул осколок в газетный обрывок, спрятал в карман и сказал ему:

— Приду к тебе сегодня ночевать, будем вместе Таньку встречать. Приду с водкой, колбасой, хлебом и солеными огурцами.

— Э-э, — боюсь поселить в своей душе надежду, протянул бомж, — сколько тебя ждать?

— Минут сорок. От силы час.

— А что я тебе буду должен? Не так же просто ты станешь водкой угощать? Так ведь?

— А ты должен будешь всего лишь задержать Таньку, если она появится до моего прихода.

«Начальник лагеря» задумался, затем покачал головой и, чуть не плача от обиды, проговорил:

— Нет, не стану я Таньку удерживать. Кто я ей — папа родной, что ли? Пусть летит вольной птицей, куда хочет. Кто я ей? Встретились и разошлись, как облако с горой.

— Черт с тобой! — буркнул я, понимая, что теперь только удача и мои быстрые ноги могут помочь мне, и побежал к морю, где мягко покачивалась на волнах «Ямаха».

В моем представлении алкоголики кидаются на водку, как голодные на еду, в одно мгновение выпивают все, чем они располагают, и сразу же валятся с ног. «Начальник лагеря» вел себя иначе, чем приятно удивил меня. Он подолгу грел в ладони стакан с водкой, отпивал маленькими глотками, прислушивался к ощущениям, смаковал, словно у него в стакане было не дешевое крепкое пойло, а марочное вино столетней выдержки.

Я слушал его неторопливую речь, прерываемую долгими паузами, и подкидывал сухие ветки в маленький костер. Солнце давно закатилось за каменные рога горы Караул-Оба, и в темнеющем небе растворялись последние кровавые мазки. На море был штиль, и вокруг нас царила непривычная тишина.

— Балаболка она — вот что плохо. Вся душа нараспашку, — говорил бомж, глядя на корчившееся над хворостом пламя и покачивая стакан в руке. — Ни от кого тайн не держит. Пока мы вместе были, всю свою жизнь мне пересказала... Эх, блин горелый! Все-таки девчонку жаль. Влюбилась она там, у себя в Кемерове, в какого-то художника. Тот ее все, значит, в голом виде рисовал. Но только так, знаешь, не по-нормальному, а как если бы на бабу в сильно пьяном виде смотреть. Я в искусстве не очень-то понимаю, но Танька говорила, что это такое течение в живописи. Может, и вправду есть такое течение, в котором у баб сиськи больше, чем все остальное. — Он хмыкнул, покачал головой и чуть-чуть отпил. — Мне так кажется, что тот художник сволочь порядочная, он просто Таньке голову

крутил, а она — что ты! — имя его произносит шепотом, как молится богу, фотокарточку его в паспорте носит, как иконку. И что ты думаешь? Рисовал он ее, рисовал, поселился в ее комнате — мастерскую, значит, из нее сделал, в июне сюда, в Крым, ее привез, побаловался вволю, а потом бросил. Танька это по-своему понимает. Говорит, что он нашел себе другую натурщицу, которая талантливее, и от этого у художника картины лучше получаются. А ее, значит, пинком под зад. Ну, девка и покатила от горя. Стала по всяким подвалам шататься, к гадости этой, — он кивнул на пластиковую коробку, — приучилась. Снова сюда приехала, чтобы ходить по тем камням, по которым они с художником ходили. Эть, тошнота одна! — Он сплюнул под ноги и снова покачал головой. — Теперь, значит, нового любовника себе нашла. Как она говорит: клин клином вышибить надо. Забыться с ним хочет. Вот и забывается, да так, что иной раз меня не узнает и орет как резаная... А вообще-то она добрая девчушка. Я-то кто для нее? Так, бродяга, пьянчужка, у которого ни кола ни двора. А Танька на меня как на человека смотрит. Давно ко мне так хорошо не относились. Ладно, — изменившимся голосом добавил бомж. — Чего тут говорить, сам виноват... Ну, с богом! — И он первый раз за весь вечер выпил до дна.

...Я лежал на тряпке, подложив под голову обернутый джинсовой курткой камень, и смотрел на звезды. Где-то недалеко кряхтел, кашлял и отхаркивался в полусне бомж. «Странно все, — думал я. — Эта девушка Таня, ставшая наркоманкой из-за неразделенной любви и проникшаяся состраданием к бродяге. Этот бомж, алкоголик, потерявший все, кроме человеческих чувств, и сумевший легко и ненавязчиво убедить меня в том, что Танька не могла убить человека. Кто же она, эта загадочная Танька? Какое место отведено ей в этой запутанной истории?»

Глава 16

Я думал, что Леша в связи с моим исчезновением поднимет тревогу, но, оказывается, он тоже не ночевал в своем домике, а ездил на сутки в Симферополь. По его словам, главврач обнаглел уже настолько, что, кажется, намерен отозвать его из отпуска.

Мы сидели в тени виноградника, во дворе моей дачи, и перебирали сливы в большом тазу. Леша намеревался приготовить безумно вкусную наливку по особому староверческому рецепту.

— Ты знаешь, что такое пятнадцать операций в неделю? — спросил он, заливая сливы холодной водой и опуская в таз руки. — А срочные вызовы по ночам?

— Ты сам выбрал эту работу, — ответил я. — Теперь не жалуйся.

— Ты прав, я сам ее выбрал. И я люблю свою работу, как ты, допустим, любишь нырять за крабами. Но если тебя заставить заниматься этим делом сутки подряд, то скоро только при одном упоминании о крабах у тебя будет трястись голова... Так, придерживай крышку, будем сливать воду... Во всем, старина, надо знать меру, в том числе и в работе. Никогда в своем деле не следует проявлять излишнее усердие. Это вредно для нервной системы. — Леша поднял руки, выпачканные в сливовом соке, и попросил: — Полей-ка мне, пожалуйста.

Мы вышли в палисадник. Я стал лить Леше на руки.

— Почему не рассказываешь: нашел хозяйку «фенечки» или нет? — спросил он, тщательно вытирая руки полотенцем.

Я вкратце поведал ему о своей встрече с бомжем и достал из кармана завернутый в газетный обрывок кусочек стекла от ампулы.

— Посмотри-ка на эту штучку. Тебе, как врачу, проще определить, что это. Леша долго смотрел на кусочек стекла, лежащий у него на ладони.

— Омнопол, — словно раздумывая вслух, произнес он. — Если, конечно, я не ошибаюсь... Надо уточнить, чтобы избежать ошибки. Омнопол, старина, — лекарство строгого учета. Но надо уточнить... Я оставлю это пока у себя?

— Конечно, — кивнул я. — Можешь даже отвезти в Симферополь и показать всем своим коллегам.

— А вот всем как раз показывать не стоит. Потому что обязательно найдется какая-нибудь сволочь, которая настучит полиции. Омнопол — это сильный наркотик, и если, скажем, эта ампула была похищена со склада медикаментов, то этот случай попадает уже в область криминалистики... Мне кажется, что чем больше ты занимаешься убийством Милосердовой, тем больше возникает вопросов. Не пора ли остановиться и ответить хотя бы на некоторые из них?

— Что я могу ответить? — произнес я. — Наркоманка Танюша во всей этой истории играет явно не последнюю роль.

— Еще бы! Это деградировавшая личность — дно. Для нее не составляет никакого труда убить человека.

— Насчет деградировавшей личности ты немного преувеличил. Эту Танюшу я представляю себе несколько иначе. Это несчастный и очень ранимый человек, и она как раз совсем не похожа на убийцу. И как это «дно», выражаясь твоим термином, могло оказаться на яхте вместе с Милосердовой? Ведь между ними должна быть бездна, пропасть, космос! Умная деловая женщина, банкир — и деградировавшая наркоманка? Что их могло связывать?

— Я могу лишь предположить, — пожал плечами Леша. — Татьяна могла попасть на яхту совершенно случайно. Допустим, что в состоянии нар-

котического опьянения эта девица бродила где-то в районе мыса Ай-Фока. Увидела яхту, и ноги сами понесли ее на борт. Возможно, она была со своим любовником, а я больше чем уверен, что он тоже наркоша. Капитан яхты принял их за клиентов, которым должен был сдать яхту напрокат, и спокойно сошел на берег. Через некоторое время на яхту поднялась Милосердова — естественно, с сопровождением. Дальше могло быть все, что угодно. Наркоманы могли взять их в заложники и потребовать деньги. Мужчину могли убить, труп выкинуть за борт, а Милосердову — отвезти на остров и там истязать ее, а потом размозжить ей череп камнем... Подумай над этой версией, не отменяй ее напрочь.

— Хорошо, — согласился я. — Подумаю как-нибудь на досуге. А пока я прошу тебя составить мне компанию. Я хочу навестить господина Гурули.

— Кто такой Гурули?

— Это коммерческий директор «Милосердия».

— Ты уверен, что он станет с нами разговаривать?

— Уверен.

Глава 17

Это была бы совершенно невыполнимая задача — разыскать господина Гурули, если бы не помощь Володи Кныша. Следствие по делу об убийстве Милосердовой было приостановлено, все меры пресечения сняты, но тем не менее мудрая и многоопытная милиция ненавязчиво держала в поле зрения коммерческого директора скандально известного АО.

— Он теперь на вершине славы, — шепнул мне в коридоре Кныш, передавая листок бумаги с адресом и телефоном Гурули. — Страдалец, отсидевший несколько суток в сизо, борец с коррумпированной полицией. Куда нам с ним тягаться!

Он проводил меня до дверей, ведущих во дворик отделения. Протягивая руку, сказал напоследок:

— Иди через черный ход, не то вкладчики морду набьют... Зря ты все-таки занимаешься этим делом.

— А чем оно хуже тех, которыми мы когда-то с тобой занимались?

— Не понимаешь?

— Нет.

— Тогда ты безнадежен, — резюмировал Кныш и скрылся за дверью.

Мне пришлось сделать большой круг, чтобы вновь очутиться на центральной улице. Митинг у входа в отделение полиции распался со скоростью пожара на картонной фабрике. Толпа людей, взявшись за руки, скандировала:

— Мен-тов в тюрь-му! День-ги лю-дям!

Я обошел митингующих на почтительном расстоянии, вынул из кармана лист бумаги, который дал мне Кныш, и прочитал: «Ялта. Чехова, 137. 2-19-89. Виктор Резоевич».

Ялта, конечно, не бог весть как далеко, но этикет требует сначала позвонить. Я спускался вниз по улице как раз по направлению к междугородному переговорному пункту. Решения я привык принимать быстро и, приняв, уже особенно не задумывался над последствиями. Я включался в игру, которую мне навязали. Счет, который мне кто-то услужливо открыл в «Милосердии», естественно, предназначался для иной цели — скорее всего для того, чтобы навесить дополнительную улику против меня. Теперь же, когда дело Милосердовой было закрыто за отсутствием состава преступления, эту улику сам бог велел мне использовать в качестве ответного удара.

Я заказал десять минут разговора с Ялтой и, не готовя заранее речи, полагаясь только на экспромт, набрал номер господина Гурули.

Достаточно долго из трубки тянулись длинные, всевозможных звуковых оттенков гудки. Затем раздался сухой щелчок, и я услышал низкий и как будто сонный голос:

— Слушаю.

— Мне нужен Виктор Резоевич.

— Кто его спрашивает?

— Моя фамилия Вацура.

Недолгая пауза.

— Я вас не знаю. Кто вы?

— Вкладчик «Милосердия».

— Что вам надо?

— Я вам уже говорил.

— Виктор Резоевич вопросами вкладов в данный момент не занимается.

Опасаясь, что мой абонент сейчас положит трубку, я поторопился сказать главное:

— Видите ли, я хотел посоветоваться с господином Гурули о деле, которое затрагивает его личную безопасность.

Возникла пауза. Должно быть, я сказал достаточно витиевато, и мой абонент не сразу понял, что я имею в виду.

— Подождите, — нехотя сказал он.

В микрофоне снова что-то щелкнуло и запиликала электронная музыка.

— Да! — отозвался низкий баритон.

— Господин Гурули? — уточнил я.

— Да, слушаю вас. О чем вы хотите со мной посоветоваться?

— Мне кажется, это дело затрагивает ваши личные интересы.

— Короче, пожалуйста.

— Два дня назад ко мне обратился представитель одной малоизвестной фирмы, которая... как бы мягче это сказать... в общем, которая способствует возврату долгов своим клиентам.

— Так... И что вы хотите?

— Вашего совета. За свои услуги эта фирма просит треть от той суммы, которая лежит на счете «Милосердия»...

— Вы меня шантажируете? — усмехнулся Гурули. — А не боитесь, что я запишу ваш голос на диктофон и через полчаса передам кассету в милицию?

— Нет, не боюсь, — признался я. — Я только что был в милиции, где мне и дали ваши телефон и домашний адрес. Я прошу у вас свои деньги.

— Надо же, какой вы храбрый! А вы уверены, что деньги в самом деле ваши?

Вот теперь начался интересный разговор!

— Видите ли, я уверен в другом: что в Крыму больше нет другого Вацуры Кирилла Андреевича, проживающего в Судаче на улице Истрашкина. А коль так, значит, счет открыт на мое имя.

— Железная логика... Секундочку, я посмотрю свои бумаги... Так, Вацура... Ого! Да у вас приличная сумма.

— О чем и речь.

Гурули сдержанно рассмеялся.

— Значит, вы хотите получить свои деньги назад?

— Совершенно верно.

— К сожалению, вы не одиноки в своем желании. Десятки тысяч вкладчиков хотят того же.

— Выходит, вы мне отказываете?

— Погодите, не горячитесь. Надо подумать, где взять такую сумму для самого храброго нашего вкладчика. Вы же, должно быть, знаете, что Милосердова утащила все наличные деньги с собой на тот свет? Там, понимаете ли, тоже жить надо.

— Как раз в этом я сильно сомневаюсь.

— В чем именно?

— В том, что она утащила деньги с собой.

— Ну да, конечно, — снова усмехнулся Гурули. — Вы, должно быть, материалист. Отрицание загробной жизни и тому подобное.

— Вам не кажется, что наш разговор становится бессмысленным?

— Мне так не кажется. А вы, простите, торопитесь?.. Ах да! Вы ведь по междугородному звоните. Денежки бегут быстрее, чем слова... Еще минутку, даю слово, что не стану слишком разорять вас. Дайте мне два дня,

чтобы определиться с вашим вкладом. — Он произнес слово «вашим» откровенно насмешливым тоном. — А потом мы с вами встретимся и, полагая, решим все вопросы.

— Где мы встретимся?

— Скажем, в восемь часов вечера на взлете за поселком Морское. Там, знаете, когда-то памятник большевистскому десанту стоял, но после усердия вандалов остались лишь ноги матросов. Вот прямо рядом с этими ногами я и буду вас ждать. Как вы будете одеты?

— В серый костюм.

— Хорошо. А я, возможно, подъеду на авто. Вот только еще не решил, на какой именно марке... И последнее, что я хочу вам сказать: если вы на самом деле хотите получить, так сказать, свои деньги, то приходите один, без свидетелей. Мне очень бы не хотелось, чтобы еще кто-либо из наших клиентов, подражая вам, стал брать меня за горло.

И он первым оборвал связь.

Кто утверждает, что самой недоступной тайной для каждого человека является день и час его смерти, тот глубоко заблуждается. После телефонного разговора с господином Гурули я уже мог сказать совершенно определенно: если ничего не менять и отдать себя во власть судьбы, я погибну послезавтра, в восемь часов вечера, у ног морских десантников. Скорее всего, меня пристрелят из окна автомобиля, а труп сбросят с обрыва в море. Хорошо бы до этого устроить очную ставку и показать Гурули «начальнику лагеря». Я больше чем уверен, что мой бомж узнает в нем любовника Татьяны. На сегодняшний день он — единственный свидетель, если не считать пропавшей Танюши. Но я пока не знал, как органирую «очную ставку», как буду уговаривать моего бомжа отправиться в Морское, к разбитому памятнику, где в восемь часов вечера наверняка прозвучат выстрелы.

Глава 18

Для меня, человека нетерпеливого, спуститься с горы намного труднее, чем подниматься. Вниз тело само летит, и кажется, что стоит только по сильнее оттолкнуться ногами, как легко воспаришь над склоном, поросшим можжевельовыми кустарниками и кипарисами, а затем спланируешь на берег. Но приходилось все время притормаживать, противиться земному тяготению, мелко перебирать ногами, петлять между темно-зелеными пятнами стланика, ветви которого цеплялись за ноги и царапали кожу.

Я вдруг споткнулся о лежащую на земле ветку можжевельового стланика, и на мгновение моя мечта сбылась — я полетел по низкой глиссаде, при посадке тараня лбом ствол молодого кипариса, который, собственно, и со-

хранил для человечества и правосудия мои мозги. Матерясь, я некоторое время сидел на камне, растирая кровь по разбитому локтю. Еще окончательно не придя в себя после столь стремительного взлета и приземления, я посмотрел вниз, на пляж, на каменную корону, цирком опоясывающую присыпанное желтыми иглами ложе, в котором я провел минувшую ночь. Все было, как и прежде. Все, кроме одного: бесследно исчез дырявый навес, служивший моему бомжу и его подруге-наркоманке крышей. От него осталась лишь одна палка-опора, сиротливо торчащая среди камней.

Прихрамывая, я спустился на пляж и стал осматривать прибрежную полосу. Бомжа нигде не было видно. Но не это насторожило меня. В «тайнике», где бродяга хранил коробочку с иглами Татьяны и куда я положил опустошенные вчера водочные бутылки и стаканы, теперь ничего не было, кроме высохшей крабьей клешни да пучка водорослей. Все остальное — закопченный чайник с проволокой вместо ручки, гнутые алюминиевые тарелки, пакетики с порошковым супом и крупами, дорожный знак — лежало на своих местах. Но не было главного, во всяком случае, для меня, — тех предметов, к которым я прикасался.

«Ерунда, — успокаивал я себя, стараясь не принимать во внимание дурной знак. — Это просто совпадение. Бутылок нет потому, что бомж попросту понес их сдавать, а стаканы он спрятал в более надежное место. Стакан для алкоголика — все равно что смычок для скрипача, он его должен беречь и лелеять. А что касается иголок, то на кой черт ему эти иголки, раз Татьяна уехала».

Раздумывая таким образом, я бродил по берегу, наступая на вялые волны, и чуть было не прошелся по девушке, наполовину лежащей в воде. Брызги упали ей на впалый живот, она ойкнула, сняла темные очки, и я узнал Киру, которую вместе с угрюмым хиппи встретил у магазина.

— Привет! Я подумал было, что это лежит большая рыбина, которую выбросило на берег штормом, и хотел стащить ее в море.

— Ну, стащил бы, — усмехнулась Кира.

— А твой вечно недовольный пацифист не станет возражать?

— Он в поселке. Как с полицией уехал, так до сих пор не вернулся.

— Разве его забрали в полицию?

— Нет, его не забрали. Он деда помогал наверх затаскивать.

— Какого деда? — не понял я.

— А ты разве не в курсе, что здесь произошло? — По моему лицу Кира поняла, что я «не в курсе», и пояснила: — На тех дальних камнях пьяница один обитал, так сегодня в обед он «сыграл в ящик».

— На чем он сыграл? — переспросил я и кашлянул, поперхнувшись чем-то. В горле саднило, словно я подавился рыбьей костью. — Он что, умер?!

Кира кивнула.

— Я туда не ходила, мне не нравится на покойников смотреть. А ребята «скорую» и полицию вызвали и вытащили его на шоссе.

— А что с ним случилось? Почему он умер? Он сегодня утром был жив и здоров! — воскликнул я.

— Ну, от чего еще алкаш умереть может? Отравился денатуратом или тормозной жидкостью — словом, суррогатом каким-то. Рядом с ним бутылку и стакан нашли.

— Он что — один пил? — спросил я, с ужасом ожидая, что ответит Кира.

— Один. Я видела его утром — он песком чайник драил, а потом к нему сверху какой-то мужик спустился.

— Какой еще мужик?

— Не знаю. Мало ли кто здесь ходит! Собутыльник или бродяга. Я так думаю, что этот мужик нашему алкашу бутылку с денатуратом и продал.

— С чего ты взяла, что это он продал?

— А он минут через пять ушел наверх, а наш алкаш тут же квасить начал. Мы еще смеялись: вот, мол, бизнес и на диком пляже процветает, опохмелятор прямо на берег доставляют. Он стакана два выпил, а потом его как поведет из стороны в сторону, он как шваркнется мордой о камни — и все, никаких признаков жизни. Ребята сбегали к нему, перевернули, а тот уже хрипит, и пульс на нуле. «Скорая» только через сорок минут приехала.

— А этот, собутыльник... — бормотал я с таким чувством, словно падал в затажном прыжке, а у меня не сработали ни основной, ни запасной парашюты. — Ну, этот, который бутылку принес... Ты его запомнила? Опознать смогла бы?

— Нет, вряд ли, — отрицательно покачала головой Кира. — Это далеко. Да и не приглядывалась я.

— А как он был одет, ты ведь могла запомнить?

— В спортивный костюм, кажется... А чего это ты так всполошился? Родственник, что ли, помер? Одинокий бомж случайно напился яду...

Я смотрел на наивное существо, лежащее в тихом прибое.

— Случайно, девочка, ничего не происходит. Особенно на этом берегу.

Глава 19

Мне позвонил Володя Кныш и сообщил, что завтра состоится похороны Милосердовой, хоронить будут в Симферополе, в десять утра. А тут как раз удобный случай — главврач все же «дожал» Лешу, и он два дня назад снова уехал в Симферополь. Я еще успевал на последний рейсовый автобус и, быстро собравшись, отправился к нему. Какой-никакой, а он все-

таки стал мне настоящим другом, к тому же я хотел присутствовать на этих похоронах.

Когда я поднялся в его квартиру, он был уже навеселе. Тут же потащил меня на кухню, но вдруг остановился на пороге и стукнул себя по лбу:

— Надо же, друг пришел, а у меня ни капли спиртного дома.

— И не надо, пить все равно не буду, завтра утром мне надо быть на похоронах Милосердовой.

— Ну и что? Это же завтра, а у нас вся ночь впереди. Слушай, сделай милость, сгоняй за бутылкой, я не в той кондиции. — Леша сунул руку в карман, извлек оттуда горсть смятых купюр и протянул мне. — За домом есть коммерческий киоск, работает круглосуточно.

Болтаться ночью в поисках спиртного по незнакомому району — не самое лучшее занятие, но я не стал с ним спорить, понимая, что сейчас это совершенно бесполезно.

Я побежал к киоску, купил бутылку темно-красного напитка с оптимистичным названием «Улыбка» и в прежнем темпе устремился обратно к дому.

Еще издали я увидел Лешу. Он стоял рядом с мусорным баком и стучал по нему ведром, вытряхивая содержимое. Увидев меня, Леша сделал странное движение, словно хотел спрятаться, но, убедившись, что я иду прямо на него, выпрямился, что-то вынул из кармана, и в его руке вспыхнула спичка. Когда я подошел ближе, мусорный бак полыхал, как олимпийский огонь.

— Ты хулиганишь, — сказал я, несколько удивленный странным поведением друга, и взял его за руку. — Сейчас сюда нагрянут пожарные и обольют нас пеной.

— Пусть горит, — ответил Леша, не сводя глаз с огня. — Не вывозят вовремя, плодят крыс и всякую нечисть.

Я потащил его к подъезду силой. Впрочем, он скоро перестал сопротивляться и, размахивая ведром, стал бодренько подниматься по лестнице.

Когда мы зашли в квартиру, Леша сразу отправился на кухню и крикнул оттуда:

— Слушай, ты тушенку будешь холодной есть или ее подогреть?

— Я вообще не хочу есть, — ответил я. — Лягу спать, глаза слипаются.

Ответом мне, как ни странно, было полное молчание. Я подождал немного, потом не выдержал и заглянул в кухню. Леша сидел на табурете, прислонившись спиной к стене, и, запрокинув голову вверх, спал. Рот его был открыт, и потому он тихо похрапывал. Я опустил его на диван, прикрыл пледом, а сам лег на полу — мягкий ворс пружинил подо мной, как матрац, и я не чувствовал неудобства.

На следующее утро я сидел в изголовье дивана и думал, что бы еще предпринять, чтобы разбудить Лешу. Бил его по щекам, зажимал пальцами нос, тряс за челюсть — все было тщетно, он лишь отсылал меня куда-то очень далеко, невнятно бормотал, что ужасно хочет спать, и натягивал плед на голову. В конце концов я мог обойтись и без него. Похороны в десять. Больше часа там делать нечего. Значит, в двенадцатом часу мы могли бы встретиться, скажем, на автостанции.

Я выпил чашку кофе, оставил Леше записку и вышел на улицу. Мне без труда удалось остановить первую попавшуюся легковушку.

— В парковую зону, — сказал я водителю.

— А-а! — кивнул он, сразу догадавшись, куда мне надо. — На похороны?

У ближайшего поста несколько полицейских выстраивали целую колонну автомобилей в один ряд. Мы остановились. Все вокруг наполнилось воем сигнальных гудков. Некоторые водители, безнадежно увязнув в пробке, глушили моторы и выходили из душных кабин на воздух. Мой водитель тихо ругался, крутил во все стороны головой, дергал рычаг скоростей, и машина медленно, сантиметр за сантиметром, проталкивалась вперед. Наверное, он горько жалел о том, что согласился подвезти меня на кладбище.

Вдруг мимо нас по встречной полосе с воем пронеслись черные «Волги» — штуки три или четыре. Мой водитель быстро сообразил и, вырвав на встречную полосу, помчался вслед за ними. Пристроившись к ним в хвост, мы помчались вдоль бесконечной вереницы автомобилей.

— Неужели они все едут на похороны Милосердовой? — не поверил я.

— А куда ж еще? Ты посмотришь, что на кладбище будет твориться. Туда с вечера три грузовика с полицией поехали. Беспорядки могут быть.

— Отчего же беспорядки?

— Как отчего? Народ недоволен. Была Милосердова жива — каждый имел дополнительно к пенсии или заработку. А что, разве плохо? Я тоже с каждой пенсии десяток акций брал. Правда, долго не хранил, обычно через месяц сдавал. Выходило, знаешь, не слишком много, но кое-что мог себе позволить. А другие по сто, а то и по двести акций на руках держали. Кто на что копил. Кто на собственные похороны, кто на машину, кто на отдых. И все в одно мгновение — пшик! Наверное, целые миллиарды пропали. Кто ж поверит, что это несчастный случай? А дело, тем не менее, прикрыли, Гурули, этого жулика, выпустили. Не иначе здесь идет большая игра.

— А почему вы думаете, что Гурули — жулик?

— Да потому, что он теперь с полицией и властями заодно. Чуть припугнул их, как они лапки кверху и дверку тюрьмы нараспашку. У них, чтоб ты знал, тайный договор: ты нас не трогаешь, а мы — тебя.

— Значит, вы думаете, что деньги присвоил Гурули?

— Я думаю, что он щедро поделился с нашими, так сказать, народными избранниками. И людям, конечно, это не понравилось. Вот потому сегодня на похороны полгорода придет... Вы, кстати, тоже вкладчик?

— К сожалению, — соврал я.

— И много у вас акций, если, конечно, не секрет?

— На двадцать пять тысяч долларов.

Больше он со мной не разговаривал.

У следующего поста тот же фокус не прошел. Пропустив «Волги», гаишники отчаянно замахали нам жезлами, словно намеревались выбить стекла в нашей машине. Водитель притормозил, свернул на свою полосу и воткнул машину в узкое пространство между другими автомобилями.

Мы опять встали и, по всей видимости, надолго.

— Далеко еще? — спросил я.

— С километр.

Я рассчитался с водителем и вышел из машины. По обочине дороги к кладбищу шел поток людей, словно паломники — к святому месту. Кладбище, напоминающее зеленый остров среди поля, уже и без того было заполнено людьми. Увидеть что-либо, как и протиснуться вперед, было невозможно. Кажется, траурный митинг у могилы приближался к концу, потому что люди заволновались, стали привставать на цыпочки; в некоторых местах над головами взлетели транспаранты и плакаты с черными лентами. Я не видел, что на них было написано. Должно быть, то же, что я уже читал на митингах.

Сзади, подвывая мотором, сквозь толпу протискивался «Москвич» с фургоном. Он не сигналил, а буквально напирал на толпу, и люди на несколько секунд расступались перед машиной. Рядом с водителем сидел полицейский. Высунув голову из окна, он негромко повторял как заведенный:

— Дорогу! Дорогу! Дорогу!

Однако машина не стала въезжать на территорию кладбища и остановилась перед входом. Водитель долго не мог открыть дверцу — ее прижали десятки тел. С трудом вытолкнув себя из кабины, он принялся изо всех сил расталкивать всех подряд локтями и, наконец, открыл дверку фургона. Сюда же проталкивались двое молодых парней в черных костюмах. Водитель наполовину влез в фургон и вытащил оттуда венок, перевязанный черной лентой. Я успел разобрать надпись: «Эльвире Леонидовне от служащих банка «Коктебель-инк». Венок подхватил один из парней в черном и, подняв его над головой, стал протискиваться к входу. Водитель вытащил второй и передал его другому парню.

И тут я понял, что надо сделать. Аккуратно отодвинул в сторону мужчину в голубой рубашке, стоящего впереди меня, и, оказавшись рядом с водителем, я сказал:

— Давай мне, я отнесу.

Водитель мельком посмотрел на мое лицо, черную футболку, джинсы и полез за очередным венком. Он был поскромнее предыдущих, и на его траурной ленте значилось: «От студентов факультета маркетинга и менеджмента». Как и мои предшественники, я поднял венок над головой и танком пошел вперед. Омоновцы, стеной стоящие на входе, пропустили меня без всякой задержки, и я облегченно вздохнул, оказавшись на территории кладбища, заполненного намного меньше, чем подступы к нему.

Центр кладбища, где среди зелени кустов торчали сотни обнаженных голов, покрасневших от жары и переживаний, был окружен еще одним полицейским заслоном.

— Куда вы претесь?! — шепотом проговорил майор полиции, отталкивая меня от себя. — Не видите, митинг идет. Обойдите, черт вас возьми, по кругу! Чтоб духу вашего здесь не было!

Я поднялся по дорожке выше и с пригорка смог рассмотреть вырытую яму, закрытый гроб из красного полированного дерева с бронзовыми ручками, поставленный на складной каркас, людей в черных костюмах, микрофоны, колонки, цветы, цветы, цветы...

Загорелый мужчина зрелого возраста, одетый в строгий костюм, держа в руке микрофон, не меньше минуты подыскивал слова соболезнования, после чего голосом, от которого у меня побежали мурашки по коже, произнес:

— Дамы и господа! Друзья! Великое несчастье постигло нас всех. Верно говорят: смерть выбирает лучших. От нас ушла Эльвира Леонидовна Милосердова — человек, которому по душевной доброте и милосердию не было и не будет равных... Мы живем в такое время, когда каждый думает только о себе. Мы перестали сострадать друг другу, все реже протягиваем руку своему ближнему и уже почти не замечаем вокруг себя обездоленных, страждущих и нищих...

Я спустился вниз и приблизился к гробу, неся в руках венок. Пожилая особа в черной блузке, стоявшая впереди меня, низко склонила голову, пряча лицо в платочек. А оратор, тем временем, продолжал говорить:

— Но для того и появилась в море людском Эльвира Милосердова, для того и посвятила себя благотворительной деятельности, чтобы возразить: нет, не зачерствело сердце человека. Пусть же земля тебе будет пухом!..

— Простите, — шепнул я женщине, — мне надо поднести венок...

Она обернулась, прошептала «да-да» и посторонилась.

Я встал в первом ряду. Впереди меня уже никого не было — только гроб и большая фотография под стеклом, обтянутая на углу черной лентой. Мне показалось, что снимок для такого помпезного случая был не очень удачный — мутный, слабоконтрастный, переснятый явно с плохого и старого оригинала. Из-за стекла на меня смотрело совсем юное лицо красивой девушки с вьющимися пепельными волосами, одетой в школьную форму с белым фартуком. Под снимком стояла подпись: «Милосердова Эльвира Леонидовна», даты рождения и смерти. Я подсчитал. На сегодняшний день ей исполнилось двадцать девять лет. Организаторы похорон не смогли найти более подходящего снимка и воспользовались школьным альбомом?

Мужчина в костюме повесил микрофон на стойку и отошел в сторону. Возникла недолгая пауза, и на середину вышла пожилая особа, которую я просил подвинуться. Она дрожащими руками взяла микрофон и произнесла:

— Мне очень трудно говорить, Эльвирочка была моей любимой ученицей. Гордость школы, умница, отличница... Я не могу поверить в то, что случилось. Это просто не укладывается в голове...

Некто, стоящий за спиной учительницы, поднял руку и сделал знак. К яме протиснулись четыре мужика в синих халатах и с лопатами. Молодой, коротко стриженный парень подошел к седовласому мужчине с крупным носом и тонкими усиками и протянул радиотелефон. «Может быть, это господин Гурули?» — подумал я.

Траурный митинг подходил к концу. Я не сводил глаз с портрета Милосердовой. Мне показалось, что это лицо мне знакомо. Оно напоминало... Кого же оно мне напоминало? Артистку? Телеведущую? Кого-то из моих старых знакомых?

Откуда-то из-за кустов заструилось тихое пение виолончели, к ней присоединились флейта, скрипки. Музыка вызвала новую волну эмоций, и многие женщины стали плакать навзрыд. Мужики в синих халатах тем временем принялись за работу. Протянули под гробом широкие брезентовые ленты, подняли его и, встав по краям, стали опускать гроб в яму, затем взялись за лопаты, засыпая могилу, после чего подравняли могильный холмик, и один из них повернулся ко мне, взял из моих рук венки и вогнал его опорные ветви в мягкий грунт. Я стал ему помогать, расправляя ленточки, чтобы было видно надпись.

Когда все закончилось, пожилая учительница медленно побрела по дорожке вниз. Стараясь не потерять ее из виду, я поспешил за ней и, догнав ее, произнес:

— Простите меня, но я был тронут вашим выступлением. Не знаю, к месту ли сейчас моя просьба, но мне очень хочется больше узнать об Эльвире.

Женщина прикрыла глаза и молча покачала головой.

— Не сейчас, — едва слышно произнесла она. — Я не могу. У меня просто нет сил.

— Но где я смогу вас найти?

— Вы из газеты?

Я кивнул.

— Обязательно напишите об Эльвире... Вы правы, эта девочка заслуживает того, чтобы о ней знали все. Напишите об ее замечательных качествах, об ее человеколюбии. Слышите? О человеколюбии! Вы, газетчики, совсем уже не пишете на эту тему... Я — учительница русского языка и литературы, меня зовут Наталья Ивановна. Вы можете найти меня в двадцать третьей школе. Но потом — когда в школе начнутся занятия.

Я взял ее под руку, довел до автобусной остановки и попрощался.

Леша, что меня приятно удивило, ровно в одиннадцать тридцать стоял под башенными часами железнодорожного вокзала — в том месте и в то время, которые я указал в записке.

— Ты исправляешься, — сказал я ему, пожимая руку.

— Ну, рассказывай! — нетерпеливо проговорил он. — Народ только и обсуждает похороны. Говорят, там даже было небольшое побоище?

Мы медленно шли к стеклянному «барабану» автостанции.

— Он тысячу раз прав, — вдруг задумчиво проговорил я.

— Кто?

— Тот певец, который утверждал, что мы живем в стране дураков.

— Ты только что это понял? — усмехнулся Леша.

С платформы на привокзальную площадь хлынул поток приезжих. К ним, словно волки на стадо баранов, кинулись «жучки», позвякивая ключами от автомашин.

— Кому на Ялту, Алушту, Гурзуф?

— Судак, Феодосия, с ветерком!

— Десять человек беру на Ялту, Алушту. Уже отправляемся! Совсем недорого!

— Одно место на Евпаторию!..

Кое-кто шарахался от частников как от прокаженных, кто-то проявлял интерес и прикидывал цену. Те, для кого отпуск только начинался, с деньгами расставались легко.

— По кружке пивка? — предложил Леша.

— С удовольствием.

Пиво пахло морем и протухшей рыбой. Я почувствовал, что уже успел соскучиться по морю, по своей даче, по Старой крепости. По Анне.

— Ну, чего молчишь, словно пива в рот набрал? — скаламбурил Леша. — Там тебя случайно дубинкой по горбу не огрели?

— Нет, пронесло.

— Жалко людей. Особенно стариков. Копили, копили себе на старость, потом поменяли деньги на акции, стали подсчитывать прибыль, мечтать о новой одежонке, обуви, и вдруг — на тебе! Все надежды вместе с Милосердовой ушли в могилу. Представляешь, сколько в той могиле людской надежды и веры в будущее? А ты, наверное, к самой могиле не смог протиснуться?

— Смог, — ответил я.

— И фотографию Милосердовой видел?

— Да я рядом с гробом стоял!

— И как, интересно, она выглядела при жизни?

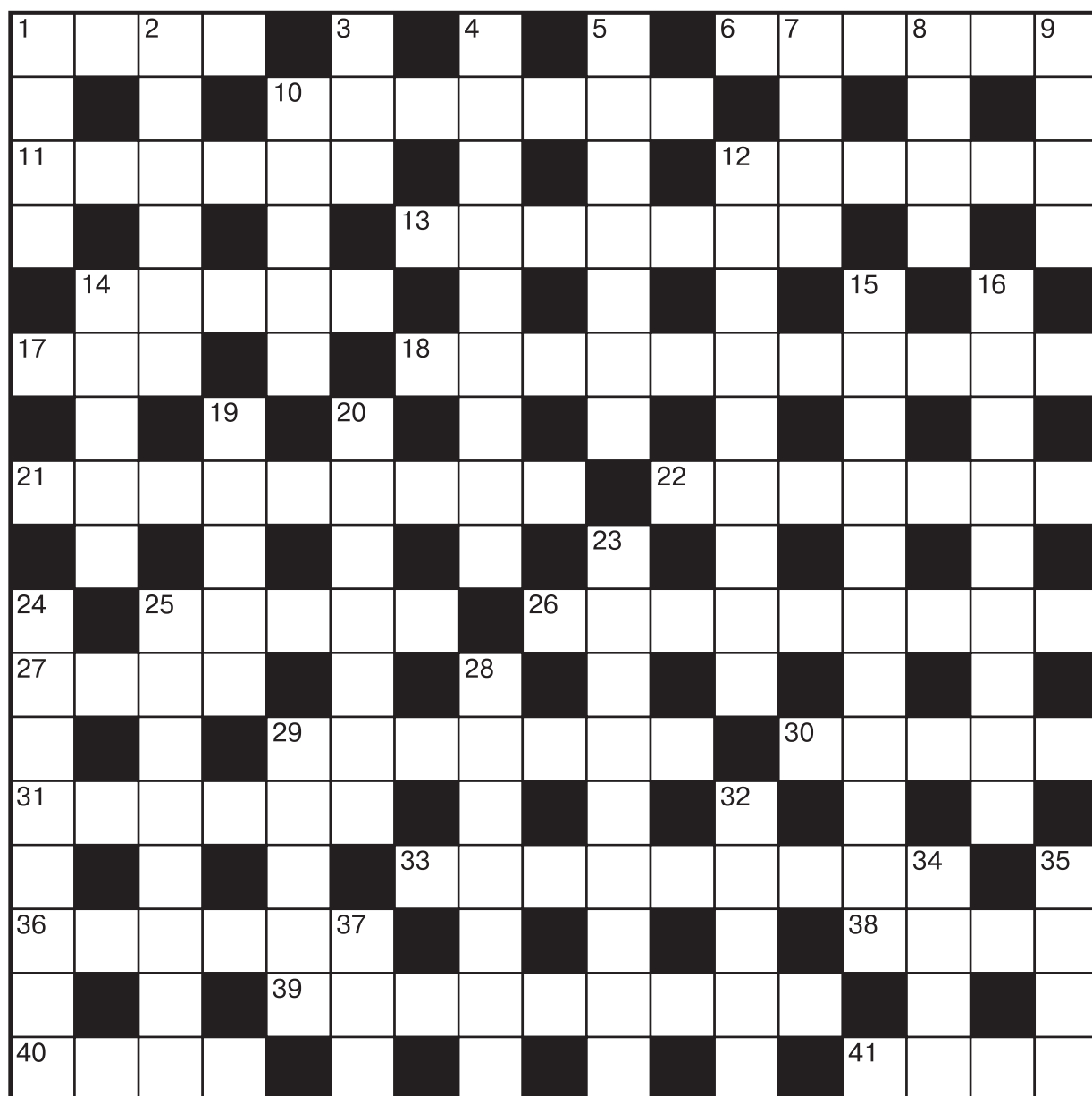
— Нормально. Вполне симпатичная девочка... Только не Милосердова меня сейчас волнует.

— А кто же?

— Кто волнует? — переспросил я. — Та, кого на самом деле сегодня похоронили. □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Корм для моли». **6.** Кто из сыновей Зевса носил «крылатые сандалии»? **10.** Столичная река США. **11.** «Эликсир молодости» для олимпийских богов. **12.** В какое учреждение определили на перевоспитание героя фильма «Усатый нянь»? **13.** Санные состязания в программе Белой Олимпиады. **14.** Какое

озеро Армении в советские времена хотели уменьшить в шесть раз? **17.** «Стол для переговоров» в Интернете. **18.** «Талант загубить всякое дело». **21.** «Молочный брат» Остапа Бендера. **22.** Какому предмету был посвящен тот самый учебник, для которого Редьярд Киплинг сочинил больше двух десятков сти-

хотворений? **25.** Ящерица крупного калибра. **26.** «Домашний убийца» комаров. **27.** Какой боевик открыл дорогу в большое кино для Натали Портман? **29.** На какого мужика дамы всегда смотрят, разинув рот? **30.** Путь укрощения обжорства. **31.** «Ежик в горшке» на окошке. **33.** В каком цитрусе куча согласных? **36.** Клиника с акушерами. **38.** Трилогия «Московская ...» Василия Аксенова. **39.** Каким бизнесом вдова Клико прославилась? **40.** Птица, чьи перья идут на лучшие искусственные мушки для ловли форели. **41.** Сальто власти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Давайте, Люся, потанцуем, дает нам жизнь прекрасный ...» **2.** Нобелевский лауреат, чей портрет попал в комедию «Тутси». **3.** Какому богу скандинавы в давние времена посвящали четверг? **4.** Чем стреляет из пистолета сын Семена Семеныча? **5.** Молодняк огороdnика. **7.** Какая смазка у христиан «облегчает путь в рай»? **8.** Хрустальное сооружение «анженерной работы» из

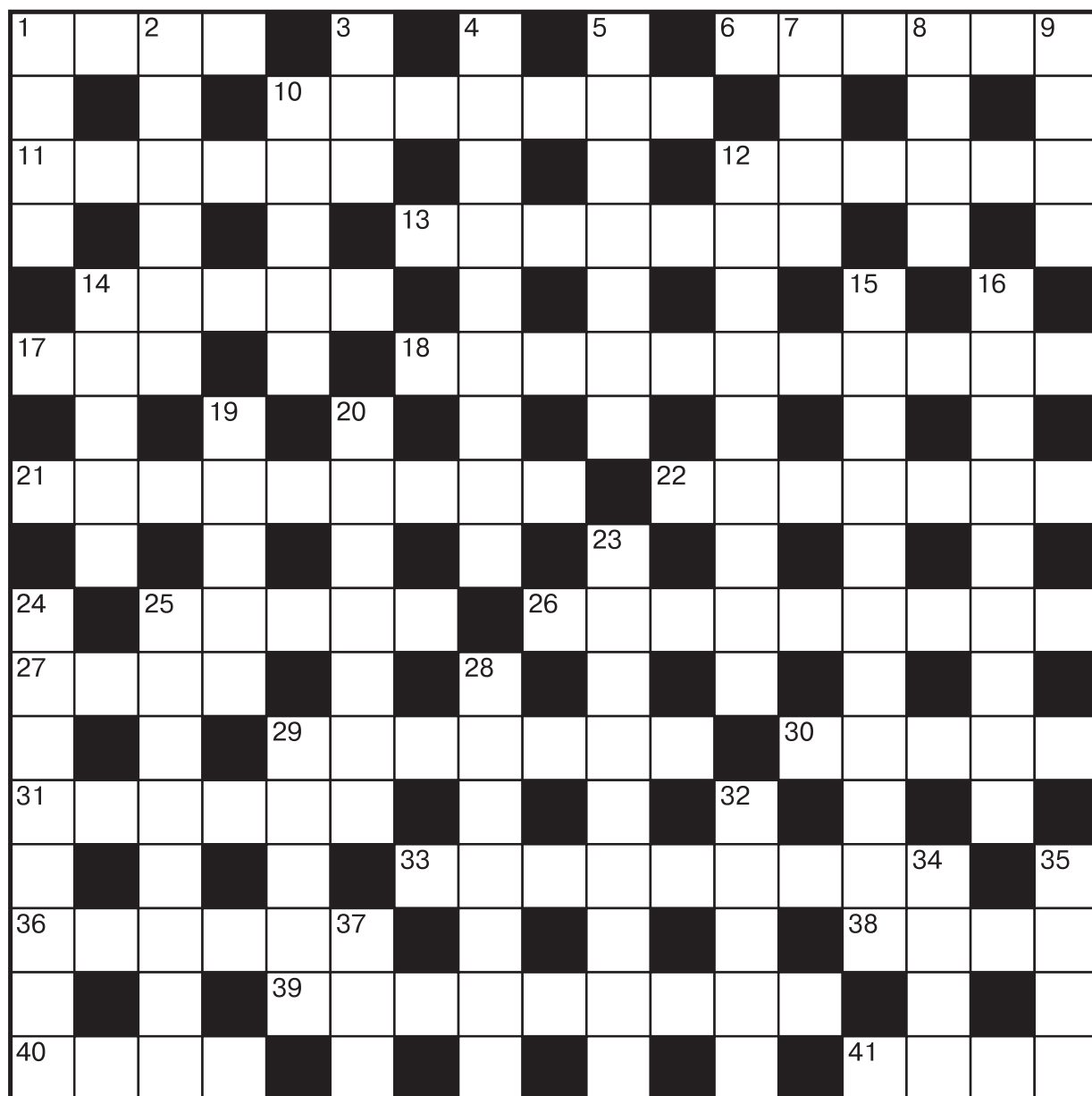
мультфильма «Волшебное кольцо». **9.** Каким напитком особенно славится Нормандия? **10.** Кто в романе «Три мушкетера» Александра Дюма, убивая, не становится грешником? **12.** От чего Иван Тургенев лечился пушкинскими стихами? **14.** Крабовый шедевр, приготовленный Галей из комедии «Ирония судьбы». **15.** Причина пандемии, объявленной ВОЗ в начале 2020 года. **16.** Что возрастает в процессе торгов на аукционе? **19.** Котел для бешбармака. **20.** Крупнейший город Венесуэлы, который дважды был разрушен землетрясениями. **23.** Первый с конца. **24.** Кто приходит ликвидировать «конец света»? **25.** Какая собака могла бы защитить Красную шапочку вместе с бабушкой? **28.** Лом при капитане Врунгеле. **29.** Кто из патриархов нашего кино выпустил «Грешные записки»? **32.** Джинн ада из сказок «Тысяча и одна ночь». **34.** «Провозглашение» объекта «запретным плодом». **35.** Девяносто минут по футбольным меркам. **37.** Байка из жизни богов.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Марка. **9.** «Морозко». **10.** Сдвиг. **11.** Блины. **12.** Вершина. **13.** Слезы. **14.** Страсть. **16.** Палатка. **19.** Смак. **21.** Ампула. **23.** Ангел. **24.** «Адидас». **25.** Султан. **26.** Филби. **27.** Бридж. **29.** Трос. **31.** Маклауд. **33.** Латынь. **34.** «Муллан». **35.** Осетр. **37.** Детдом. **39.** «Викинг». **40.** Намибия. **41.** Алоэ. **42.** Забава.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гомер. **2.** Форшмак. **3.** Скандал. **5.** Аэлита. **6.** Канзас. **7.** Адель. **8.** Линза. **13.** Стамбул. **14.** Скандинавский. **15.** Юстас. **16.** Панибратство. **17.** Альтернатива. **18.** Харнесс. **20.** Безбилетник. **22.** Бандонеон. **28.** «Бум». **30.** Кладка. **32.** Дубина. **36.** Игра. **38.** Мак.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Женщины моря» с корейского острова Чеждудо, которые не используют никакого снаряжения, ныряя за съедобными водорослями. **6.** Рагу с бараниной из английской кухни. **10.** Прозвище молодого итальянского механика Бенуа Фальчетто, с которым отправилась в свою смертельную поездку Айседора Дункан. **11.** Верхняя губа.

12. Круговое движение при исполнении танго. **13.** Кто из немецких канцлеров состоял в пионерской организации? **14.** Какое озеро Сенегала когда-то было конечным пунктом гонки Париж — Дакар? **17.** Прообраз хоккея у древних славян. **18.** Какой врач попытался прорваться из осажденного Берлина вместе с Мартином Борманом? **21.** Кошачий медведь.

22. Искуситель, легко меняющий облик. **25.** Финал анекдота. **26.** Яичный фрукт. **27.** Мифический змей длиной около 230 метров. **29.** Английский город с Национальным музеем иглолок. **30.** Магический меч у Терри Пратчетта. **31.** Греческий хоровод. **33.** Изменение положения суши с морем за счет вулканических процессов. **36.** Фамилия мистера Белого из драмы «Бешеные псы». **38.** В какой психиатрической клинике лежал Эрнест Хемингуэй? **39.** Какой ансамбль народной музыки играет на еврейских свадьбах? **40.** «Императорский цветок» для японцев. **41.** Итальянский томатный соус для спагетти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чьи портреты Винсент Ван Гог ценил выше «всех Микеланджело и Рафаэлей»? **2.** Сеточка с ручкой для кормления младенца. **3.** Коктейль с медом и сливками. **4.** Чье любовное письмо принесла на «бумажную годовщину» героиня мелодрамы «Светская жизнь»? **5.** Где установлена знаковая скульптура «Рука пустыни»? **7.** С какого

спектакля началось триумфальное восхождение Инны Чуриковой в театре Ленком? **8.** Время, когда животные не успели еще обзавестись скелетами. **9.** Пасхальная жертва у иудеев. **10.** Сказочная страна из калмыцкого эпоса «Джангар». **12.** Кто любит дождь во всех его проявлениях? **14.** Какую валюту ради борьбы с коррупцией выпустили с нулевым номиналом? **15.** Теория создания «общества равных возможностей». **16.** С какой Эмилией танцевал свой последний в жизни вальс Михаил Лермонтов? **19.** Трещина в древесине между годичными кольцами. **20.** Немецкий физик, составивший первые синоптические карты. **23.** Знак отличия магистра. **24.** «Бывает, что усердие превозмогает и ...» **25.** Ядовитая трава, засоряющая сенокосные луга. **28.** Миниатюрист в друзьях у великого Данте. **29.** Пикирующий сокол, ставший украинским символом. **32.** Какой металл назвали «в честь запаха гнилой редьки»? **34.** Японский кот, легенда Интернета. **35.** Хижина на островах Вест-Индии. **37.** Монастырский виноградник у испанцев.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чхима. **9.** Имхотеп. **10.** Бибоп. **11.** Клодт. **12.** Браухич. **13.** «Зогар». **14.** Северин. **16.** Пасифая. **19.** Фрай. **21.** Ватола. **23.** Дурри. **24.** Исаева. **25.** Лигово. **26.** Пуант. **27.** Бишоу. **29.** Сахи. **31.** «Титаник». **33.** Агаран. **34.** Матча. **35.** Отель. **37.** Пэкшот. **39.** Заатар. **40.** Ньюкасл. **41.** Гусс. **42.** Эффасе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Смарт». **2.** Попугай. **3.** Берилия. **5.** Халкея. **6.** Мадлен. **7.** Микон. **8.** Могар. **13.** Зивания. **14.** Сакулумистика. **15.** Ифрит. **16.** «Панатинаикос». **17.** Бородавчатка. **18.** Гадолин. **20.** Брандахлыст. **22.** Автоматон. **28.** Ким. **30.** Гарпаг. **32.** Кадаиф. **36.** Орсе. **38.** Тье.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

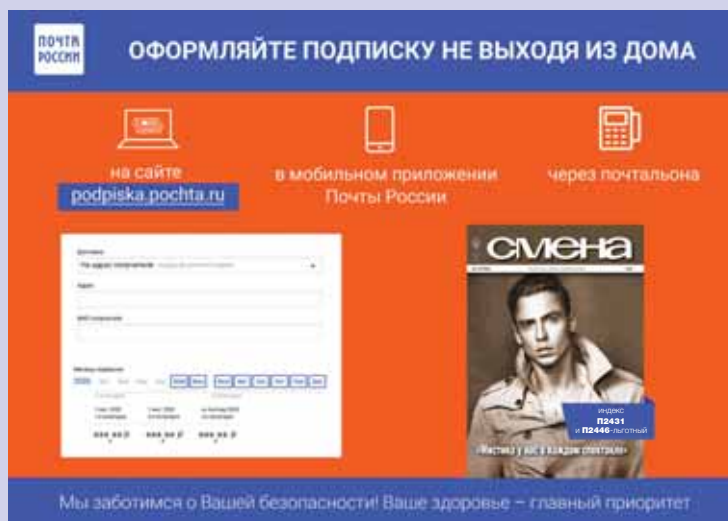
Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - a. по индексу,
  - b. по теме и профессиональным интересам,
  - c. по алфавиту,
  - d. по части названия,
  - e. из списка самых популярных
  - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - a. по индексу,
  - b. по теме и профессиональным интересам,
  - c. по алфавиту,
  - d. по части названия,
  - e. из списка самых популярных
  - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению — ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

